

INSPIRIA

ОДНА ИЗ ЛУЧШИХ КНИГ
2021 ГОДА НА AMAZON

ЗЕРКАЛЬНАЯ СТРАНА

«Сестры-близнецы и пугающий
старый дом... Красиво написано».

СТИВЕН КИНГ

КЭРОЛ ДЖОНСТОН

INSPIRIA

Annotation

ОДНА ИЗ ЛУЧШИХ КНИГ 2021 ГОДА НА AMAZON.

Мрачный, готический, клаустрофобный психологический триллер, основанный на детских фантазиях и страхах.

Самые страшные истории – те, что мы рассказываем сами себе...

Вестерик-роуд, 36 – старый каменный дом на окраине Эдинбурга. Мрачный и таинственный, с узкими извилистыми коридорами и темными нишами. Но главная его тайна – та, что надежно укрылась среди стен. Зеркальная страна – яркий воображаемый мир, придуманный сестрами-близнецами Кэт и Эл в детстве. Их единственное укрытие... Но от чего?

Сейчас Кэт за тридцать. Она давно не общается с сестрой и редко вспоминает о прошлом. Но узнав, что одним солнечным утром Эл покинула эдинбургскую гавань на своей парусной лодке и пропала, Кэт вынуждена вернуться на Вестерик-роуд... Что бы ни случилось, девушка уверена: сестра не умерла. Она бы это почувствовала. Она бы знала...

За двадцать лет дом ничуть не изменился. На каждом шагу Кэт поджидают зловещие призраки прошлого. Кто-то шлет ей загадочные имейлы с подсказками, следуя которым, она всегда находит очередную спрятанную страницу из дневника Эл. И эти страницы, одна за другой, возвращают девушку назад в Зеркальную страну. Туда, где скрывается правда и где ей придется столкнуться с ужасающей реальностью своего детства. Детства, которое было совсем не таким идиллическим, как она помнит...

«Мне очень понравилось. Темный и изощренный роман... сестры-близнецы и пугающий старый дом... Красиво написано. А сюжет выстроен с точностью часовщика». – *Стивен Кинг*

«Темное, хитросплетенное и очень атмосферное исследование силы воображения». – *Рут Уэйр*

«Тревожное повествование-лабиринт». – *New York Times*

«Трудно поверить, что это первый роман Джонстон. Он гладкий и законченный; пропитан готическим саспенсом, но при этом не сваливается в мелодраму. Вот писатель, на которого стоит обратить внимание». – *Globe and Mail*

«Держитесь крепче – вы встретите множество хитросплетений в этом захватывающем рассказе о предательстве и мести, памяти и воображении, а также о тонкой грани между любовью и ненавистью». – *Amazon Book Review*

«Этот роман захватит всё ваше внимание». – *Daily Mail*

- [Кэрол Джонстон](#)
 -
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [ЧАСТЬ I](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [ЧАСТЬ II](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
-

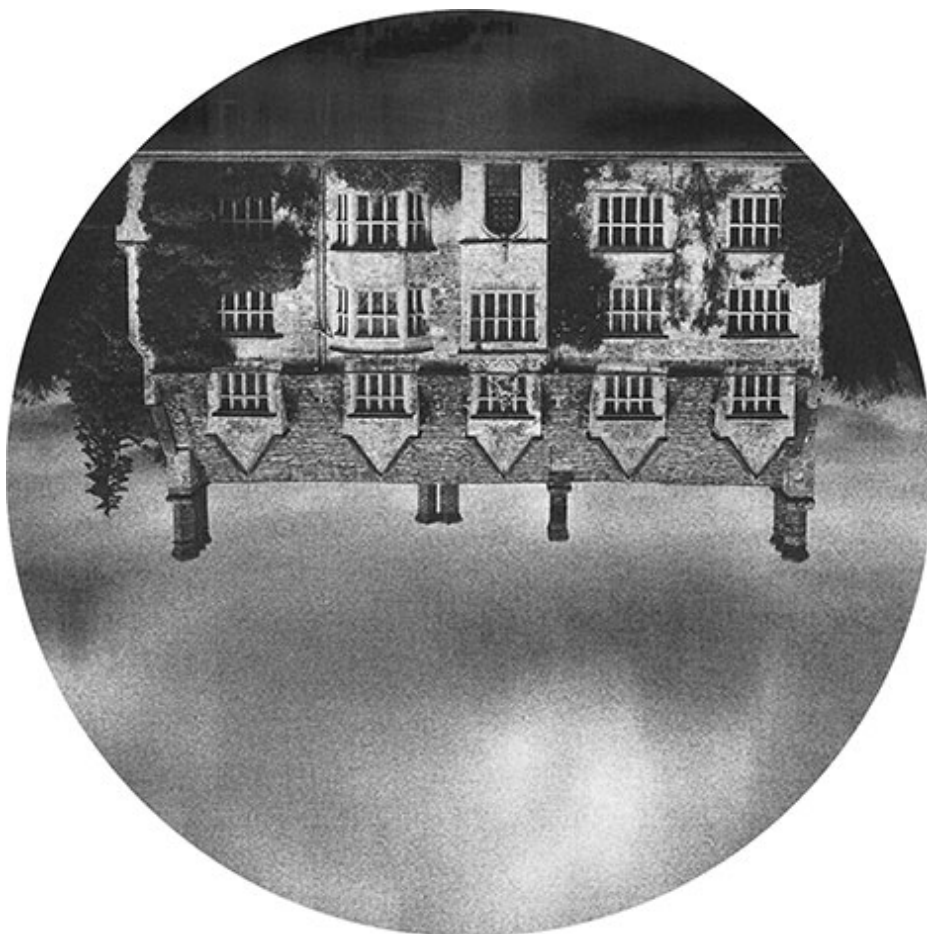
Кэрол Джонстон

Зеркальная страна

© Целовальникова Д.Н., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

* * *

*Посвящается
Лорне*

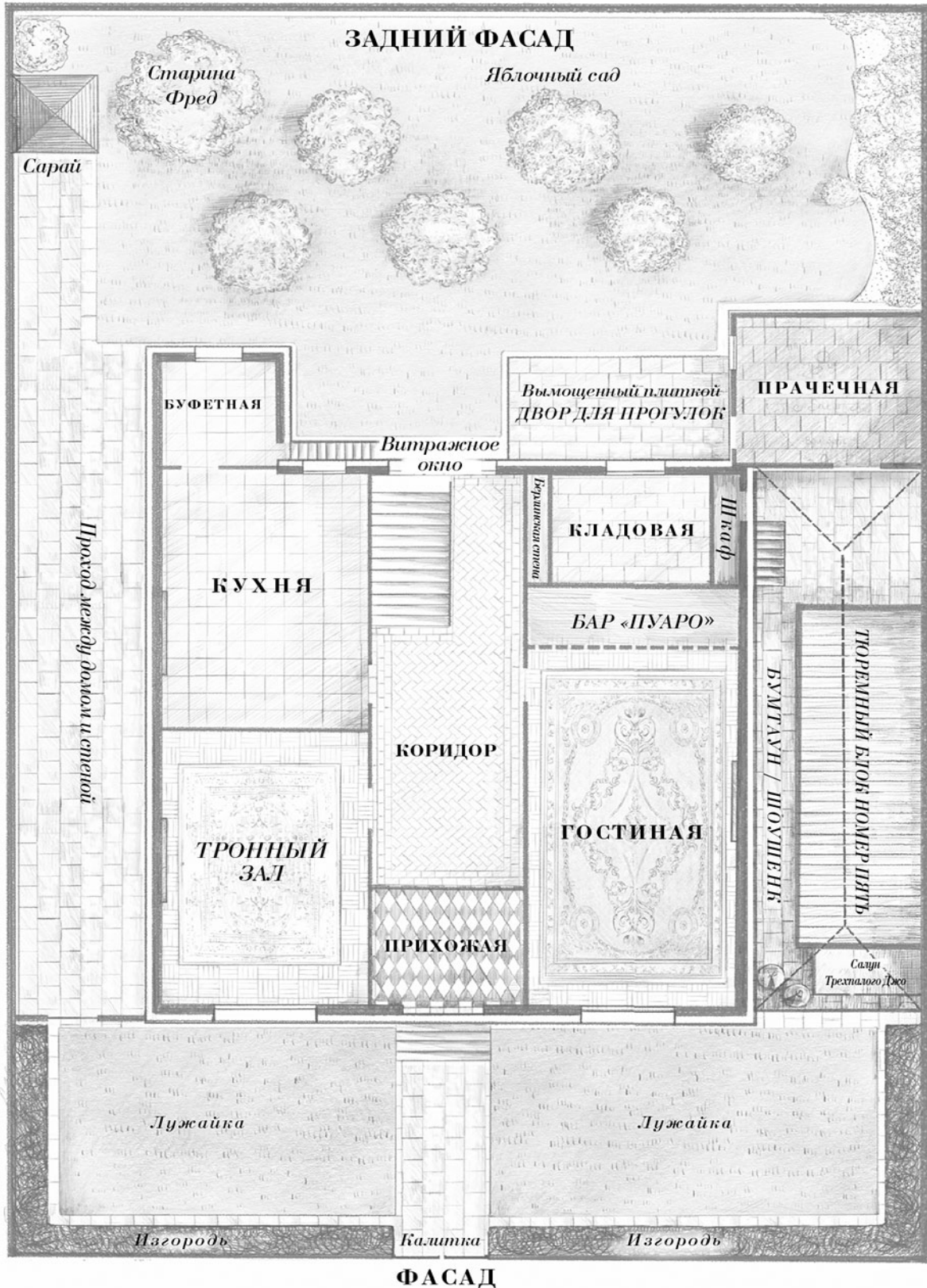
Если сравнить
горести реальной
жизни с
удовольствиями
жизни
вымышленной, то
не захочешь жить,
лишь грезить вечно.

Александр Дюма
«Граф Монте-
Кристо»

Выбор всегда
прост: либо начни
жить, либо начни
умирать.

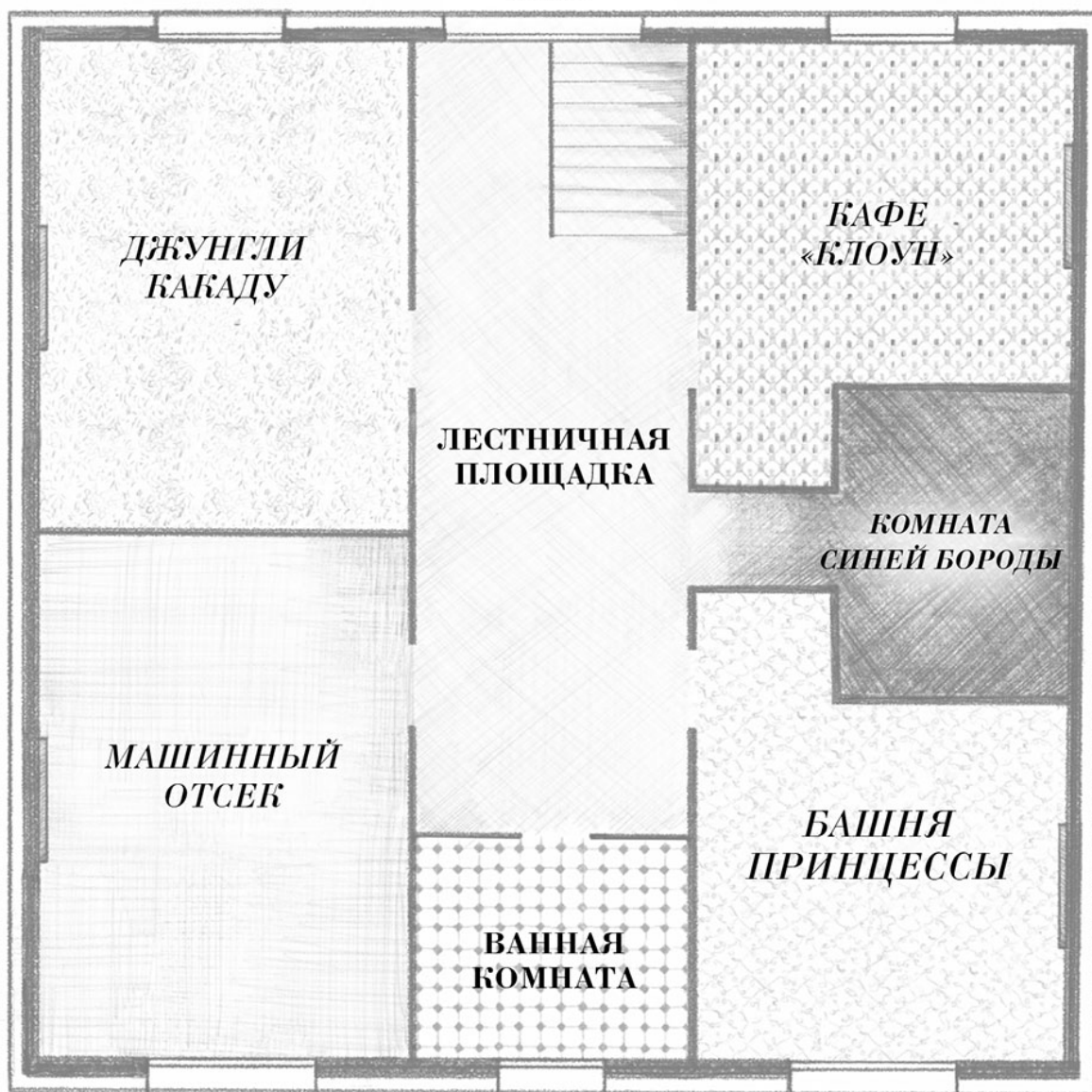
Стивен Кинг «Побег
из Шоушенка»

ПЕРВЫЙ ЭТАЖ

ЗАДНИЙ ФАСАД

*Витражное
окно*

ФАСАД

Пролог

5 сентября 1998 года

Небо пылало розовым. Лучше розовое, чем красное, напомнила Эл, когда нам снова стало страшно. Как любил повторять наш дедушка, «солнце красно поутру – моряку не по нутру; солнце красно к вечеру – моряку бояться нечего». Холодный ветер крепчал. По лицу Эл текли слезы, а я никак не могла унять дрожь.

Мы держались за руки и шли на запах моря, пока ряды многоэтажек не слились в один огромный мрачный дом, где жили убийцы детей. Мы никого не видели и не слышали – будто снова очутились в Зеркальной стране. Напуганные, зато невредимые.

Между тем запах моря усиливался. В гавани пахло тавотом, мазутом, металлом и солью. Чайки просыпались и кукарекали, словно петухи. Мы остановились возле темного деревянного склада. Перед ним были кран, с которого на ржавых цепях свисал крюк, и каменистый склон, исчезающий под водой.

Наступил прилив – единственное время, когда можно выходить в открытое море.

Эл крепче сжала мою руку, и мы оглядели качающиеся на волнах круглые буи, длинные понтоны, белые яхты с дребезжащими железными мачтами и танкер на горизонте. Ничего подходящего. Мы пришли сюда не за этим.

Я порылась в рюкзаке, достала мамину пудреницу и промокнула щеки Эл.

– У тебя глаза красные, – прошептала я.

– А у тебя кровь идет, – напомнила сестра охрипшим голосом, хотя в ту ночь больше кричала я.

– Чего это вы, девчонки, делаете тут посреди ночи? – В слепящем свете фонаря стоял незнакомец, выглядевший именно так, как говорила мама: морщинистый, щербатый, с седой косматой бородой. Старый морской волк.

– Я – Эллис, – сказала Эл и впилась мне в руку ногтями, хотя ее голос оставался спокоен, как вода в гавани. – Это моя сестра-близнец, Кэтриона.

– Да ну?

Старик, пошатываясь, подошел ближе, и от него пахнуло ромом. Я храбро расправила плечи, стараясь не обращать внимания на выпрыгивающее из груди сердце.

– Мы ищем пиратский корабль – хотим наняться в команду.

Незнакомец выругался – дедушка тоже использовал это слово, хотя больше любил другие выражения, – и отпрянул. Глаза его вытаращились, как на ритуальной маске племени гребо из Кот-д’Ивуара, что в Западной Африке. Мы видели такую в дедушкиной энциклопедии.

– Стойте тут, никуда не уходите!

– Корабль скоро отплывает? – прокричала ему вслед Эл, но он уже скрылся в тени склада.

Дверь скрипнула и со стуком захлопнулась. Эл взглянула на меня, закашлялась и выпустила мою руку.

– Ой, Кэт, мы совсем забыли про твой свитер!

Я так перепугалась, что перестала дышать. Уронив рюкзак, сбросила пальто и при помощи Эл принялась поспешно стягивать через голову свитер, словно тот кишел пауками. Мокрая тряпка упала на каменистую землю, и на меня пахнуло кислым, теплым запахом.

– Что будем делать? – с тревогой спросила Эл. – Он же скоро вернется!

Сестра обежала склад, нашла ржавое причальное кольцо и начала привязывать к нему свитер, затягивая рукава морскими узлами. Я бросилась помогать, хотя замерзшие пальцы почти не слушались. Забросив свой груз подальше в беспокойные воды гавани, мы с Эл поднялись по каменистому склону, едва переводя дух и изо всех сил стараясь не плакать.

Внезапно ветер переменился и оттолкнул нас от края. Мне снова почудился запах крови: кислый и темный.

– Бывалый моряк не покинет порт в пятницу, – прошептала я.

– Сегодня суббота, балда! – напомнила Эл, крепко сжав мою руку.

Но я знала, что ей так же страшно, как и мне, и тоже хочется вернуться.

– Думаешь, справимся, Эл?

Мы смотрели на гавань, на маленький островок Инчкит, на танкер на горизонте. Дрожа от холода, держались за руки и стояли так близко, что слышали биение сердец друг друга, а над Северным морем

медленно вставало солнце, заливая небо багрянцем. На лице сестры расплывалась широкая страшная улыбка, которую она сдерживала, пока мы брели в темноте по бесконечным пустым улицам. Ее не смогла стереть ни сирена, ни скрип и хлопанье двери склада. Эл продолжала улыбаться как ни в чем не бывало.

— Мы не покинем друг друга никогда-никогда. Повтори!

— Никогда, — прошептала я.

— До тех пор, пока мы живы!

Раздались шаги, кто-то громко выругался. Свет фонаря ослепил нас, и мы больше не видели гавань, только друг друга. Эл сжала мою руку еще крепче, и я нервно сглотнула, наблюдая, как ее улыбка становится резче и постепенно исчезает.

— Мы о вас позаботимся, — заверил уже другой мужчина, не Старый морской волк.

Женщина с добрыми глазами и не таким слепящим фонариком шагнула к нам, протягивая руку.

— Теперь все будет хорошо!

* * *

В тот день и началась наша вторая жизнь.

ЧАСТЬ I

Глава 1

Когда сестра умерла, меня не было с ней рядом.

Звонил Росс, оставил с десяток голосовых сообщений – одно отчаяннее другого. Я слушала знакомый голос, за годы ничуть не изменившийся, и едва понимала, о чем он говорит.

Томительное семичасовое ожидание в аэропорту Джона Кеннеди сводит с ума, и я включаю ноутбук. Сажу в шумном бистро, забыв про свой чизбургер, и прокручиваю три репортажа на сайте новостей Би-би-си для Эдинбурга, Файфа и Восточной Шотландии. Наверное, мне должно быть стыдно, что первым делом я смотрю на фотографию Росса и уже потом на жирный заголовок: «Тревога за пропавшую женщину из Лейта растет».

Первое фото озаглавлено: «День первый, третье апреля», хотя на нем уже ночь. В кадре Росс шагает вдоль невысокой каменной стены гавани между двумя серебристыми фонарными столбами. Он явно взволнован: плечи сгорблены, кулаки сжаты. Фотографу удалось поймать в кадр яркие огни оранжево-синего судна спасателей, лицо Росса обращено к застывшей яростной волне, разбивающейся о причал. В своих сообщениях он упоминал, что вскоре после исчезновения Эл разыгрался шторм... Можно подумать, я не отвечала на звонки лишь из-за того, что не знала этой ужасной подробности!

Прежде чем отваживаюсь посмотреть первое видео, я выпиваю два бокала мерло в темном, уютном баре подальше от шумного бистро. «День второй, четвертое апреля». И даже тогда, увидев на экране фото Эл – сестра в шелковой блузке заразительно смеется, запрокинув голову, волосы оттенка серебристый блонд, стрижка боб, – я морщусь, нажимаю на паузу и закрываю глаза. Эту позу она называла «чертова девственница». Смущенно провожу по своим спутанным отросшим волосам. Допиваю вино, заказываю еще, и официант смотрит на экран моего ноутбука так долго и пристально, что я опасаясь, не хватил ли его удар. Потом, конечно, понимаю, в чем дело. Он думает, что фото мое. Заголовок над ним гласит: «Эллис Маколи жива или мертва?»

Я вынимаю наушники и поясняю:

– Это моя сестра-близнец.

– Сожалею, мэм, – говорит официант с ослепительной улыбкой, и в его голосе не звучит ни капли сожаления.

Постоянные улыбки и вечное «мэм» меня выматывают, прямо-таки приводят в бешенство. Вот уж по чему я не буду скучать, покинув Америку! При мысли об этом мне становится только хуже. Вспоминаю свою квартирку на Пасифик-авеню с окнами на шумную веселую набережную и Пляж мускулов. Жаркие ночи в клубах, где пот буквально струится по стенам. Бирюзовая прохлада океана, который я просто обожаю...

Отпиваю большой глоток вина, снова надеваю наушники, включаю видео. Фото Эл сменяется изображением девушки-репортера: молодая и серьезная, лет двадцати с небольшим, волосы яростно треплет ветер.

– Утром третьего апреля жительница Лейта Эллис Маколи, тридцати одного года, вышла на яхте из Грантона, что в заливе Ферт-оф-Форт, и больше ее не видели.

Камера отъезжает от яхт-клуба, чтобы показать на западе железнодорожный и автомобильный мост в Куинсферри, затем поворачивается на восток к скалам возле Эрлсферри и Норт-Берика. Между ними – серый залив, на противоположном берегу – пологие холмы Кингхорна и Бернтайленд. И снова гавань: на волнах качаются круглые буи, длинные плавучие причалы, белые парусные яхты с дребезжащими мачтами. Я вздрагиваю, увидев пологий каменистый спуск к воде. Другой кран, старого склада уже нет.

Это же та самая гавань! За пару десятков лет она почти не изменилась. По спине пробегает холодок. Страх не отпускает меня с тех самых пор, как на телефон хлынул поток голосовых сообщений. Я снова тянусь к бокалу и с облегчением вижу, что камера переключается с гавани на записи со спасательных судов и вертолетов.

– Тревогу подняли, когда Эллис Маколи не вернулась в яхт-клуб «Роял Форт» и стало ясно, что она не добралась до места назначения в Анструтере. К поискам привлекли береговую охрану и Национальное королевское общество спасения на воде, но их работу значительно затруднили плохие погодные условия.

В камеру пристально смотрит мужчина – щекастый, почти лысый и серьезный, как и репортер, с нездоровым блеском в глазах. Руки сложены на груди над огромным животом, внизу экрана надпись:

«Джеймс Патон, руководитель поисково-спасательной операции береговой охраны Ее Величества, Абердин».

– Мы знаем, что Эллис Маколи была опытным яхтсменом...

Да неужели? Первый раз слышу!

– Однако, учитывая скорость ветра в заливе утром третьего числа, мы предполагаем, что женщина пропала часов за шесть до того, как подняли тревогу. – Руководитель операции умолкает, и, хотя его снимают выше пояса, видно, что он меняет положение ног, становясь в позу ковбоя, и пожимает плечами. – За последние семьдесят два часа температура в заливе не превышала семи градусов Цельсия. В таких условиях человек вряд ли продержится на воде дольше трех часов.

«Вот урод», – думаю я. В голове звучит голос Эл.

Камера возвращается к девушке-репортеру, делающей вид, что ее ничуть не заботит испорченная прическа.

– Итак, учитывая ухудшившиеся погодные условия, в конце второго дня поисков надежда на благополучное возвращение Эллис Маколи стремительно тает.

Экран заполняет фото Эл с Россом на отдыхе – оба загорелые, сверкают белозубыми улыбками; он обнимает ее за плечи, она запрокидывает голову, готовая рассмеяться. Понимаю, почему репортаж такой подробный. Красивая пара. Они смотрят друг на друга так, словно очень голодны и одновременно довольны. От их близости мне становится не по себе, от вина появляется изжога.

Беру телефон, открываю погоду. Для меня Эдинбург по-прежнему на втором месте после Венис-Бич. Никогда не задумывалась, почему всегда смотрю его метеосводку. Шесть градусов и сильный дождь. Всматриваюсь в темноту за окном, вдали маячат белые линии взлетно-посадочных огней.

В Великобритании всего шесть утра, но уже есть новое видео: «День третий, пятое апреля». Не буду смотреть! Я и так знаю, что ничего не изменилось. Эл не нашли, да этого никто и не ждет. Внизу еще одна заметка, опубликовали меньше двух часов назад. «Муж-доктор пропавшей женщины из Лейта теряет надежду». При виде фотографии у меня перехватывает дыхание. На Росса больно смотреть. Он сидит на корточках у невысокой стены, прижав колени к подбородку. Рядом с ним стоит мужчина в длинной куртке с капюшоном и что-то говорит, но Росс явно не обращает на него

внимания. Он смотрит на залив, рот полуоткрыт, зубы стиснуты в стоне отчаяния и невыносимого горя.

Со стуком захлопываю ноутбук и залпом допиваю вино. На меня оборачиваются. Руки дрожат, в глазах печет. Перелет из Нью-Йорка в Эдинбург долгий, но недостаточно. Я отдала бы все что угодно, лишь бы не возвращаться никогда!

Встаю, беру ноутбук, бросаю на стол двадцатку и иду в другой бар – больше не вынесу непрерывных «мэм» официанта. На ногах я держусь нетвердо; наверное, стоило съесть тот чизбургер... Неважно. Уже ничего не важно. На меня все еще оборачиваются, и я гадаю, не сказала ли это вслух. Потом понимаю, что иду и трясую головой. Я должна верить, что ничего не изменилось, что мой страх и гнетущая паника ничего не значат. Вспоминаю Эдинбург, Лейт, серый каменный дом с решетчатыми переплетами окон на Уэстерик-роуд. Вспоминаю дедушку с щербатой улыбкой – и немного успокаиваюсь. «Вся эта чепуха и яйца выеденного не стоит, цыпа».

Когда сестра умерла, меня не было в Эдинбурге. Я не ждала рейса в аэропорту Лос-Анджелеса или Нью-Йорка. Я не сидела на кованом балконе съемной калифорнийской квартирки с видом на Тихий океан, потягивая цинфандель так, словно тут мне самое место.

Когда сестра умерла, меня не было нигде, потому что она вовсе не мертва!

Глава 2

Я стою на тротуаре, пока автобус не исчезает из виду. То ли погодное приложение на айфоне слетело, то ли погода наладилась: день холодный и солнечный, на небе ни облачка. Пронизывающий ветерок со стороны города доносит запахи дыма, омнибусов, пивоварен, горящего угля. Странное чувство: вроде все знакомое и в то же время другое. Дома и дорога все те же, супермаркет «Колкохун» тоже на своем месте – в цокольном этаже жилого здания. Налетает ледяной бриз, ерошит мне волосы. Стараюсь не вспоминать слова напыщенного спасателя с замашками ковбоя. Наверное, в море гораздо холоднее, чем здесь...

Дом тридцать шесть на Уэстерик-роуд ничуть не изменился. Железная ограда с калиткой, ровная лужайка, обсаженная живой изгородью, посередине дорожка. Мрачный симметричный фасад, облицованный серыми кирпичами, и высокие, узкие решетчатые окна. Две боковые каменные стены, белые глиняные балясины и красная деревянная дверь.

Оступаю и резко оглядываюсь. Никого. Сердце колотится как бешеное. Через дорогу – ряд жилых домов из красного песчаника, которые мы с Эл прозвали Пряничный курятник. Узкие стандартные коттеджи с белыми дверными и оконными рамами, на подоконниках стоят ящики с анютиными глазками и петуньями. Какой резкий контраст по сравнению с мрачным серым домом напротив... Ощущение, что за мной наблюдают, усиливается, волосы на затылке встают дыбом.

Снова поворачиваюсь к дому под номером тридцать шесть, открываю калитку, иду по дорожке, поднимаюсь по четырем каменным ступеням и вижу красную металлическую скребницу для обуви перед приоткрытой парадной дверью. Однажды я спросила у мамы, почему его не называют Красный дом; та удивленно моргнула и посмотрела на меня как на дурочку. Думая о ней теперь, я не могу вспомнить больше ничего, кроме этого взгляда.

«Это Зеркальный дом. Совсем как ты с Эллис. Совсем как Зеркальная страна».

Вероятно, когда-то мы с Эллис обладали такой же непреклонной симметрией, как и этот дом, однако ничто не остается неизменным вечно. Толкаю дверь, вхожу в прихожую. Черно-белая плитка в шахматном порядке, темные дубовые панели и неожиданно малиново-красные стены. Закрываю глаза и слышу тяжелый лязг засова. Вспышка черной тьмы. «Беги!» Испуганно оглядываюсь, но дверь открыта, и в нее льется теплый солнечный свет.

Поворачиваю бронзовую ручку второй двери, ловлю в ней отражение своего испуганного лица и оказываюсь собственно в холле; вдали маячит изгибающаяся тень лестницы. Старый ковер исчез, на его месте – сверкающий паркет. Солнце проникает сквозь фрамугу над дверью, и я отчетливо вижу себя в детстве: сижу в пятне света на кусачем ковре, скрестив ноги, и читаю дедушкину энциклопедию.

Стены холла завешены декоративными тарелками, маленькими и большими, с рельефными и позолоченными краями: зяблики, ласточки, малиновки на зеленых ветвях, на голых ветвях, на заснеженных ветвях. Высокий дубовый телефонный столик и дедушкины часы именно там, где и были всегда – по бокам двери в гостиную. И хотя это кажется странным и даже невероятным, ведь прошло почти двадцать лет, они всё так же стоят на страже. Запах совершенно не изменился: старое дерево, старые вещи, старые воспоминания. Мое недоверие сменяется неожиданным облегчением с примесью вполне понятной тревоги. Набираю полную грудь воздуха, и вдруг внутри словно высвобождается и рвется наружу странное чувство, отчасти похожее на страх – хрупкое, с острыми краями и в то же время теплое. Оно глубокое, как океан, у него свои ожидания. По большей части я рада вернуться. Я рада, что все здесь осталось прежним, как бы невероятно это ни звучало.

Захожу в кухню, словно я у себя дома, и на сине-белом плиточном полу вижу стоящего на четвереньках Росса. Он поднимает голову и вздрагивает.

Я слишком занята мыслями о том, чего сказать не могу, и не нахожу ничего лучше, как ляпнуть:

– Преклонять колена – это уже слишком. Мог бы просто сказать «привет».

– Кэ-эт! – протяжно восклицает Росс, словно в моем имени два слога.

Он встает, и я замечаю на полу разбитую фарфоровую тарелку.

– Помочь?

– Потом уберу. – Он перешагивает осколки и останавливается прямо передо мной. Мы оба улыбаемся через силу. – Как там в Лос-Анджелесе?

– Жарко.

– Добралась нормально?

– Да, хотя лететь очень долго.

Не знаю, почему разговор дается мне с таким трудом. Зачем мы вообще пытаемся вести эту идиотскую беседу? Росс прежний и в то же время другой, как и дом. Лицо бледное, мешки под глазами больше, чем видно в новостях, уже не лиловые, а черные. Темная щетина, растрепанные волосы. Он выглядит старше, но ему идет. Потеря Эл далась ему нелегко: вокруг карих с серебристыми искорками глаз залегли морщинки, лицо исхудало. Интересно, осталась ли прежней его кривая улыбка, заходит ли еще левый клык на соседний резец?

– Говорят, возвращаться тяжело, – замечает он.

– Да уж.

Росс прочищает горло.

– Я имел в виду путешествие с запада на восток.

– Знаю, – говорю я.

Футболка на нем мятая, руки покрылись гусиной кожей. Он шагает ко мне, останавливается, проводит ладонями по лицу.

– Сколько же лет прошло?

– Двенадцать? – шепчу я, словно не считала каждый год. В горле ком, глаза щиплет. Эл, Росс, наш старый дом... Я устала, мне грустно, страшно и я чертовски зла. Возвращаться явно не стоило, хотя в глубине души я об этом мечтала. Не прошло и суток, как я покинула свою прекрасную квартирку на Пасифик-авеню, но теперь она значит для меня не более чем глянцевая открытка из места, где я побывала давным-давно.

Росс порывисто прижимает меня к себе так крепко, что щетина царапает шею; кожу согревает теплое дыхание, знакомый, давно забытый голос отдается во всем теле. Он совершенно не изменился.

– Слава богу, ты вернулась, Кэт!

Мы поднимаемся по лестнице, и я изо всех сил пытаюсь не смотреть по сторонам. Дубовые перила, гладкие и изогнутые, на мозаичной облицовке ступеней – зеленые и золотые всполохи света из витражного окна. Лестничная площадка скрипит под ногами, как прежде, и я на автомате направляюсь в первую комнату. Росс стоит на пороге комнаты напротив с моим чемоданом в руках и смущенно улыбается.

– Там теперь наша спальня, – сообщает он.

– Извини, – говорю я, поспешно возвращаясь на площадку. – Конечно.

Интересно, как выглядит комната теперь? Когда там жили мы с Эл, покрывала были золотисто-желтые, обои – буйство зеленых, коричневых и золотых красок – настоящий тропический лес. Ночью мы опускали деревянные жалюзи и представляли себя викторианскими исследователями в джунглях на севере Австралии. Захожу за Россом во вторую спальню. Знакомая аккуратная мебель из сосны и высокое окно, выходящее в сад за домом. В углу стоит заляпанный красками мольберт и палитра, к стене прислонены два холста. Бурный океан, зеленые пенистые волны под темными грозовыми облаками. Эл научилась рисовать раньше, чем ходить.

– Как тебе комната? – спрашивает Росс.

Внезапно я узнаю комод и платяной шкаф и гадаю, на месте ли грим, оранжевые парики, разноцветные нейлоновые комбинезоны и накладные носы. Потом вижу, что петли и щели покрашены краской. Снова оглядываю комнату с обоями в бело-красную полоску и улыбаюсь. Ну конечно! Я – в кафе «Клоун».

– Кэт?

– Извини, задумалась... Да, годится. Просто отлично!

– Наверное, странно вернуться сюда через столько лет.

Не могу смотреть ему в глаза. Я все еще помню тот день, когда Росс сообщил мне о покупке дома. Я сидела на веранде шумного бара на бульваре Линкольна, мучаясь от похмелья и жары. К тому времени я прожила в Калифорнии уже несколько лет, но так и не привыкла к безжалостному южному солнцу. Узнав новость, я испытала потрясение. Представила, как Эл с Россом сидят в обнимку в гостиной перед

облицованным зеленой плиткой камином, пьют шампанское и строят планы на будущее... Хотя после этого Росс не раз пытался до меня дозвониться, больше трубку я не брала никогда.

– Поверить не могу, что после стольких лет все по-прежнему на своих местах! Здесь ведь жили другие люди...

– Пожилая пара, Макдональды, – Росс кивает. – Видимо, они приобрели бóльшую часть обстановки вместе с домом и особо ничего не меняли. Купив дом, мы добавили кое-какие вещи...

Я смотрю на него.

– Добавили?..

– Ну да. Крупную мебель они оставили: кухонные шкафы и стол, плиту, диван и кресла в стиле честерфилд, а все прочее – новое. То есть не совсем новое, ты ведь понимаешь. – Росс улыбается с несчастным видом, едва сдерживая отчаяние и злость. – На выходных Эл постоянно таскала меня по всяким антикварным магазинчикам.

Услышав имя сестры, я невольно вздрагиваю. Росс смотрит на меня долго и внимательно, не спеша отвести взгляд.

– Ты так и не спросила, – медленно говорит он, – почему мы купили этот дом.

Я отворачиваюсь, смотрю на окно и покрашенную дверцу буфета.

– Его выставили на аукцион. Эл увидела объявление в газете. – Росс устало садится на кровать. – Я подумал, что заикливаться на прошлом – неправильно. То есть... Ну, ты понимаешь.

Еще бы! Когда-то я была здесь счастлива. А потом, после ухода, несчастна. И все же я знаю: возврата к прежней жизни нет.

– Я собрал задаток и помог ей с покупкой. – Росс пожимает плечами. – Ты ведь знаешь, какой упорной была Эл, если ей чего-то хотелось.

Лицо пылает, по коже бегут мурашки. Он говорит о ней в прошедшем времени! То ли считает мертвой, то ли потому, что у меня с сестрой давно нет ничего общего.

Росс прочищает горло и лезет в карман.

– Подумал, что они тебе пригодятся, чтобы ты могла приходить и уходить, когда захочешь. – Он протягивает мне два ключа от автоматического замка. – Первый – от двери в прихожую, которую я обычно не запираю, второй – от входной двери. Еще там есть засов, но ключ у меня один, поэтому пока не буду им пользоваться.

Беру ключи, подавляя внезапно нахлынувшее воспоминание о черной тьме. «Беги!»

– Спасибо.

Росс резко поднимается с кровати, словно его дернули за ниточки. Вышагивает по комнате, проводя руками по волосам, сжимает кулаки.

– Кэт, я должен предпринять хоть что-нибудь, но что?

Он бросается ко мне, выкатив красные от недосыпа глаза.

– Кэт, они считают, что Эл мертва! Ходят вокруг да около, вслух не говорят, только я вижу, что они думают! Завтра уже четвертый день, как она пропала. Как считаешь, сколько ее будут искать? Отговорки про погоду, время и ресурсы кончатся, и спасатели скажут: «Извините, доктор Маколи, больше мы ничего не можем поделать». – Росс взмахивает руками; на футболке под мышками влажные пятна. – Эл ведь не просто исчезла – она ушла на чертовой двадцатифутовой яхте с двадцатидвухфутовой мачтой! Как можно не найти такую огромную яхту? К тому же Эл отлично с ней управлялась, – добавляет он, метаясь по комнате. – Она прекрасно знала, что я терпеть не мог ее чертовых прогулок в одиночку! – Падает на кровать, словно кто-то перерезал ниточки. – Я ведь предупреждал, что этим кончится...

– Понятия не имела, что Эл умеет ходить под парусом, – замечаю я. – Не говоря уже о том, что у нее была яхта.

К тому же пришвартованная в гавани Грантон... Внезапно перед глазами встает картинка из прошлого: мы с сестрой стоим у бушприта «Сатисфакции», хохочем, кричим, наши волосы треплет горячий тропический ветер, и я чувствую то ли тоску, то ли ярость.

– Эл купила ее пару лет назад. Обязательный договор, невозвратный депозит. Она неплохо зарабатывала на комиссионных, но выставки бывали редко, и остаток выплатил я. Да сперва она даже управлять чертовой лодкой не умела! Господи, зачем я только... – Росс судорожно проводит руками по лицу. – Это я во всем виноват!

Мне хочется сказать, что Эл жива, но я не могу: Росс пока не готов.

– Почему ты винишь себя?

Росс был в отъезде – отправился в Лондон на ежегодную конференцию по психофармакологии. Это обязательное требование для всех практикующих клинических психологов.

– «Эффективность и безопасность психоактивных методов лечения», – добавляет он, будто это важно. Название конференции не

говорит мне ровным счетом ничего. Росс винит себя за то, что его не было с ней рядом, что он ее не остановил, хотя мы оба знаем: это не помогло бы. Впрочем, он явно чего-то недоговаривает. – Когда я вернулся, Эл уже часов пять как пропала, и откуда ни возьмись налетел шторм.

Вспоминаю фото «День первый», на котором Росс стоит в тени между двумя фонарями.

– Вчера поиски расширили до Северного моря. Ее ищут все рыбацкие суда и танкеры, но... – Росс качает головой и снова встает. – Я знаю, скоро поиски свернут. Полиция наверняка заявится завтра утром. Никто не хочет, чтобы я торчал в гавани и путался под ногами. – Он фыркает. – Безутешный вдовец!

Такой сердитый, такой отчаявшийся...

– Ты, наверное, устал. Приляг хотя бы ненадолго, – предлагаю я.

Росс тут же начинает возражать.

– Мне все равно не уснуть до вечера. Если что-нибудь случится, я тебя разбужу. Обещаю!

Плечи его опускаются. Улыбка такая несчастная, что я поскорее отворачиваюсь и смотрю на качающиеся за окном зеленые кроны.

– Ладно, – сдается он и сжимает мою руку. – Спасибо тебе, Кэт! – В дверях с улыбкой оборачивается и уже слегка напоминает прежнего Росса. – Знаешь, я ведь и в самом деле рад, что ты вернулась.

Роюсь в чемодане и достаю бутылочку водки, купленную в аэропорту. Сажусь на нагретую Россом кровать и выпиваю. На тумбочке фото в рамке: юные Эл с Россом улыбаются на фоне цветочных часов в парке Сады Принцесс-стрит. Он сунул ей пальцы за пояс джинсовых шорт, она обнимает его за талию.

Интересно, это снято после моего отъезда? Помнили ли они обо мне тогда? Смотрю на широкую счастливую улыбку Эл и знаю ответ.

Отворачиваюсь и снова оглядываю комнату. Кафе «Клоун» было целиком и полностью задумкой Эл: воображаемая американская закусочная у дороги с полосатыми красно-белыми стенами и розовыми неоновыми трубками. Старенький проигрыватель был музыкальным автоматом, играющим песни Элвиса. Сосновый буфет – столиком, два высоких табурета – стульями. Кровать служила нам барной стойкой, платяной шкаф – туалетом.

Клоунов я не особо любила; мы с сестрой считали, что они – совершенно другой, отличный от людей вид. Я испытывала к ним смешанные чувства, жалость пополам с брезгливым недоверием: мне казалось, что эти существа больше ни на что иное не годятся, и, хотя мне было всего восемь лет, я понимала, насколько ограничены их возможности. Эл полагала, что путешествовать с бродячим цирком – лучшая работа в мире.

Зато Зубная Фея клоунов боялась, а мы боялись Зубную Фею... Поэтому и прятались в кафе «Клоун» (кожа чешется под слоем грима и пластиковыми носами, нейлоновыми париками и комбинезонами), пили кофе, кушали жареные пончики в компании двух клоунов-старожилов по имени Дикки Грок и Пого. Первый работал поваром в кафе: немой, с грустным лицом, бывший жонглер, который терпеть не мог цирк и рано ушел на пенсию. Второй клоун был щуплым, с большими зубами, – король фарсовых трюков, обожавший подкрадываться к людям сзади и орать в рупор. Меня он ужасал ничуть не меньше, чем Зубная Фея.

Впрочем, оно того стоило, ведь кафе «Клоун» принадлежало только нам. Это было одно из лучших укрытий на свете.

Сглатываю комок в горле. Я не вспоминала про кафе «Клоун» много лет, как и про нас с сестрой... Мне хочется вдохнуть свежего воздуха. Я подхожу к окну и пытаюсь рывком поднять нижнюю раму. Она не поддается. Я с недоумением опускаю взгляд. В подоконник вбито с десяток кривых гвоздей. Хотя бояться нечего, меня охватывает страх. Мне становится так же страшно, как в Лос-Анджелесе, когда на долю секунды я поверила, что Эл мертва. Точнее, не я, а часть меня, которая рада возвращению туда, где наша первая жизнь закончилась и не должна была продолжиться никогда.

– Ах, Эл, – шепчу я, водя пальцами по холодному стеклу. – Что же ты наделала?

Глава 3

В доме одновременно слишком тихо и слишком шумно.

Стою на верхней лестничной площадке и перевожу дыхание. Ковра уже нет, зато свисающий с потолка стеклянный шар и золотистый свет с Уэстерик-роуд, который струится из открытой ванной прямо передо мной, всё те же. Смотрю на закрытые двери комнат – спальни номер один, два, четыре и пять – и вспоминаю названия, придуманные нами с сестрой: Джунгли Какаду напротив кафе «Клоун», Башня принцессы напротив Машинного отсека. В темном узком коридоре между кафе «Клоун» и Башней принцессы сердце предостерегающе ускоряет ритм, но я не обращаю внимания, поворачиваю и быстро шагаю к комнате в самом конце. Спальня номер три. Наверное, у нее тоже было прозвище, только я его не помню. У пыльной матово-черной двери обнаруживаю, что крепко обхватила себя руками, боясь коснуться стен. Встряхиваюсь и делаю глубокий вдох. Господи, да прекрати ты! Взявшись за дверную ручку, слышу вопль Эл: «Не входи! Нам туда нельзя!» – и мамин голос – высокий, резкий, безапелляционный: «Только суньтесь, и я с вас шкуры спущу! Вам ясно?»

Еще бы.

Отпускаю ручку и отшатываюсь, не желая поворачиваться к двери спиной. Пячусь назад, на площадку, залитую теплым золотым светом. Понятия не имею, почему меня так трясет. Довольно странное чувство – похоже на зуд, но не настолько сильный, чтобы чесаться.

Кэт, прекрати! Это всего лишь призраки.

Медленно перевожу дух. Подхожу к спальне номер пять, толкаю дверь. Дедушка называл ее Машинным отсеком, потому она была сердцем корабля, его движущей силой. Там стояли массивная дубовая кровать, шкаф и большой уродливый стол, за которым он работал. Я помню громкое шипение радиопомех – даже нося слуховой аппарат, дедушка слышал настолько плохо, что по субботам весь дом знал о каждом футбольном моменте. Теперь радио нет, как и гор шурупов, болтов и пружин, сломанных механизмов и моторов. Здесь больше не пахнет маслом и теплым металлом. Сердце Машинного отсека перестало биться много лет назад.

Башня принцессы была маминой спальней. Я открываю дверь, и к горлу подступает ком: у стены узкая кровать, розовая подушка и пуховое одеяло, белый туалетный столик с розовой кружевной оборкой и мягкий пуфик. Меня пробирает дрожь, потому что все выглядит таким настоящим, словно застыло во времени на два десятилетия. Словно мама вышла из комнаты минуту назад... Она редко позволяла мне с Эл сюда заходить, только если читала нам книжки, и меня всегда поражал резкий контраст между розовыми оборочками и нашей суровой матерью: она ничуть не походила на принцессу Иону из своей любимой сказки. Иона значит «красивая», и принцесса была самой прекрасной на свете...

Я сажусь на кровать, смотрю в большое окно, выходящее на Уэстерик-роуд, вспоминаю медленное, ласковое прикосновение ладони матери к моим волосам. В один ужасный день Иону украла злая ведьма, отрезала ей крылья и заключила в высокую-превысокую башню. Отважная принцесса не знала ни печали, ни страха, потому что собиралась сбежать. Она ждала, пока ее золотые волосы отрастут настолько, что их можно будет привязать к спинке кровати и спуститься по ним как по веревке до самого низа. «Как же она их потом отвяжет?» – спросила Эл. Мама перестала гладить наши волосы и коротко ответила: «Обрежет».

В доме не было телевизора, а единственное радио – дедушкин транзистор – считалось неприкосновенным. Наша жизнь состояла из сплошных сказок и историй. Среди многочисленных маминых правил чтение являлось, пожалуй, самым главным и непреложным: все, что нам нужно знать о жизни, мы должны почерпнуть из книг. Некоторые сказки – например, про Башню принцессы – представляли собой причудливые переложения сказок «Тысячи и одной ночи» или братьев Гримм. Другие мы читали сами: про фантастические миры Нарнии и Средиземья, про Остров сокровищ и страну Нетинебудет. И еще мама придумывала сказки сама – про пиратов и принцесс, про героинь и чудовищ – страшные, увлекательные, поучительные истории для глупых, наивных и трусливых.

Белоснежка тихая и нежная. Она сидит дома, помогает маме по хозяйству или читает ей книжки. Алоцветик – шумная и веселая, любит бегать, смеяться и ловить бабочек. Мамино дыхание щекочет нам кожу. «Вы всегда должны держаться друг за друга. – Она сжимает пальцы. –

Полагайтесь только на себя. Не доверяйте никому. – Мама дергает нас за волосы, из глаз брызжут слезы. – Кроме друг друга, у вас никогда и никого не будет».

Поспешно встаю, растираю покрытые мурашками руки. Никуда я не уйду! Подхожу к выкрашенному белой краской шкафу, где мама хранила наши книги, открываю дверцу. Прямо на меня глядят голубые глаза Эл, и я отшатываюсь к стене. Лицо бледное, землистое. Вокруг глаз и рта морщинки, совсем как у меня. Краска густая, мазки небрежные. На заднем плане – большое зеркало, отражения внутри отражений, темное усталое лицо становится все меньше, и так до бесконечности. Слишком много Эл. Конечно, смотреть на сестру всегда было все равно что глядеться в зеркало.

Близнецы в нашем роду не редкость, твердила мама, но мы были особенными – редкими, как совиные козодои или калифорнийские кондоры. Такие как мы рождаются лишь у одной матери из ста тысяч. Она показывала нам книгу со всякими сложными диаграммами, изображающими свернувшихся в клубок эмбрионов, которые держатся за руки в утробе. Наша яйцеклетка разделилась надвое очень поздно, более чем через неделю после оплодотворения, и это означало, что мы – не просто половинки одного целого. Мы – Зеркальные близнецы! Мама одевала нас одинаково: шила нам детские сарафанчики и белые блузки с воротничками под горло, ситцевые клетчатые платица ниже колена. Она усаживала нас на розовый пуфик перед зеркалом, заплетала в косички наши длинные белокурые волосы, и мы изумленно смотрели на свои отражения.

«Еще пара дней, и вы стали бы чем-то иным, как песок и известняк сплавляются в стекло».

Эта мысль меня пугала, словно мы едва избежали страшной участи – превратиться в чудовище.

Рассматриваю автопортрет Эл. Судя по ненависти в глазах, сжатым губам и стиснутым зубам, она злится, буквально клокочет. Но под злостью страх – я знаю ее достаточно хорошо, чтобы это понять. Интересно, кого она боится и почему решила нарисовать себя в таком настроении? Опускаю взгляд на свои руки, невольно вспоминая, как крепко сестра впивалась в них пальцами. После оставались красные отметины, которые сменяли лиловые и желтые пятна синяков.

«Ненавижу! Катись отсюда подальше! – рывкает Эл с торжеством во взгляде. – Знать тебя не желаю!»

Закрываю дверцу шкафа, устало прислоняюсь к ней пульсирующей от боли головой. Разве я могу сказать Россу, что Эл жива? Как я это объясню? Ведь даже много лет назад, когда она меня обижала, я знала, что сестра говорит неправду, и под яростью видела боль. Мы действительно были словно песок и известняк, и я чувствовала ее боль как свою. В шесть лет Эл свалилась со Старины Фреда, а я в то время лежала в постели с гриппом, мучаясь от температуры и удушья и гадая, выживу или умру. Из моего горла рвались ее крики – я чувствовала ужас падения сквозь ветви, удар о землю, мучительную боль, охватившую лодыжку и колено. Дедушка сказал, что она просто растянула связки, и уже через неделю Эл была на ногах в отличие от меня. Сестра приносила мне воду с лимоном и маргаритки из сада, чтобы плести венки, сидя вдвоем на кровати. Когда ее в первый раз пустили ко мне, она изумленно таращила глаза, слушая, как больно мне было от ее падения.

«Голова закружилась, – пояснила Эл. – Грудь сдавило, я не смогла дышать и упала».

В дальнейшем она постоянно пыталась доказать то, что я и так уже поняла. Для нее это была игра: Эл запросто бросалась вниз с деревьев и лестниц, разделяя со мной боль, страх, чувство опасности. С ее рук и ног не сходили ссадины и синяки. Сестру ничуть не волновали мои мольбы, и я словно шагала по минному полю на чужих ногах. Страх высоты буквально сковывал меня, ведь падение могло случиться в любую секунду. Головокружения прекратились только после того, как я навсегда уехала из дома... Эл лишь хохотала и обнимала меня крепко-крепко, тоже до боли.

Третьего апреля я проспала до десяти часов, потому что легла за полночь, заканчивая обзорную статью для журнала о стиле и моде: «Десять невербальных признаков того, что он вам изменяет». Выпив чашку кофе, я прогулялась по набережной Венис-Бич, побродила между торговыми прилавками и туристами с растаманскими флагами, роллерами, циркачами, предсказателями и художниками. Когда стало слишком жарко, я присела на скамью в тени пальм и наблюдала, как жизнь проходит мимо, вдыхая ее полной грудью, словно я ее часть.

Лениво размышляла, в какой ночной клуб пойти, что надеть, чьи руки будут меня касаться.

В квартиру вернулась ближе к пяти, поспала часок, приняла душ, надела маленькое черное платье и туфли на шпильке. Выходя на балкон, оступилась и чуть не выронила открытую бутылку.

Охлажденное вино намочило мне пальцы, и это было самое большое потрясение за день. Я сидела на балконе, потирала ушибленную ногу, пила вино и смотрела, как солнце исчезает за горизонтом, заливая алыми красками Тихий океан. Я не чувствовала ровным счетом ничего особенного – обычный день, обычный вечер. С тех пор мало что изменилось. Ни ужаса, ни потрясения, ни боли, ни душевного трепета, ни чуждого фантомного страха. Никакой утраты, ведь ничего не закончилось. Все оставалось ровно таким же, как и всегда. Эл вовсе не лежит в темноте, корчась от боли. И она вовсе не мертва. Я бы это почувствовала. Неважно, насколько мы отделились друг от друга. Я бы знала!

* * *

Иду на кухню. Лучше покончить с этим сразу. Мамина старая плита – большая, уродливая, угольно-черная – выглядит так, словно ею пользуются до сих пор: сверху стоит чайник, на решетке – горстка золы. Так и вижу завитки волос на мамином затылке, согнутую над кастрюльками и сковородками спину, тугой узел фартука на талии, сбитые каблуки туфель. Запотевшее от пара стекло скрывает темный сад. Отбеливатель и лаванда, острая шотландская похлебка и сладкие лимонные пирожные, которые мы иногда пекли после школы. Громоздкий деревянный стол с царапинами, щербинками и пятнами по-прежнему занимает большую часть кухни. Вижу дедушку, сидящего, устроив больную ногу на соседнем стуле, у него блестящая гладкая лысина и пышные бакенбарды; он бросает в рот свои сердечные пилюли, словно оранжевые «Тик-так», стучит по столу огромными кулаками, когда счастлив, зол или расстроен.

Вижу маму с половником в руках, суп капает на пол; лицо осунувшееся, кожа под глазами сморщенная, как высохшая мокрая газета, голос громкий, чтобы дедушка расслышал. «В Эдинбурге

случается по три нападения с ножом на день». Эл и мне лет по восемь или девять, не больше, потому что волосы у мамы все еще светлые, почти как у нас; смотрим на дедушку с тревогой, пока он не хмыкает, скаля белые зубы. «Не везет бедолагам, да?»

Он родился в Ист-Энде в Глазго, потом с шестнадцати лет работал инженером на рыболовецких судах в Северном море. Бабушка умерла от рака, когда мама была еще подростком. Каждый год в день ее смерти мама запиралась в своей спальне и не выходила до следующего утра. А вот дедушка неизменно держался стоически. Он напоминал карикатуру на одну из маминых сказок: тяжелая жизнь выковала сурового человека, чей мир с годами ничуть не менялся – неважно, на скольких судах он ходил, сколько разных мест и людей повидал. При этом каждое лето он проводил в саду в компании Эл и меня – в хорошую погоду устраивал пикники, хохотал вместе с нами и принимал участие в наших бесконечных охотах за сокровищами, а в дождливые дни строил в доме все более затейливые форты и замки из одеял. На выходных дедушка отправлялся на лейтский рынок, и мы часами сидели за кухонным столом в ожидании мелодии *Bluebell Polka* или *Lily of Laguna*, которые он насвистывал довольно фальшиво, и хромящего силуэта в проеме застекленной двери, с полотняной сумкой на плече, полной сливочных ирисок и тянучек. Для нас он был спасением от маминых бесчисленных страхов и дурных предчувствий. Дедушка всегда сидел неподвижно, делая вид, что слушает ее настойчивый шепот, и усмехался, когда она особенно волновалась и размахивала руками.

«У страха глаза велики, цыпа. Забей!»

Тут мы и жили – Эл, мама, дедушка и я. В этой уютной, неказистой комнате. С улыбкой оглядываю шаткие бежевые шкафчики. Старый титан – серебристая труба воткнута в скрытый дымоход, в котором вечно застревали птицы. Я слушала, как они скребутся и хлопают крыльями, и звук шел глухой, словно они под водой. Под старой сушилкой для белья стоит новенький холодильник «Смег» неуместного ярко-синего цвета. За высоким окном в георгианском стиле, состоящим из множества отдельных стеклышек, обрамленных деревянными горбыльками, раскачиваются на ветру старые яблони.

Снова поворачиваюсь к открытой двери в холл и к дедушкиным часам, телефонному столику, фарфоровым тарелкам с птицами на стенах. Внутри меня пустота. Знаю, обманываться легко, особенно если

сама хочешь верить в реальность происходящего, но для меня этот дом – нечто большее, чем просто старые воспоминания. Он словно музей или мавзолей. Или миг катастрофы, застывший под слоем вулканического пепла. Наверное, поэтому Эл и захотела его купить и наполнить утерянными вещами. Увидела объявление в газете, решила взглянуть из простого любопытства, сама не ожидая, что прийти сюда – словно вернуться в детство... Полагаю, ей было трудно устоять, хотя из нас двоих сентиментальностью отличалась я. Эл овладела искусством забивать на все задолго до того, как мы повзрослели.

Беру совок и щетку, брошенные Россом на полу, подметаю осколки. По пути к мойке резко останавливаюсь возле плиты и смотрю на потрескавшуюся затирку между двумя плитками, испачканную чем-то темным. Сердце замирает. Меня охватывает приступ дурноты, и я поспешно отворачиваюсь.

Раздается звон – громкий, внезапный и близкий. Сердце снова замирает, потом начинает колотиться. Живот скрутило, пальцы на руках и ногах колет как иголками. Я машинально оборачиваюсь, и взгляд падает на деревянную доску с колокольчиками, висящую на кухонной двери.

Столовая Гостиная Кладовая Ванная Спальни
1 2 3 4 5

У каждого бронзового колокольчика – язычок в форме звезды. В каждой комнате в доме, кроме кухни, свой шнурок: латунно-керамическая ручка, соединенная с длинной, спрятанной в стене проволокой, которая проходит под штукатуркой вдоль карнизов. Когда дергаешь за ручку, проволока натягивается и дрожит, пока колебание не доберется до кухни, где закрепленный на пружине колокольчик прозвенит громко и протяжно. Язычки качались еще долго после того, как звон прекратится, и если я или сестра хотели угадать, в какой комнате дернули за шнурок, то шли в холл. Простейшая проверка телепатических способностей, которой не убедишь никого, ведь у каждого колокольчика был свой особенный голос. Нам эта игра быстро наскучила, зато мама ее обожала: стоило угадать верно, и она хлопала в ладоши или награждала нас скупой улыбкой.

Звон раздается громче, пронзительнее, и я подпрыгиваю. Смотрю на колокольчик под надписью «Спальня 3», и вдруг кто-то шепчет мне прямо в ухо: «В этом доме живет чудовище!»

Я содрогаюсь. Ни колокольчики, ни язычки не двигаются. Наконец до меня доходит, что звонят в дверь. Господи! Возвращаюсь в холл, делаю несколько глубоких вдохов и выдохов. Похоже, сказывается смена часовых поясов. Стеклопанная дверь распахнута, большая красная дверь закрыта. На цыпочках подкрадываюсь к глазку и вижу пустую дорожку, калитку, высокую, ровно подстриженную изгородь. Никого.

На джутовом коврикe лежит конверт. Большими черными буквами на нем написано: «Кэтрионе». Ни марки, ни штампа. Поднимать неохота, но что поделаешь... Кое-как разрываю бумагу и достаю открытку с соболезнованиями: ваза с узким горлышком, кремовые лилии, перевязанные лентой, вычурная золотая надпись: «Думаю о тебе».

Возвращаюсь в дом, захлопываю дверь, запираю замок.

Внутри открытки одно слово.

ПРОЧЬ

Глава 4

Детектив-инспектор Рэфик – из тех женщин, которыми восхищаешься, и в то же время радуешься, что ты не такая. Сама – стройная и хрупкая, зато голос громкий и нетерпеливый, с заметным акцентом уроженки Глазго, способный с легкостью перекричать любого. Волосы черные, одежда тоже, рукопожатие – неожиданно сердечное.

– Прошу вас, мисс Морган, присядьте, – велит мне детектив с таким видом, словно она у себя дома.

Мы в Тронном зале. Понятия не имею, почему именно здесь. Комната словно застыла во времени: обои с золотым филигранным узором, на полу черно-золотой ковер с замысловатыми завитками. Обеденный стол застелен новой льняной скатертью, но стулья – все те же массивные троны красного дерева, из-за которых комната и получила название, спинки прямые и резные, украшенные такими же завитками, как и на ковре. Сажусь напротив детектива Рэфик и сразу чувствую себя словно на допросе. Наверное, так и задумано.

– Зовите меня Кэт, это сокращенное от Кэтриона. – Открытка с соболезнаваниями лежит в кармане джинсов. Поспав на ней – точнее, проворочавшись всю ночь с боку на бок, – я решила, что она от Эл. Похоже, сестра знала, что я вернусь. Кроме Росса и полиции, никто не в курсе, что я здесь.

– А я – Кейт. – Улыбка обнажает ровные зубы.

Росс гремит чашками в кухне. Справа от меня сидит коллега Кейт Рэфик, улыбчивый молодой мужчина по фамилии Логан. Вроде бы она представила его как детектива-сержанта, а я видела достаточно низкопробных криминальных сериалов, чтобы понимать: значит, Рэфик за главного. Прическа у него нелепая – сверху копна намазанных гелем волос, по бокам и сзади все выбрито. Вместе с делано-небрежной щетиной это придает ему вид футболиста-миллионера. И сидит он слишком близко, я слышу его дыхание. В окружении копов чувствую себя загнанной в угол. Настроение паршивое – словно с похмелья, хотя я не пила. Еще одна передряга, в которую я угодила по вине Эл! Мне плевать, если полиция на пару с Россом вообразила, будто с сестрой что-то случилось, потому что это вовсе не так.

– Сходство поразительное, – замечает Рэфик, качая головой.

– Мы – однайцевые близнецы, – напоминаю я.

– Точно. – Моя враждебность ее интригует, и она подается вперед, ставя локти на стол. И я тут же жалею, что надела свои лучшие джинсы и блузку из натурального шелка. В них я на себя не похожа. Внезапно понимаю, что вырядилась как Эл. – Вы прилетели из Лос-Анджелеса?

– Венис-Бич. Это к югу от Санта-Моники.

Она поднимает брови.

– Как долго вы там прожили?

– Двенадцать лет. – Смотрю в окно на проезжающий мимо красный омнибус; стекло звенит.

– И чем вы занимаетесь там, Кэтриона?

– Кэт. Я – писатель-фрилансер; пишу в основном для журналов, для электронных СМИ. Авторские статьи про стиль жизни. У меня есть свой блог, веб-сайт, официальная страничка в «Твиттере» с шестнадцатью тысячами подписчиков. – Умолкаю, опускаю взгляд. Что за чушь я несу?!

– Лос-Анджелес от Лейта далеко. Если не секрет, почему вы покинули Шотландию?

– А какое отношение это имеет к исчезновению Эл? – вскидываюсь я.

Еще одна белозубая улыбка.

– Я просто пытаюсь составить представление об Эл, вот и все. Поможет любая деталь. К тому же разве не странно, что близнецы живут так далеко друг от друга? Сколько раз вы возвращались сюда за последние двенадцать лет?

– Ни разу.

– Росс говорит, что перед отъездом вы с сестрой поссорились.

– Мы просто отделились друг от друга, такое случается. Потом я уехала, и на этом все.

– Значит, для переезда у вас не было особых причин? Почему вы не возвращались целых двенадцать лет?

Я едва сдерживаюсь, чтобы не вскочить с места, ведь тогда она вообразит невесть что.

– Эдинбург мне надоел, и я уехала. С годами мое отношение мало изменилось, поэтому я и держалась отсюда подальше.

Детектив Рэфик многозначительно молчит, и я тут же попадаюсь на провокацию.

– Неужели вы считаете, что без меня тут не обошлось?! – Я вскакиваю, кипя от негодования, и массивный стул у меня за спиной опасно балансирует на задних ножках. – Выходит, мы с Эл разругались в пух и прах, я свалила в Америку и двенадцать лет замышляла ее убить?

– Значит, вы думаете, что ваша сестра мертва? – спрашивает Рэфик, обмениваясь взглядом с Логаном.

– Наоборот, – вмешивается в разговор Росс, входя в комнату с подносом, натянуто улыбается и ставит на стол кофейник. – Кэт уверена, что Эл сама все это устроила, чтобы привлечь внимание. – Сон пошел ему на пользу, хотя глаза по-прежнему красные и опухшие, а голос севший. – Так ведь, Кэт?

Со вздохом сажусь. Похоже, мне не слишком удастся скрывать свои чувства. Логан рядом со мной продолжает дышать тихо и мерно, словно спит.

– Очень на нее похоже, – говорю я. – Эл всегда так делает. Подождите пару деньков, и она ворвется в дом, требуя уик-энда в Париже и извинений, – бросаю взгляд на Росса, – за то, что ты натворил. – Логан громогласно вздыхает, и я мигом оборачиваюсь к нему с пылающим лицом. – Вы вообще говорить умеете?

Логан недоуменно моргает и усмехается, обнажая крепкие зубы и задорные ямочки на щеках.

– Да.

– Вы правы, Кэтриона, – соглашается Рэфик, – мы не знаем Эл, как вы, но обязаны считать ее пропавшей без вести, пока не убедимся в обратном. Такая уж у нас работа. Давайте начнем с самого начала.

Детектив тепло улыбается, и я понимаю, что лучше держать рот на замке и не говорить вообще ничего.

– Я – старший следователь по делу об исчезновении Эл. Это означает, что я отвечаю фактически за все. – Она поворачивается к коллеге. – Логан, докажи нам, что умеешь разговаривать, и опиши вкратце ситуацию, а я дополню тебя по ходу дела.

Росс заканчивает разливать кофе и со вздохом опускается на диван. Логан кивает, достает крошечный блокнотик и шуршит страничками.

– О пропаже Эллис Маколи заявил лодочник яхт-клуба «Роял Форт» в шесть тридцать вечера третьего апреля. Он помог ей отшвартоваться в Ист-Харборе в восемь утра, примерно через четверть часа после начала прилива.

Единственное время, когда можно выходить в открытое море... Я вспоминаю темноту и холодное багровое небо, широкий беспокойный залив, запах крови – резкий и неприятный.

– Камера наблюдения зафиксировала, что она пришла пешком со стороны Локинвар-драйв. Судя по ноутбуку, ваша сестра заходила в систему АИС, чтобы посмотреть положение судов в заливе Ферт-оф-Форт. – Логан поднимает взгляд. – Вполне обычная процедура перед прогулкой под парусом. Сообщила лодочнику, что хочет пройти до Анструтера, пообедать и вернуться обратно. Десять минут спустя Эллис Маколи отчалила одна на своем паруснике «Побег».

Коп слюнявит указательный палец и переворачивает страничку, не поднимая глаз. Меня это нелепое притворство просто бесит: неужели у местной полиции нет ни смартфонов, ни планшетов?

– Некий Роберт Маклелланд, шкипер прибрежного рыболовного судна под названием «Морские брызги», позже сообщил, что заметил ее яхту в одной морской миле к северо-востоку от Инчкита в восемь пятьдесят утра. Судя по метеосводке, Эллис Маколи должна была прибыть в Анструтер около одиннадцати утра, самое позднее – к полудню. Когда она не вернулась в Грантон к шести вечера, лодочник связался с Анструтером и выяснил, что там ее не видели. Яхт-клуб тут же уведомил полицию и береговую охрану. На основании первоначальных свидетельских показаний и с учетом степени риска инспектор объявил Эллис Маколи пропавшей без вести. С ее мужем, доктором Россом Маколи, связались, и тот сообщил, что в данный момент возвращается с лондонской конференции. Прошу прощения, – смущенно улыбнулся Логан, поднимая взгляд и демонстрируя ямочки на щеках, – тут вышло немного нескладно...

Рэфик закатывает глаза.

– Ладно, продолжу. Абердинский МСЦ, то есть Морской спасательный центр, назначил руководителем поисково-спасательных операций Джеймса Патона.

Вспоминаю толстого, мордастого ковбоя. «В таких условиях человек вряд ли продержится на воде дольше трех часов».

– На поиски направили подразделения местной береговой охраны и бригады спасателей. Национальное королевское общество спасения на воде выделило два спасательных катера, в Южном Куинсферри и в Кингхорне, из Прествика вылетел вертолет поисково-спасательной службы, чтобы охватить последнее известное местоположение яхты возле Инчкита на севере и гавань Анструтер на северо-востоке.

Добросовестная и педантичная манера изложения Логана сводит меня с ума. Несмотря на свою убежденность и обиду на сестру, мне становится не по себе. Накатывает тошнота. В памяти встает образ Эл, цепляющейся за мачту: парус яростно хлопает на ветру, сестра кричит, хохочет, откинув голову назад, и размахивает фонарем. Подавляю порыв вскочить с места. Крепче сжимаю руки и пристально смотрю на конденсат внутри пустого кофейника.

– К восьми вечера не было обнаружено никаких следов – ни яхты, ни Эллис Маколи. МСЦ уведомили, что с севера надвигается шторм. Погодите минутку... – Логан шуршит страничками. – Где-то у меня есть точный прогноз для судоходства...

Росс роняет голову, стискивает руки на затылке. Я нервно сглатываю.

– Пропусти, – велит Рэфик.

– Ладно. Итак, дело передали в Британское бюро по розыску пропавших без вести, потом – в уголовный розыск детективу-инспектору Рэфик, которую и назначили старшим дознавателем. По прибытии Росса Маколи по адресу проживания в Лейте примерно в одиннадцать вечера я помог ему заполнить заявление о розыске и отвез мистера Маколи, по его же требованию, в гавань Грантон.

Внезапно я понимаю, что это Логан стоит рядом с Россом на том ужасном фото, где Росс пристально смотрит в море, обхватив себя руками, и будто кричит.

– Из-за стремительно ухудшившихся погодных условий поиски прекратили в одиннадцать сорок пять и возобновили в девять утра четвертого апреля. Плохая видимость и вмешательство прессы серьезно их осложнили. К полудню район поисков расширили до Северного моря. Все коммерческие суда на территории оповестили и снабдили описанием и «Побега», и Эллис Маколи. На данный момент никаких сообщений об их обнаружении не поступало.

Логан прочищает горло и переворачивает еще одну крошечную страничку. Ловлю себя на том, что задержала дыхание, и через силу выдыхаю.

– По мнению МСЦ, если б у пропавшей возникли сложности с управлением по пути в Анструтер, то это наверняка заметили бы свидетели – либо на других судах, либо на побережье. Кроме того, размеры мачты таковы, что ее было бы видно над водой, даже если б яхта затонула. Если б Эллис Маколи упала за борт, то температура воды не позволила бы ей продержаться на плаву больше часа – она потеряла бы сознание и погибла в течение трех часов. В этом случае лодку выбросило бы на берег или унесло в открытое море. «Побег» был оснащен спасательным плотом ISO 9650, а еще у Эллис Маколи имелся надувной каяк «Гумотекс», который она использовала, чтобы добираться до берега и обратно. Мы разослали описания обоих плавсредств. Сигнал бедствия она не подавала, GPS-трекер не отслеживается. АРБ, то есть аварийный радиобуй, тоже не пеленгуется. При соприкосновении с водой он включается автоматически.

Росс встает, пошатываясь.

– Вы пришли сообщить, что умываете руки! Все вы – и береговая охрана, и спасательные бригады, и полиция!

Кейт Рэфик тоже встает и берет его за руку. Как ни странно, Росс не сопротивляется, хотя буквально вибрирует от гнева, горя, а возможно, и от страха. Не знаю, что и думать. Мне кажется, он ведет себя неуместно.

– Росс, – уговаривает детектив, – обещаю вам: мы продолжим ее искать!

– А спасатели?

– МСЦ наверняка свернет поиски, если не сегодня, так завтра. – Ее тонкие пальцы сжимаются на запястье Росса, едва тот начинает протестовать. – Но это вовсе не означает, что мы сдались, понимаете? Мы продолжим свое собственное расследование. Вероятно, дело Эл станет долгосрочным. Сейчас нам нужно решить, насколько велика грозящая ей опасность.

– Конечно, велика! – кричит Росс, выдергивая руку. Он отшатывается от стола, громыхнув посудой, и переводит на меня налитые кровью глаза. – Кэт, я же тебе говорил! Они забьют на поиски!

Затем хмурится и отводит взгляд. Видимо, вспомнил, что союзник из меня сомнительный.

– Мы вовсе не забили, – заверяет Логан.

Все вскочили на ноги, одна я продолжаю сидеть.

– Росс, я вам все объяснила еще в первый вечер, – напоминает Рэфик. – Пропавшие без вести всегда делятся на четыре категории. Либо они потерялись, либо стали жертвами несчастного случая, травмы или внезапной болезни, либо исчезли умышленно, либо стали жертвой третьей стороны, к примеру, похитителя. – Она изо всех сил пытается выдержать яростный взгляд Росса. – Прямо сейчас у нас нет улик, чтобы определить, какой из этих случаев применим к вашей жене, ясно? Поэтому мы должны рассмотреть все возможные варианты.

Рэфик снова садится и жестом велит Россу и Логану последовать ее примеру. При виде их покорности я едва подавляю нелепый позыв расхохотаться.

– Итак, у нас есть еще несколько вопросов. Личных. Росс, может, Кэтрионе лучше выйти из комнаты?

– Не надо, – угрюмо буркает Росс, растеряв весь свой пыл. Меня снова распирает смех, и я поскорее делаю глоток обжигающе горячего кофе. – Спрашивайте, что хотите.

– Вы сообщили Логану, что перед исчезновением Эл находилась в подавленном настроении. Это верно?

Я выпрямляюсь и с удивлением смотрю на Росса, но он не замечает, потому что прикрыл глаза.

– И у вас были семейные разногласия...

– Не говорил я ничего подобного! – взвизгивается Росс. – Просто мы... Я много работал. – Он качает головой. – Я много работал, и мы с Эл редко виделись. Когда она не писала картины, то уходила в море на чертовой яхте.

– И вы никогда ее не сопровождали?

Росс бросает на Рэфик яростный взгляд.

– Я не хожу под парусом. Плавать не умею, воду не люблю. Говорил же...

– Как насчет психического состояния Эл? – продолжает настаивать Рэфик. – Вы можете сказать, что перед исчезновением ее депрессия усилилась?

– Нет. Слушайте, я лечу людей с глубокой депрессией. Такова моя работа. У Эл была легкая степень, только и всего. Я понимаю, к чему вы ведете, но...

– И к чему же они ведут? – влезаю я, хотя и сама прекрасно понимаю.

Рэфик смотрит на меня.

– Насколько я знаю, Эл уже однажды пыталась покончить с собой?

– Да пошли вы к черту! – вскидываюсь я и перевожу взгляд на Росса. – Это ты им сказал?

На меня накатывает болезненное воспоминание: Эл на больничной кровати. Под глазами черные круги, лицо белое как мел, – все в жизни Эл всегда было либо черным, либо белым. В вену на тыльной стороне ладони воткнут катетер, рядом стойка и капельница с физраствором. На руке запачканная кровью плотная повязка. Улыбка Эл – усталая и неверная, но такая радостная... И в ней столько ненависти...

– Эл не пыталась покончить с собой ни тогда, ни сейчас! – заявляю я, стиснув зубы.

– Вы имеете в виду, что ее передозировка в возрасте... – Рэфик сверяется с телефоном, – девятнадцати лет была чем? Криком о помощи?

Я невольно фыркаю.

– Вроде того.

Рэфик с Логаном обмениваются многозначительными взглядами.

– С момента исчезновения Эл не пользовалась своими банковскими счетами, никому не звонила, не включала телефон. В ближайшие больницы не поступал никто, похожий на нее. С восьми пятнадцати утра третьего апреля никто не видел ни Эл, ни ее парусник. Росс обнаружил паспорт жены дома, в обычном месте. Почему вы так убеждены, что с вашей сестрой все в порядке?

– Я уже говорила... – я вздыхаю. – Потому что она всегда так делает.

Я так не делаю никогда. Мы с ней очень разные и никогда не были одинаковыми. Эл – моя полная противоположность, мое отражение, мой зеркальный близнец...

– Притвориться утонувшей – довольно экстремальный поступок, вы не находите?

Мне приходит на ум фраза: «Да ей море по колено!» – и я с трудом подавляю желание выпалить ее и нервно расхохотаться.

– Ну да, конечно. Сами же сказали, что не знаете ее, как знаю я.

Рэфик с Логаном снова переглядываются, и я понимаю, что они думают, – ведь отчасти я начинаю думать то же самое. Пытаюсь убедить себя, что мысль, пришедшая мне в голову в аэропорту Лос-Анджелеса, единственно верная. Снова накатывает тошнота, от запаха кофе становится еще хуже.

Рэфик подается вперед.

– С вашей сестрой случилось несчастье. Для расследования совершенно неважно, верите вы мне или нет, но весьма странно, что сестра-близнец пропавшей без вести женщины ни капли о ней не тревожится. – Она склоняет голову набок, напоминая мне хрупкую птичку с маминых фарфоровых тарелок. – Я проработала в полиции достаточно, чтобы знать, когда мне говорят не всю правду.

Мы ступили на неправильный путь, и мне приходит в голову лишь один способ вернуться.

– Вот что я получила вчера, – говорю я и кладу на стол открытку с соболезнованиями.

Росс молча хватается конверт, видит на нем мое имя, вынимает открытку и читает. Плечи его опускаются, и он начинает комкать послание.

– Постой, не надо! – восклицаю я и порывисто касаюсь его плеча. – Это хороший знак, она наверняка от Эл. – Росс не отвечает, и я хмурюсь. – Открытку положили на крыльцо – значит, Эл где-то рядом. Значит, она...

– Эл тоже получала такие, – хрипло бросает он. – Причем десятками!

– А-а... – по спине у меня бежит холодок.

– Пока не пропала.

Рэфик аккуратно забирает у него открытку, читает, кладет в конверт и передает Логану. Тот опускает улику в прозрачный пластиковый пакет, и я представляю другой вариант развития событий, в котором Эл ее не посылала, и меня одновременно бросает в жар и в холод. До меня внезапно доходит, что уголовный розыск обычно не занимается поисками пропавших без вести. Я смотрю на Рэфик.

– Значит, вы поэтому ведете ее дело? Из-за открыток? Вы знаете, кто...

– Недавно мы начали расследование угроз, которые получала ваша сестра. Открытку нашли вы?

– Да. В дверь позвонили... – «В этом доме живет чудовище!» – вспоминаю я и обхватываю себя за плечи. – Конверт лежал на коврике.

– Может, теперь вы начнете принимать их всерьез, мать вашу! – рычит Росс.

Рэфик встает.

– Росс, уверяю вас, мы принимаем всерьез абсолютно все. Мы обязательно отправим ее на экспертизу, как и предыдущие.

– Зачем кому-то посылать мне такие же открытки с угрозами, как и сестре? Не вижу смысла. Никто не знает, что я здесь, кроме Росса и вас. – И кроме Эл...

Рэфик хмурится.

– Может, открытки связаны с исчезновением, а может, и нет. Сейчас самое главное – найти вашу сестру. Угрозы не усиливались, и мы не нашли доказательств, что Эл преследовали или угрожали другими способами. Тот факт, что неизвестный переключился на вас, заставляет меня подозревать любопытного соседа, у которого есть на нее зуб и слишком много свободного времени, чтобы развлекаться подобным образом. Вряд ли тут нечто более серьезное. – Росс пытается возразить, и детектив поднимает руку. – Это вовсе не означает, будто мы перестали считать открытки частью дела или что вам не следует сообщить нам, как только получите еще одну.

Рэфик делает шаг назад и смеривает взглядом меня с Россом.

– Мы пришли, чтобы заверить вас: ничего не изменилось. Полиция и береговая охрана используют для поисков Эл все возможные ресурсы. Однако вам следует морально подготовиться к тому, что в ближайшие сутки новых подвижек может и не быть. Шона вам сегодня звонила?

Росс кивает.

– Кэтриона, Шона – прикрепленный к вам офицер, обеспечивающий связь между семьей потерпевшей и полицией. Она будет сообщать вам о любых подвижках. В экстренных обстоятельствах можете звонить сразу Логану. Росс, свяжитесь еще раз с группой по розыску пропавших – напомните им разместить объявление про Эл. Номера телефонов доверия у вас есть?

– Кому нужны эти психологи-консультанты! – бурчит Росс. – Просто верните мне жену!

Рэфик умудряется заглянуть ему в глаза, хотя он выше ее на целый фут.

– Росс, мы ее найдем.

Я видела достаточно паршивых криминальных сериалов, чтобы знать: копы редко это говорят.

Провожая полицейских до двери, и Логан с улыбкой вручает мне свою визитку.

– Если что-нибудь понадобится – звоните.

Рэфик открывает дверь, и они спускаются по ступеням на залитую солнцем дорожку. У ворот Рэфик пропускает Логана вперед, оборачивается и подзывает меня жестом, словно кокер-спаниеля. Нехотя выхожу в холодный светлый сад, сложив руки на груди.

– Если бы Эллис решила уйти от мужа, то куда бы она отправилась?

Удивленно моргаю.

– Понятия не имею.

– Что вы можете сказать насчет Росса?

– А что насчет него?

– Может, хотите поведать мне что-нибудь такое, о чем неудобно говорить в его присутствии? – Я молчу, и она не в силах скрыть раздражения. – Мы связались с Саутваркским университетом, и там подтвердили, что Росс находился у них. Я просто интересуюсь у вас как у члена семьи, не стоит ли нам беспокоиться на его счет?

Глаза инспектора сверкают на уровне моего плеча, я оборачиваюсь и вижу в окне силуэт. Росс наблюдает за нами. Мне становится зябко.

– Нет. Конечно, нет! Росс не виноват. Говорю вам, все устроила Эл! – и я изо всех сил сдерживаюсь, чтобы не добавить: «Я давно перестала быть частью этой семьи».

Рэфик пристально смотрит мне в глаза.

– Вы действительно считаете, что с ней все в порядке?

Не дождавшись ответа, она идет по дорожке и открывает калитку.

Смотрю вслед полицейским, слушаю звук двигателя «БМВ», пока машина не исчезает в городе. Оборачиваюсь на окно, но Росс уже отошел. Такое чувство, словно за мной наблюдают. Иду к калитке, оглядываю пустую улицу. Стою на солнышке, греясь.

– Может, она просто не знает, как все исправить, – шепчу я. Под спудом двенадцати лет злости, боли и обиды лежит память о тех временах, когда мы укладывались спать в Джунглях Какаду, взявшись за руки, изо всех сил стараясь не заснуть, чтобы не выпустить руку первой. – Может, она просто не знает, как теперь вернуться...

Глава 5

Просыпаюсь рано. Лежу в постели, глядя на потолок кафе «Клоун», и пытаюсь не обращать внимания на звуки старого дома. Эл и я часами таились в наших крепостях и замках, прислушиваясь, как он стонет и содрогается, и она горячо шептала мне на ухо: «В доме полно призраков!» Мы обе в это верили. Однако призраки пугали нас гораздо меньше чудовищ. Мы просто притворялись, что не слышим их.

Одеваюсь и тихонько спускаюсь по лестнице, сама не зная, зачем крадусь и почему мне так страшно. Изо всех сил цепляюсь за перила, сердце буквально выпрыгивает из груди; и в то же время я чувствую себя усталой и дезориентированной, словно вынырнула на поверхность из глубины ледяного озера, променяв одну смерть на другую. В этом доме происходило и хорошее, и плохое. Насколько же проще забыть обо всем, когда от его стен тебя отделяет целый океан...

Трогаю обои на лестничной клетке – греческие урны и виноградные лозы – и думаю о проволоке и системе рычагов, которые скрываются под штукатуркой и карнизами, как тайный город из паутины. Крученные медные нити терпеливо ждут, готовые натянуться и разбудить спящие внизу колокольчики.

Кухня пуста, но хранит следы пребывания Росса: кофейная чашка и наполненная водой миска из-под хлопьев в раковине, записка на столе.

Новостей нет. Мне не спалось, пошел прогуляться. Наверное, потом загляну в полицию. Угощайся чем хочешь. Целую.

Не отходя от стойки, жадно поедаю две миски кукурузных хлопьев, по подбородку течет молоко. Мама с отвращением отворачивается, приглаживает волосы и хмурится. «Не чавкай, Кэтриона». Дедушка поднимает взгляд от газеты «Дейли рекорд»: «Не ешь стоя, девонька. А ну садись, черт бы тебя побрал!» Сегодня я так по ним скучаю, что сердце сжимается...

Выпив две чашки крепкого кофе, возвращаюсь на второй этаж за ноутбуком. Проверяю почту, сидя за кухонным столом, и надеюсь, что это поможет мне вернуться к безопасной и гламурной калифорнийской

жизни. Взамен нахожу три отказа в публикации от журналов и уведомление о выселении, хотя владелица квартирки на Пасифик-авеню – рекламирующая бикини модель по имени Ирена, которая проводит зимы в Палм-Бич, – обещала вернуться не раньше июня...

Закрываю глаза, растираю грудь ребром ладони. У меня почти нет денег, писательской карьеры я так и не сделала. Едва свожу концы с концами, перебираясь с одной съемной квартиры на другую. Ни наград, ни признания, ни Пулитцеровской премии, ни крупных договоров с издательствами. Ничего не вышло так, как я планировала. Покидая Шотландию, я представляла себе совсем иную жизнь, теперь же у меня и дома нет... Все утекает, словно песок сквозь пальцы, – медленно, но верно. И я, как всегда, виню во всем Эл. Только ее.

Собираюсь захлопнуть ноутбук и вдруг замечаю тему непрочитанного письма. Руки застывают над клавиатурой.

«НЕ РАССКАЗЫВАЙ НИКОМУ».

И кому я, интересно, расскажу? Смотрю на адрес отправителя: *john.smith120594@gmail.com*. Впервые вижу. Наверное, очередной американский маркетинговый ход. На какие уловки они только не пускаются, пытаюсь обойти спам-фильтры! Впрочем, в глубине души я понимаю, что это не спам. У меня возникает странное чувство: безразличие мешается со страхом, ощущение новизны – с узнаванием. Вай-фай тут медленный, письмо загружается еле-еле, и я задерживаю дыхание. В горле стоит ком; мне хочется удалить письмо, не читая.

И тут на экране появляются два слова:

«ОН ЗНАЕТ».

Отодвигаю стул, вскакиваю, иду к окну. Яблони качаются на ветру, огромные ветви и тяжелые листья находятся в непрерывном движении. Опускаю взгляд на подоконник и вижу штук пять гвоздей, вбитых в раму, как в кафе «Клоун». Провожу по ним пальцами снова и снова, до боли. Вас тут быть не должно! Кому понадобилось заколачивать рамы? Пойманный в ловушку стекла теплый солнечный свет ничуть не согревает, мои зубы стучат, по коже бегут мурашки.

Оповещение о новом письме заставляет меня подпрыгнуть. Отступаю в глубину кухни, с опаской кошусь на ноутбук.

Снова *john.smith120594*. На этот раз темы нет. Всего одно предложение.

«ПОДСКАЗКА 1. ТАМ, ГДЕ ВСЕГДА НАЧИНАЛАСЬ НАША ОХОТА ЗА СОКРОВИЩАМИ».

Закрываю глаза. Эл! Ну конечно же!

Несуразно большой ключ с бородкой все так же торчит в замке двери буфетной и поворачивается все так же туго. Старый, посыпанный гравием двор исчез, вместо него – ровные плитки и уродливые бетонные постаменты с еще более уродливыми вазонами. Я стою наверху лестницы, ведущей на задний двор, и вижу Эл, марширующую по периметру. Она пинает серебристые и серые камешки, стараясь не поскользнуться на углах.

Парник тоже исчез, зато старая каменная прачечная с окном в красной раме и шиферной крышей все еще маячит на углу дома. На красной деревянной двери крест-накрест висят ржавые цепи и замок. Насколько я помню, ее всегда так запирали, словно каторжника. Стена вокруг сада на месте, в ее тени – густые шпалеры сирени, клематиса, кампсиса, скрывающие от глаз широкие камни и поросшие мхом стыки. Мой взгляд скользит к высокой стене возле прачечной. Там нет ни сирени, ни клематиса, ни даже плюща. Вспышка красного. Дрожь. Снова вспышка. Шепоток серебристого, трепетного ужаса.

Стараюсь не обращать на него внимания, спускаюсь по лестнице в сад, иду сквозь шуршащие заросли мимо сарая, которого здесь раньше не было. Выкрашенные в цвет хаки деревянные стены и черная, крытая толем крыша.

И вот я стою перед Стариной Фредом, где всегда начиналась наша охота за сокровищами.

Эл прятала подсказки, я по ним шла. Крошечные листочки с зашифрованными посланиями, понятными лишь мне. Она рассовывала их повсюду; каждый квадратик бумаги вел к следующему, и приз ждал только в самом конце. Почти всегда – наш с сестрой портрет карандашом или красками, который я прикрепляла булавками к стенам Джунглей Какаду, словно тотем.

Старина Фред ничуть не изменился. Приземистый широкий ствол, ветви без яблок нависают низко и манят. Подхожу к месту, где Эл вырезала наши имена на коре, резко вдыхаю холодный воздух: они все еще здесь и даже не поблекли. Не в сердце, в круге. Протягиваю руку – и отдергиваю, увидев то, что вырезано ниже.

«КОПАЙ».

Медлю, оглядываюсь на пустые окна. Ощувив нечто среднее между надеждой и разочарованием, подчиняюсь.

Особо копать не приходится: у самых корней зияет глубокая дыра, чуть прикрытая землей и листьями. Коснувшись чего-то твердого, я вынимаю обувную коробку и медленно снимаю крышку.

Внутри – пустая бутылка. С этикетки ухмыляется пират с саблей в руке, поставивший ногу на бочонок. Пряный ром «Капитан Морган». Рядом лежат аккуратно сложенные консервы – томаты, печеная фасоль, сладкая кукуруза. Сразу вспоминаю, как мама раз в полгода руководила заменой «тревожных комплектов», которые мы хранили под кроватью: черные матерчатые рюкзаки, набитые непортящейся едой, и бутылки с водой. Она заставляла нас бегать по дому, проводя бесконечные учения – противопожарные, на случай налета противника, ядерной войны... Подогревала нашу панику, поддерживала неумолчный гул обреченности.

Еще там лежит банка краски, точнее, пробник. Поднимаю, читаю этикетку: кроваво-красная. Роняю обратно в коробку, словно обжегшись. Она падает на крошечный квадратик сложенной бумаги. С неистово бьющимся сердцем беру листок и открываю.

«12 ноября 1993. Возраст: 7 лет плюс еще чуть-чуть!»

По ночам в нашем доме бродит чудовище.

Не каждую ночь но часто. У него синяя барада оно такое страшное и уродливое что всем леди следует от него немедленно прятаться и не водить с ним компанию.

Так говорит мама. Это из книги.

Она говорит что Синяя Барада и Черная Барада – братья. Синяя Барада живет на суше а Черная Барада – в море. Синяя Барада

гораздо опаснее но я больше баюсь Черной Барады потому что он пират а Синяя Барада – тока человек».

Слышу звук, похожий на птичий крик, и прижимаю руку к губам – это кричала я. Пальцы дрожат, дыхание кажется обжигающе горячим. Так и вижу Эл за партой: дневник открыт, локти широко расставлены, лицо сосредоточенное. Сестра медленно записывает события дня аккуратным почерком.

Поспешно встаю, несу обувную коробку к дому. Сердце стучит в горле и в висках. Дойдя до плитки, замедляю шаг, оглядываюсь на прачечную и запертую на висячий замок дверь. В углу поля зрения снова мелькает красная вспышка, и я замираю. Оборачиваюсь к высокой стене, поросшей мхом и лишайником. Ничего. Но стоит закрыть глаза, и я вижу слова, выведенные кровью на голой каменной стене:

ОН ЗНАЕТ

Лунный свет, думаю я, здесь должен быть лунный свет.

Срываюсь и бегу вверх по ступенькам обратно в буфетную, поворачиваю большой ржавый ключ, швыряю обувную коробку в ближайший шкафчик. Возвращаюсь в кухню, смотрю на дощечку со звонками, на колокольчик и язычок под номером три. Представляю узкий мрачный коридор на втором этаже и темную, пыльную дверь в самом конце. Мамино кислое дыхание обдает лицо. «Только суньтесь туда, и я вам ноги повыдергиваю!» Спальня номер три – комната Синей Бороды. На крюках висят тела его жен, по полу течет кровь. Ночью он рыскает по коридорам, заглядывает в комнаты и ищет новых жертв. Меня бросает в холод. Это воспоминание кажется достоверным, хотя и не вполне понятным. И вдруг накатывает следующее воспоминание. Мы с Эл прятались от призраков и чудовищ, обитавших в нашем доме, в кафе «Клоун», но от Синей Бороды – только в Зеркальной стране.

Кладовая в самом конце коридора таится в тени напротив лестницы, скрытая черной плюшевой занавеской. Отдергиваю тяжелую пыльную ткань; металлические кольца звякают, заставляя меня съежиться, и вызывают глухую тоску. Помещение меньше, чем мне запомнилось, – длинное, узкое и холодное. Грязные обои все те же –

желтые и оранжевые нарциссы, выцветшие до серого цвета. Деревянный стол у окна, выходящего в сад. Протискиваюсь ближе, касаясь царапин и выбоин на стенах, согретых утренним солнцем. Шкаф тоже на месте и занимает весь южный конец комнаты. Защелка поднимается плавно, будто я открывала ее вчера, а не лет двадцать назад.

Первым делом меня поражает запах. Вместо затхлости тут пахнет клеем! Глаза привыкают к полумраку, и я понимаю, *что* не так: внутри наклеены дешевые бежевые обои. Подтаскиваю табурет, забираюсь в шкаф и почти не раздумывая провожу руками по бумаге. Особо ни на что не рассчитывая, внезапно нащупываю что-то твердое и металлическое. Сердце замирает. Вонзаю ногти и срываю обои. Только б она была здесь! Только б осталась на месте! Оторвав от стены большую часть бумаги, я перевожу дух. Нашла! Передо мной дверь с четырьмя панелями, ржавыми петлями и двумя массивными задвижками.

Дверь в Зеркальную страну.

* * *

Я смотрю на дверь долго. Когда-то к ней крепились на кнопках картина Эл: одна из ранних, где акцент сделан на цвет, а не на форму. Синий, желтый, зеленый. Закрываю глаза. Остров, ну конечно же, это Остров! Неровная береговая линия скал и пляжей, внутри лес и равнина. Тропический рай вместо заснеженной страны чудес – Зеркальная страна стала для нас своего рода Нарнией, только в ней было больше цвета, больше двусмысленности, больше ужасов, больше веселья.

Задерживаю дыхание, отодвигаю задвижку и распахиваю дверь.

Сначала меня обдает холодом. Я и забыла, как здесь студено! Выдыхаю белое облачко пара, и оно клубится в темноте. Раньше на внутренней стороне двери висела карта сокровищ. Черные дороги и зеленые пространства, синяя вода, вулкан. Память проясняется, затем теряет фокус. Я медлю на пороге, не решаясь и шагу ступить, хотя меня вновь охватывает тоска по прошлому и острое желание спуститься в темноту, выйти из этого дома и попасть в другой мир. То же самое я

чувствовала в самый первый раз, когда мама показала нам потайную дверь и это секретное место: страх, тревогу, восторг.

Покидаю шкаф и дом, шагнув на первую ступеньку. Содрогаюсь при виде низенькой деревянной крыши и стен, обрамляющих лестницу. Скрип старых досок затихает, и я гадаю, не вызвано ли мое нервное возбуждение призраком ребенка, которым я была когда-то. Мы с Эл столько раз пробирались здесь в темноте, что наши липкие горячие ладошки не могли не оставить бесчисленных следов на стенах и перилах, наши фонарики – пляшущих отсветов, наш приглушенный смех и шепот – эха голосов.

Я освещаю себе путь фонариком на телефоне. От уродливого белого света тени разбегаются. У меня снова кружится голова – как в детстве, когда я с ужасом предчувствовала внезапное падение с высоты, – и я не могу двинуться с места. Закрываю глаза, медленно дышу, приходя в себя. Я уже не ребенок и не позволю своим фантазиям идти вразрез с логикой и реальностью. Бояться тут нечего! Лет двести назад, когда Уэстерик еще был деревней, а этот дом – самым большим во всем поселении, дверь не прятали в шкафу, ею постоянно пользовались. В кухню входили либо с главного входа, либо через задний сад. Кладовая, дверь, лестница и узкий проход между домами служили черным ходом. Задняя часть дома сидит в земле гораздо глубже, чем фасад, и жилые комнаты находятся футах в десяти или даже больше от уровня двора. Крытая деревянная лестница применялась для той же банальной цели, что и лестница в буфетную, – для доступа на нижний этаж.

И все же телефон в руках дрожит. Стены и крыша расступаются, и я нерешительно замираю у подножия лестницы, чувствуя сквозняк. Здесь больше власти и у тьмы, и у воспоминаний. Меня охватывает предчувствие, острое и кислое, как лимонный сок, попавший в ранку.

Делаю шаг и ступаю на каменный пол. Вот я и в Зеркальной стране!

Встроенный фонарик судорожно выхватывает кирпичи, дерево, паутину, и я беру его двумя руками. Кэт, прекрати! Ты всего лишь в проходе между домами. Выложенный камнем коридор между южной стеной дома и оградой имеет футов десять в ширину, сверху его укрывает низкая деревянная крыша – похоже на элемент средневековых фортификаций под названием гурдиция. Он тянется от заложенной

кирпичом двери до сада перед домом на западе и каменной прачечной на востоке. Прачечная замерла в конце прохода, словно часовой, блокируя выход в сад позади дома.

Еще раз поворачиваюсь по кругу, и замерзшее дыхание закручивается туманным кольцом. Сквозь щели в деревянной крыше проникает утреннее солнце, пронзая воздух яркими лучами. Поднимаю голову и вижу лампочку, свисающую с конькового бруса. Дернув за шнур, жмурюсь от ослепительного света. У меня никак не получается поверить, что время здесь вовсе не остановилось, и все, что я вижу и чувствую, – лишь старые призраки, эхо меня прежней, эхо моей сестры... И волшебной страны.

Я не могу отрицать очевидного, чем бы этот закуток ни был на самом деле – черным ходом, помещением для прислуги, пустым, продуваемым сквозняками пространством с каменным полом – неважно. Главное в другом: когда-то здесь кипела жизнь, восхитительно-пугающая и непоколебимо-безопасная. Невероятно увлекательная, тайная и особенная. Наша жизнь.

Оборачиваюсь к заложенной кирпичом двери. Бóльшая часть Зеркальной страны, протянувшаяся от подножия лестницы до этой двери, называлась Бумтаун: пыльный дощатый тротуар из ящиков из-под фруктов и досок футов шесть в ширину, где находились почта и полицейский участок: стойка и столы из картонных коробок, сиденья из диванных подушек и одеял. В юго-западном углу у самой стены был салун Трехпалого Джо, в северо-западном – вигвамы племени лакотасиу и квадратная арена для тренировок, обозначенная палками.

Позже Бумтаун стал тюрьмой Шоушенк, салун Трехпалого Джо – куда менее экзотичной комнатой отдыха и досуга для заключенных, деревянные ящики – дверями и стенами Блока номер пять, а мы – его обитателями. В лучшие времена Эл заставляла меня сидеть рядом с ней часами, мастера оружие из зубных щеток и старых дедушкиных бритвенных лезвий.

Поворачиваю на восток, иду к прачечной, провожу ладонью по шероховатым кирпичам внешней стены. С другой стороны находится еще один длинный проход и зеленый сад, еще один похожий на мрачную пещеру дом – здание времен Викторианской эпохи с эркерами, крашеными кирпичами и прибоинами, прикрывающими торцы кровли. Проход сужается возле большого запертого шкафа, в

котором когда-то хранились наши настольные игры и книги. Рядом стоит широкая синяя коляска с тремя ржавыми колесами и вместительным поддоном для покупок, в углу складного верха – полинявшее название лейбла, «Серебряный крест».

Дверь прачечной не заперта, ее никогда не запирали, потому что выход в сад блокируют ржавые цепи и висячий замок. Прачечная была самой важной частью Зеркальной страны – теплая, с надежными стенами, необходимая нам как воздух. Хотя всего полчаса назад, стоя на ступенях буфетной, я видела всего лишь покосившееся каменное здание с окном в красной раме и шиферной крышей...

Открываю дверь, ступаю на старые пыльные доски с остатками краски. Они стонут и опасно прогибаются, заставляя меня нервничать. В прачечной пахнет плесенью, сыростью и чем-то прелым, вроде компоста. Запах напоминает мне о многих давным-давно позабытых вещах еще до того, как я сворачиваю в основную часть помещения, освещенную льющим из окна светом. В каждом углу стоят стопки ящиков и коробок, внизу – груды грязного белья и два напольных вентилятора с черными скрученными шнурами.

– Боже мой!

Голос отдается эхом, слабым и хриплым. Обнимаю себя за плечи и оглядываю стены прачечной. Синее небо и бирюзовый океан, белые облачка и пена волн – мазки кисти неаккуратные и торопливые. На полу, под пылью и грязью, проступает угольный контур «Сатисфакции»: бушприт, кливер, бак, фок. Шепчу названия частей корабля, проходя по ним. Верхняя палуба и батарейная палуба, черные каракули Эл: «Запасы воды и рома – здесь! Пороховой погреб – здесь!» Двигаюсь от одного конца прачечной до другого: кубрик, грузовой отсек, грот, воронье гнездо, штурманская рубка, капитанская каюта, корма. Вокруг двух кранов обвит покрытый мхом шланг, насадка лежит в старой мойке. Над ней Веселый Роджер – грубо намалеванный череп и скрещенные кости крепятся к стене черной изолентой. Вверху окошко-иллюминатор, сквозь который струился лунный свет, и мы вели свой корабль, ориентируясь по звездам, потому что Бумтаун и Шоушенк здесь были днем, а «Сатисфакция» – в основном по ночам.

На крюке, ввинченном в восточную стену, до сих пор висит кормовой фонарь – пыльный и меньшего размера, чем мне запомнилось. Свеча за мутными стеклами догорела до конца.

Протягиваю к ней руку, замираю и резко отдергиваю. Шея противно хрустит. На стене над фонарем нарисован огромный контур массивного корабля Черной Бороды. Всегда у нас в фарватере. Всегда чуточку ближе.

Некоторые вещи исчезли – к примеру, большой деревянный сундук со ржавым висячим замком, перетянутый ремнями из черной кожи. Мы хранили в нем добычу, захваченную в набегах на Пуэрто-Принсипе и испанские колонии: столовое серебро, подсвечники и шкатулки с безделушками, которые на время брали из кухни и из Тронного зала. Наполненные водой основания пляжных зонтиков, куда мы втыкали мачты, тоже пропали. Зато все остальное, включая штурвал (позаимствованное у детской коляски колесо), выглядит так, словно мы с сестрой ушли отсюда только вчера: со смехом выбрались на сушу, фонариками освещая себе путь в темноте...

Медленно иду обратно по линиям, обозначающим главную палубу. Внезапно осознаю, что впервые за много дней улыбаюсь. Корабль – самое первое, что мы построили в Зеркальной стране. Водоизмещение две тысячи тонн, три мачты – настоящий пиратский флагман с бочонками пороха, погонным оружием^[1] и сорока пушками, заряженными картечью. Корабль был душой Зеркальной страны. Мы жили и дышали ее магией, грелись как у огня и загорались как от фитиля, а потом бросались навстречу приключениям. Мягкие гниющие доски под ногами проседают, лицо ласкает теплый дождик, канат свернулся вокруг главной мачты, словно змей, паруса хлопают на ветру; иногда дует тропический десятиузловой с юго-востока, иногда – ледяной сорокаузловой с севера Атлантики. Руки обжигает старая веревка, а я все тяну и тяну, поднимаю парус, закрепляю конец... Эл стоит у штурвала, выкрикивая команды: «К повороту! Лечь в дрейф! Свистать всех наверх!»

Как мне ее не хватает! Внезапное осознание пронзает меня болью, и я больше не в силах отрицать очевидное. Я скучаю по ней.

Эл старше меня на четыре минуты. Мы это знали, потому что мама напоминала нам каждый день. Обычно далее следовала одна из ее любимых историй: мрачная сказка про дегустатора ядов в династии правителей Персии. Дегустатором всегда назначали старшую сестру падишаха. Днем отважная принцесса пробовала пищу и напитки падишаха, а на ночь глотала жемчужину, которой касались все

подданные, и все их преступные замыслы и злые слова черной мглой вплавлялись в ее плоть и кости, испещряли ее ранами и нарывами, жгли как огнем. И хотя жизнь несчастной была полна боли, страданий и неблагодарности, жизнь падишаха обходилась без них, и ей этого вполне хватало, чтобы каждый день снова приступать к своим обязанностям. Для мамы мораль заключалась в том, что старшая всегда должна присматривать за младшей, но для Эл это означало, что она – главная и наделена высшим правом всюду идти первой.

Поэтому я настояла на том, чтобы завести команду. Если капитан Эл и давала мне крутануть штурвал разок-другой, то следующего раза приходилось ждать по много недель. Будучи первым помощником, я тоже хотела покомандовать. В разное время под моим началом служила целая вереница Старых морских волков – в зависимости от того, какие исторические персонажи у нас в чести – залетные ковбои, или индейцы из Бумтауна, или клоуны, решившие отдохнуть от цирка. Постоянных членов команды было всего трое. Энни, второй помощник и главный штурман: высокая, никому не дававшая спуска рыжеволосая ирландка, названная в честь карибской леди-пирата Энн Бонни. Белла, наш канонир: юная, бесстрашная и веселая брюнетка, вместо штанов носила платья, красила губы кроваво-красной помадой и прятала в длинных волосах кинжалы. И Мышка, робкая и послушная настолько, чтобы сносить наихудшие проявления деспотизма Эл, избавляя от них меня. Щуплая, молчаливая и бледная девчушка, всегда в черном, сновала по носу и корме, по левому и правому борту: наша служанка, наша пороховая мартышка и рабыня в одном лице.

В иные ночи мы просто плавали – искали Остров и старались хоть немного опередить «Месть королевы Анны» Черной Бороды. В иные ночи бросали якорь, чтобы совершить набег или поискать спрятанные сокровища. В иные ночи пытались подавить бунт команды и придумывали изощренные наказания: протаскивали несчастных под килем или пускали прогуляться по доске, смазанной салом. Как правило, мы подвергали бунтовщиков нереально сложным испытаниям, поскольку твердо верили в пользу жестокого искупления. В иные ночи боролись со штормом и чужими кораблями: военными фрегатами и торговыми конвоями, другими пиратскими бригаantinaми. В ушах звенели крики умирающих и треск дерева, рев пушек и мушкетонов, вой шквального ветра.

«Вперед, сыны пожирателей печенок! Не щадить никого! Нет добычи – нет денег!»

Черная Борода вечно сидел у нас на хвосте. А еще мы всегда надеялись увидеть на горизонте капитана Генри. Ждали, что он придет к нам на помощь и выручит из беды. Мы знали, он непременно появится. Рано или поздно он вернется за нами...

Открываю глаза, моргаю.словно во сне пересекаю палубу «Сатисфакции», выхожу из прачечной обратно в узкий проход между домами. Внезапно останавливаюсь и поворачиваюсь лицом к внешней стене, прижимаю онемевшие пальцы к шершавому камню. По телу пробегает дрожь. Где-то здесь висел портрет капитана Генри, нарисованный Эл. Суровый и не улыбающийся, позади – морская синева и зелень Острова. Вспоминаю бутылку из-под рома в обувной коробке. Капитан Морган был нашим героем: самый храбрый и лучший из всех пиратов. Король пиратов!

Прислоняюсь к стене. Я столько всего позабыла, а ведь прошлое все еще таится здесь по пыльным темным углам... Мне хочется поскорее уйти, глотнуть свежего воздуха, который не пахнет сыростью и мхом. У подножия лестницы я снова замираю. Поднимаю взгляд и вдруг вижу белую карточку, прикрепленную черной изолентой к деревянной крыше.

Белоснежка, бывало, скажет: «Мы не покинем друг друга никогда-никогда!» и Алоцветик отвечает: «До тех пор, пока мы живы».

У всех пиратов должен быть тайный шифр, говорила мама, и мы тоже придумали свой. Хотя он и стал неотъемлемой частью Зеркальной страны, эта карточка не похожа на старые послания. Она новая.

Глаза застилает красная пелена. Кроваво-красная. «Он знает». Я это чувствую, слышу в жарком шепоте, бьюсь в нем, словно комар. Меня охватывает ужас, впивается в горло липкими пальцами и душит... Сверху доносится до боли знакомый шум: глухой металлический стук. Ледяной сквозняк дергает меня за волосы, царапает кожу. Лампочка на потолке внезапно гаснет, я отшатываюсь от стены и чувствую порыв холодного воздуха, слышу знакомый голос, истошно орущий:

«Беги!»

И я бегу. Хватаюсь за перила и карабкаюсь наверх: руки липкие от пота, сердце бешено колотится. Темный и стылый коридор за спиной настигает меня словно чудовище – ревущая волна, густая от водорослей и хитиновых панцирей. Лестница слишком крутая. Царапаю костяшки о стену, по коже бегут мурашки, лучи света, бьющие сквозь щели в деревянной крыше, подобны грозovým молниям. Мертвые огни, думаю я, это же Мертвые огни!

У самого верха оступаюсь и едва не падаю навзничь. И вот я уже снова в шкафу; захлопываю за собой дверь в Зеркальную страну, задвигаю засовы и возвращаюсь в ярко освещенную кладовую.

* * *

Я не спятила. И я вовсе не бессердечная стерва, как, вероятно, считает инспектор Рэфик. Интуиция меня не подводит. Эл – она жива! Не может она быть мертвой, если шлет письма, прячет коробки в саду и оставляет зашифрованные предупреждения, прикрепленные изолентой к потолку. Ворошит наше прошлое, о котором я решила забыть раз и навсегда, играет в свои чертовы игры... Вот кто точно спятил!

Я-то знаю, что она задумала. Вечно одно и то же!

Это – охота за сокровищами. Карта у сестры, и мне ничего не остается, кроме как ждать следующей подсказки.

Глава 6

Джунгли Какаду вокруг нас взрываются птичьими криками: совиные козодои, калифорнийские кондоры, гигантские ибисы, какапо. Чайные деревья, железные деревья, баньяны неистово трещат под порывами горячего ветра; болотистые низины, речушки и водопады превратились в ревущие потоки. Птицы с воплями исчезают в густой листве, небо наливается тьмой и опускается все ниже, зигзаги молний пронзают зелено-коричнево-золотые заросли, расщепляя дерево, железо и камень. В темноте мелькают тени злодеев – лица искажены, зубы оскалены. «Потому что все мужчины – пираты», – говорит мама. Даже Прекрасный Принц ничуть не лучше Черной Бороды: коварный красавчик, которому нельзя доверять. Мы должны спасти себя сами. И мы с Эл бежим. Лучи фонарей мечутся, выхватывая зубастые пасти. Накатывает огромный вал из воды, ветра, плоти и света – широкий и ослепительно яркий. Он катится по джунглям, как взрывная волна, как землетрясение. Двигается к нам и вот-вот захлестнет наши золотистые покрывала, словно лавина из грязи, камней и мертвых огней.

Похоже, я проснулась от собственного крика. Открываю глаза и вижу склонившегося надо мной Росса: лицо встревоженное, рука сжимает мое правое плечо. Я лежу в гостиной на диване в стиле честерфилд, рядом с комодиком красного дерева на низких ножках в форме когтистых лап, опирающихся на шар, который, как клялся и божился дедушка, был подлинный чиппендейл. А напротив – обтянутое желтой парчой кресло-качалка и глубокое кожаное кресло, причем настолько похожие на те, что стояли здесь в моем детстве, что я так и вижу маму с бабушкой, сидящих лицом друг к другу перед камином. Перевожу взгляд на выложенную бирюзовой плиткой барную стойку в стиле ар-деко, которую мама называла бар «Пуаро».

– Ты кричала, – хмуро сообщает Росс.

– Смена часовых поясов сказывается, – объясняю я и встаю. Ноги подкашиваются, но я пытаюсь улыбаться. – Мне нужно подышать свежим воздухом.

В прихожей останавливаюсь возле вешалки и вместо своего анорака беру серое кашемировое пальто, которое наверняка принадлежит сестре. Перед тем как надеть его и затянуть пояс, бросаю

взгляд на лейбл. «Вивьен Вествуд». Мы всегда носили одну и ту же одежду, думаю я, отпирая дверь. Хотя на самом деле это не так: покинув дом, мы оставили позади почти все, что нас объединяло и заставляло быть одинаковыми.

Воздух снаружи свежий, но мне ничуть не легче. В детстве мы с Эл часто видели одни и те же сны, одни и те же кошмары. Чаще всего нам снились Джунгли Какаду, потому что каждую ночь мы засыпали, держась за руки под золотистыми покрывалами, в комнате с обоями в виде тропического леса, хранившей эхо наших игр перед сном, где мы были отважными викторианскими исследователями. Я не вспоминала про Джунгли Какаду много лет, ни разу не видела их с тех пор во сне и ничуть по ним не скучала.

Открываю калитку, и та громко скрипит. Выхожу на тротуар, чувствуя себя крайне неловко. Какого черта я нацепила пальто сестры? Внезапно тревога усиливается, кожу покалывает. Резко оборачиваюсь и вижу силуэт человека, наблюдающего за мной с противоположного угла улицы. Стоит и смотрит. Мужчина в темном пальто, капюшон надвинут на лицо. Мертвые огни, вспоминаю я, – это глаза пиратов в темноте. Или укрытый от ветра фонарь, который дает очень тусклый свет. А еще мертвые огни – это глаза тех, кто рыщет в ночи. Кто пришел за тобой... С трудом перевожу дыхание и все же делаю шаг вперед. Еле слышно окликаю незнакомца, потом кричу громче, но он исчезает за углом.

Ну и пусть. Поворачиваюсь в противоположную сторону и стремительно вхожу в супермаркет «Колкохун». Внутри тихо, почти пусто. Бросаю в корзинку итальянские макароны, красный соус песто и фоккачу, затем направляюсь напрямик к выпивке. Дыхание все еще быстрое и неровное. Может, просто репортер, любопытный сосед или тот самый тайный преследователь, который шлет...

– *Oh! Dieu merci! J’y crois pas...* [2].

Я отшатываюсь – и от голоса, и от руки, которая легла мне на плечо – и ударяю корзинкой по пивной полке. Незнакомая женщина зажимает рот рукой, и я тут же понимаю, что случилось. Почему мне раньше не пришло в голову? Как выясняется, неловкая ситуация в баре аэропорта Кеннеди – ничто по сравнению с тем, что ждет меня здесь, в Шотландии. Могла бы догадаться, надевая чертово пальто... Она приняла меня за Эл!

– *Excusez-moi...* мне очень жаль! Я не хотела... – Высокая, стройная, лет сорока, дорогая одежда и умелый макияж. Черные волосы собраны в узел на затылке. В ее облике есть легкая небрежность, которая, вероятно, требует огромных усилий. У меня так точно не выйдет. – Я – Мари Бернар, а вы – Кэтриона, Кэт из Америки. – Она сжимает мою руку длинными пальцами и сияет улыбкой. – Конечно, Эллис мне все-все про вас рассказала!

Мысль о том, что Эл откровенничала с ней обо мне, изрядно смущает. Женщина снова улыбается, но глаза у нее красные и уставшие. Не было ли облегчение в ее возгласе наигранным?

– Как вы на нее похожи! – Мари склоняется ко мне, благоухая «Шанелью № 5», потом спохватывается и отступает.

– Вы дружили с Эл?

– *Oui*^[3]. – В ее глазах мелькает непонятное выражение. – Мы обе. Знакомьтесь, это Анна.

Она кивает в сторону кассира. Та оборачивается, оглядывает меня с головы до ног раз, другой. Не улыбается. И с акцентом замечает:

– Вы точь-в-точь как она.

Восточная Европа, судя по светлым волосам и скулам. Я смущенно тереблю лацкан пальто.

– Много лет назад я переехала сюда с бульвара Бельвиль в Париже, – продолжает Мари. – На самом деле мы с Эл познакомились тут, в магазине. Когда нет посетителей, мы вдвоем уходили в подсобку и пили дрянные коктейли прямо из банок.

– Просроченные, – поясняет Анна, взглянув на Мари. – Полная дрянь.

Мари смеется, потом осекается.

– Мы – очень хорошие подруги.

– Эл – прекрасный человек! – заявляет Анна со слезами в голосе.

Мари кивает, поворачивается ко мне.

– Новостей нет?

– Увы, пока ничего.

Повисает неловкая пауза, и я вовсе не спешу ее заполнить. Эл никогда не отличалась общительностью. Подростком она водила компанию в основном с моими друзьями. Мы с Россом были единственными близкими ей людьми, однако эти женщины, похоже, не просто с ней знакомы – они действительно ее близкие подруги.

– И как там Росс? – наконец спрашивает Мари.

– Не очень, учитывая обстоятельства. – Я беру две бутылки вина и медленно направляюсь к кассе. – Мне нужно спешить...

– *Bien sûr. Pardon*^[4]. – Улыбка Мари гаснет. – Приходите в гости. На чай, на аперитив – да на что угодно. Я живу совсем рядом, в крайнем доме. – Она показывает на Пряничный курятник, и я замечаю светлый келоидный рубец, резко выделяющийся на темной коже, от запястья до локтя. Поймав мой взгляд, Мари поспешно одергивает рукав.

– Расскажите, если станет хоть что-нибудь известно?

– Конечно, – я киваю.

Мари касается изумрудно-зеленого шарфика, и я замечаю шрамы на костяшках пальцев. Под виртуозно наложенным макияжем кожа на щеке топорщится, напоминая вспучившуюся штукатурку. Молчание затягивается. Женщина спохватывается, машет рукой и удаляется, обдав меня еще одним облачком «Шанели».

С облегчением поворачиваюсь к кассе, в то же время чувствуя себя немного виноватой.

– Пакет нужен? – спрашивает Анна с каменным лицом.

Я киваю, она выхватывает пакет из-под прилавка, потом начинает яростно пробивать покупки и отбрасывать их в сторону.

Прочищаю горло и вежливо интересуюсь:

– Что с вами?

Кассир швыряет бутылку вина не глядя, и ее щеки заливают румянец.

– Понять не могу, зачем вы вернулись?

– Прошу прощения?

– Эл нам рассказывала, что между вами произошло, – в глазах Анны снова вызов, – и почему вы уехали.

Мне остается только гадать, что она им сообщила. Эл умеет исказить правду до неузнаваемости.

– Случившееся между нами вас не касается!

Анна нервно сглатывает, расправляет плечи.

– Лучше уезжайте. Она не хотела бы вас здесь видеть.

Прикладываю карту к терминалу, хватаю пакет с покупками и направляюсь к двери. Я слишком не в себе из-за смены часовых поясов и настолько зла, что решаю промолчать.

– Будьте осторожней! – кричит Анна мне вслед.

В ее голосе больше нет холодности, и прощальные слова звучат скорее как предупреждение, чем как угроза.

* * *

Когда я прихожу из магазина, Росса внизу нет. Наверное, так даже лучше. Я в раздрае. Странный сон и разговор с Анной выбили меня из колеи не меньше, чем электронные письма Эл, страницы из ее дневника и возвращение в Зеркальную страну. Я знала, что после стольких лет придется нелегко, но не до такой же степени! Мне страшно и непонятно, чего еще ждать.

Стою у плиты. Макароны развариваются в клей, я их выбрасываю и начинаю заново. Смотрю, как бурлит вода, и вспоминаю маму. Она гладит меня по щеке, ногти царапаются. «Не будь как я, Кэтриона. Старайся видеть во всем хорошее, а не только плохое». И я представляю, как мы с Эл сидим за столом, тайком суя в рот приторно-сладкие дедушкины ириски, пока мама не видит. Швыряем носки на подвесную сушилку для белья, которую мы окрестили Мораг в честь планеты в галактике Андромеды. Одно очко за попадание на деревянную перекладину, десять – если носок повиснет на железной штанге...

Телефон вибрирует, я вскакиваю и судорожно роюсь в кармане.

Электронное письмо от *john.smith120594*. Тема – «Он знает».

И само сообщение:

«Подсказка 2. Там, где умер дедушкин старпом Ирвин».

Гнев приносит облегчение, а вот без внезапно нахлынувших воспоминаний я вполне обошлась бы. Отворачиваюсь от плиты, сажусь за стол, где дедушка впервые рассказал нам о гибели несчастного Ирвина. В тысяча девятьсот семьдесят четвертом дедушка едва не лишился ноги и чуть не погиб во время двухдневного промыслового рейса в Северное море на борту кормового траулера «Реликт». Потом он рассказывал эту историю так часто, что нам стала сниться снежная буря, крики чаек и олуш, запахи морского дна, когда тросы вытягивают трал из Дьявольской впадины и разит солью, нефтью, илом. Лебедку заклинило, гидравлика воеет, сеть зацепилась за дно, и судно кренится, а

дедушка и его старпом Ирвин скользят по палубе к распахнутым траловым доскам и морю. Нога дедушки застряла между досками и сломалась, но все же он нашел в себе силы бросить Ирвину крюк и до последнего пытался вытащить друга, пока тот не разжал руки.

Все выжившие матросы «Реликта» получили компенсацию, но дедушке досталось больше всех, потому что именно он писал отчет за отчетом про неисправные траловые доски, потому что именно он потерял друга и едва не лишился ноги. В итоге ему выплатили достаточно, чтобы он смог уйти на пенсию и купить этот дом. «Зря парни меня недооценивали, милая, – говаривал дедушка. – Тот чертов шкипер все равно был оторви и выкинь». В отличие от мамы дедушка признавал только одно правило и руководствовался им всегда и везде: «На любом судне найдется свой поганец, а если его нет, то поганец – ты».

Встаю из-за стола, иду к ветхим бежевым шкафчикам. Сажусь на корточки, начинаю открывать дверцы и раздвигать в стороны пластиковые пищевые контейнеры. В последнем шкафу возле задней стенки нахожу крошечное черное пятно, нарисованное углем и шариковой ручкой. Дьяволова впадина. Эл обожала портить шкафчики и ящики, устраивая в них тайники, которые не найдешь, если не знаешь, что они там есть. Она нарисовала Дьяволову впадину в углу полки через пару дней после того, как дедушка впервые рассказал нам эту историю. Встаю на колени и дотягиваюсь до сложенного листка под полкой. И едва успеваю обнаружить, что их там два, а не один, как кто-то шипит мне прямо в ухо: «Ах ты, гадкая паршивка!»

Испуганно отшатываюсь, похоже, я невольно вскрикнула. Выдергиваю руку из шкафа и отчаянно перебираю ногами, пока не упрусь в противоположную стену. Нервно сглатываю. На кухне никого нет, но голос все еще звенит в ушах. Такой язвительный, такой злобный. И где-то на задворках сознания всплывает образ женщины: высокая, коротко стриженная брюнетка. Ведьма!

– Что ты делаешь? – интересуется Росс, стоя на пороге кухни.

– Просто поскользнулась, – с деланным смешком восклицаю я, потирая руку, и сую в карман два свернутых листка. Росс помогает мне подняться с пола.

Я знаю эту женщину – по крайней мере, так мне кажется. Смутные воспоминания, вызванные к жизни свистящим шепотом, вьются,

словно завитки дыма. Ее голос – тонкий, высокий и грозный. Брови насуплены, глаза сощурены и смотрят на меня так, словно я – самое отвратительное создание на свете. Дедушка нашел меня плачущей за кухонным столом, подмигнул, похлопал по плечу. «Не горюй, девонька, никто у нас пока не помер!»

Возвращаясь к кухонному шкафчику, смотрю на две плитки под ногами и темное ржавое пятно на стыке между ними. Вздрагиваю, пытаюсь выкинуть это из головы. Бросаю взгляд на макароны – они вот-вот снова разварятся в клей.

– Готовы.

Мы оба едим как роботы: медленно, размеренно и четко. После ужина вид у нас ненамного лучше. Я встаю, открываю дверцу холодильника и достаю бутылку вина.

– Нижний ящик морозилки в нашем старом холодильнике всегда был забит замороженными сосисками в тесте, и на упаковках надпись большими черными буквами: «На мои похороны – не трогать!» – говорю я, пытаюсь снять напряжение. – Дедушка называл их холодной закусью. – Вспоминаю его немудреные шутки, его усмешку. «В наши дни хорошая закуска на похоронах – большая редкость, цыпа».

Поворачиваюсь к Россу, с удивлением вижу насупленные брови и злобный взгляд. Вдруг его лицо расслабляется, становится отрешенным так быстро, что меня пробирает дрожь. Наверное, почудилось.

– Что с тобой, Росс?

И я почти с облегчением снова вижу ту же самую злобную усмешку.

– Сама как думаешь, Кэт?

– Извини. Конечно, тебе плохо. Я вовсе не хотела...

– Черт! Не обращай внимания. – Он трет глаза и улыбается через силу. – Просто вымотался.

Открываю вино, разливаю по бокалам.

– Сегодня я познакомилась с Анной. Она всегда такая стерва?

– Какая Анна?

– Из супермаркета. Красивая блондинка, русская.

– Ах да, Анна... Не русская, словачка. Она бывает... – Росс неопределенно машет рукой. – Не знаю, приткой, что ли...

Делаю глоток вина.

– Эл думает, что Анна с тобой заигрывает? – Эл всегда была ревнивой. По крайней мере, Росса она ревновала постоянно.

Он молчит, и я ищу менее опасную тему.

– С Мари я тоже познакомилась. Она спросила, есть ли новости и...

Росс резко встает из-за стола и отворачивается.

– Не знаю, о ком ты говоришь.

– Вроде бы она с тобой знакома. Назвалась подругой Эл. Она живет в Пряничном курятнике.

– Где?!

– Через дорогу, в многоэтажке.

Росс стоит ко мне спиной, и я не вижу его лица.

– Понятия не имею, о ком ты говоришь.

Впрочем, какая разница? У Эл всегда были секреты. Она не любила смешивать ни еду, ни людей. Даже в детстве терпеть не могла, когда в тарелке все лежало вперемешку, и брезгливо отодвигала разные виды пищи к краям, оставляя между ними пустое место.

– Не знала, что у Эл была депрессия, – наконец говорю я, желая поскорее прервать затянувшееся молчание.

Росс оборачивается.

– Черт, я ведь психолог-клиницист! – В его голосе больше нет злости, только усталость. – Каждый день вижу десятки пациентов с хронической депрессией, биполярным расстройством, посттравматическим стрессом. – Он садится и подпирает голову руками. – А своей жене помочь не смог...

– Ты же считал, что у нее легкая форма! Ты сказал инспектору Рэфик, что депрессия Эл...

– Знаю. Рэфик сгодится любой предлог, чтобы от меня избавиться. Сама видела, что она думает об открытках. Я для нее – как шило в заднице.

– Послушай, все не так...

– Небось считает, что я сам подкинул тебе ту открытку, – добавляет Росс. – Чтобы расследование не свернули.

Мне хочется продолжить разговор об открытках, но его опущенные плечи заставляют меня промолчать. Как же подбодрить Росса? Он уже знает, что я не верю ни в смерть Эл, ни в то, что она действительно пропала. Если расскажу про подсказки в электронной

почте, он наверняка заявит, что письма не от Эл, хотя это наиболее логичное объяснение. К тому же как бы мне ни хотелось, нельзя забывать про предупреждение – «Не рассказывай никому!» В результате получается именно так, как задумала Эл: мы с Россом лежим по разные стороны тарелки.

– Да, пожалуй. Спорим, она не пропустила ни одной серии «Главного подозреваемого»?

Росс не отвечает, и я смотрю в окно. Солнце опускается за внешнюю стену сада, заливая траву золотистым светом.

– Почему все рамы забиты гвоздями?

Он моргает и смотрит на подоконник.

– Мы решили, что Макдональды сделали это в целях безопасности – ну, окна-то совсем старые. – Коротко улыбается. – После переезда я вызвал реставратора, и тот сказал, что нужно менять все нижние рамы. Это обошлось бы нам в несколько тысяч фунтов. – Улыбка у него грустная. – Честно говоря, мне они не мешают. Я решил, что так безопаснее для Эл, когда меня нет.

Мы долго сидим и молча пьем вино. Наконец Росс встает, относит свой бокал в раковину.

– Пойду попробую хоть немного поспать.

– Ладно.

Он останавливается на пороге кухни.

– Объясни мне, Кэт. Почему ты так уверена, что она жива?

– Если б она умерла, я непременно почувствовала бы, – отвечаю я. – Я бы знала.

Он сжимает дверную ручку так, что белеют костяшки.

– Думаешь, я бы не почувствовал? Ты совсем ее не знаешь... Черт возьми, Кэт, тебя здесь не было целых двенадцать лет! Она не стала бы ни имитировать свою смерть, ни слать самой себе открытки с угрозами. Мы с ней любили друг друга!

Не знаю, кого Росс пытается убедить, себя или меня, но его слова и внезапная злость ранят больно. Они жгут мне горло, от них щиплет глаза. И тут я понимаю, что он делает это вполне осознанно. Не может задеть Эл, так хотя бы отыграется на мне. Или же, глядя на меня, он видит ее...

– После твоего отъезда Эл изменилась, – заявляет Росс. – Она никогда так со мной не поступила бы!

– Люди не меняются, – бросаю я, не в силах сдержаться. И я действительно в это верю.

Росс кривит губы в невеселой усмешке.

– Эл всегда считала, что твоя суперсила – отрицание. – Он открывает дверь и уходит не оглядываясь.

Сажу за кухонным столом и смотрю в окно. Я взмокла от пота, измучена и в то же время напряжена. Достāju из кармана первый листок бумаги и разворачиваю.

10 января 1993 года = 8 лет с половиной

Мама говорит что по ночам Синяя Барада рыщет в поисках новой жены чтобы запереть ее и повесить на крюк когда разозлится. Синяя Барада – трус высшего пошиба.

Она говорит что когда мы плаваем на «Сатисфакции» в поисках капитана Генри и Острова то должны вести себя хорошо и не ссориться иначе Черная Барада за нами придет. Потому что Черная Барада – самый плохой пират! Он хитрый и подлый только и знает что лжет. Он хочет поймать нас обмануть и бросить на съедение акулам. Но у него ничего не выходит.

Она просто вас пугает говорит Росс.

Глава 7

23 августа 1995 = 9 лет + 2 месяца (почти!)

Нам с Кэт хорошо вдвоем но мне нравится когда тут Росс хотя нам приходится играть в то что захочет он вроде спагетти-вестернов.

Сегодня мы были памошниками ширифа в Бумтауне и сдерживали натиск аклахомского зброда (не знаю, как это пишется!). Нам пришлось защищать город самим потому что шириф Хэнк уехал в Дедвуд и мы не знали когда он вернется. Я спряталась за стеной САЛУНА ТРЕХПАЛОГО ДЖО с КОЛЬТОМ СОРОК ПЯТОГО КАЛИБРА. (Росс запретил клоунам играть – он не боится клоунов как мама или Кэт проста не любит). Беллу и Мышку ранили в ПЕРЕСТРЕЛКЕ потому что Росс говорит они хриново стреляют.

А мы – МЕТКИЕ СТРЕЛКИ как Энни. Хотя я – получше Кэт.

Мама ВСЕГДА говорит что хороших ПРЕКРАСНЫХ ПРИНЦЕВ как в Золушке или в Спящей Красавице не бывает.

НО если есть пираты и принцессы и феи и клоуны и русалки и дегустаторы ядов и ЗЕРКАЛЬНАЯ СТРАНА то ДОЛЖНЫ БЫТЬ и хорошие прекрасные принцы.

Сегодня Росс держал меня за руку почти десять минут. И улыбнулся мне когда вылезал из нашей ЗЕРКАЛЬНОЙ СТРАНЫ когда нас позвали домой пить чай. Я не сказала Кэт.

Я помню улыбку Эл в тот летний день, когда Росс с матерью переехали в старый дом Маккензи, что стоит рядом с нашим. Он пустовал много месяцев: сначала его заколотили досками, потом железными скобами, и табличка «Продается» на лужайке постепенно заросла сорняками. Эл отвернулась от окна, сама не своя от радости, и широко улыбнулась. Мальчик! Нам было по семь лет. А уж когда Росс выглянул из окошка своей комнаты над садовой стеной и спросил, как ее зовут, Эл взбудоражилась так, что заразила и меня. Я сидела, скрестив ноги, на золотисто-желтом покрывале и читала «Питера Пэна». Меня словно молния пронзила, сердце загрохотало в груди.

В шиферной крыше прачечной было старое окно-люк, черное от палой листвы и грязи. Стены вокруг сада – высокие, не залезешь, и мы прекрасно понимали, что скажет дедушка и как разозлится мама, если нас поймают за игрой с мальчиком, поэтому с самого начала Росс стал нашей тайной, а мы – его. Среди бела дня мы заходили в Зеркальную страну только по субботам после обеда, когда мама пылесосила и мыла полы, а дедушка закрывался в Машинном отсеке, и весь дом содрогался от воплей футбольных комментаторов. Росс перелезал из своей комнаты на крышу прачечной, открывал окно-люк и спрыгивал в Зеркальную страну.

Когда он проделал это впервые, я ужасно смутилась и долго не могла поднять взгляд. Помню, руки стали липкими от пота, а он посмотрел на нас карими, как болотный торф, глазами, криво усмехнулся и заявил: «Вы – одинаковые».

В отличие от меня, Эл вовсе не страдала застенчивостью. Она тут же вывалила на Росса кучу подробностей про нас: сколько нам лет, какой у нас размер обуви, что мы любим, а что нет, и что мы Зеркальные близнецы: редкие и очень особенные, двое на сто тысяч детей. Я и правда ревновала, завидовала ее уверенности в себе, хотела получать больше внимания нового знакомого...

Почти весь первый день мы провели с ковбоями. По субботам мы обычно упражнялись в рукопашной борьбе или в стрельбе по мишеням. Мама говорила, что мы должны уметь защищаться от грабителей и убийц детей, которые прячутся за дверями и крадутся в тени. Эл всегда стреляла гораздо лучше меня, и я вздохнула с облегчением, когда занятие закончилось раньше обычного, чтобы мы смогли помочь Россу сделать рогатку из ветки и резинки.

После этого я тихонько спряталась в самом большом вигваме – шатком каркасе из старых жердей с наброшенной сверху простыней. Вождь Красное Облако, сидевший скрестив ноги в набедренной повязке и головном уборе из перьев, едва удостоил меня взглядом. Индейцы племени лакота-сиу учили нас мастерить из садовых инструментов боевые дубинки и томагавки, показывали, как защищаться от ударов, ставя блоки, как делать захваты и как бить самим, но только не в те дни, которые мы проводили в компании ковбоев.

Я поздоровалась и села, делая вид, что вовсе не прячусь. На подушках напротив вождя развалилась, словно арабская принцесса,

Белла. В ее волосах сверкали рубины и длинные серебряные клинки. Она улыбнулась и подмигнула. Из всех обитателей Зеркальной страны больше всего мне хотелось быть Беллой – невероятно красивой, необузданной и бесподобной. Сидевшая рядом с ней Энни фыркнула. Плевать она хотела на мои невзгоды. Как мне кажется теперь, она стала воплощением нашей убежденности в том, что все взрослые женщины подобны маме: суровые, вечно сердитые, внушающие страх. Энни не расставалась с двумя ирландскими пистолетами, от виска к уху у нее тянулся рваный шрам, и по храбрости она превосходила любого из пиратов на «Сатисфакции». Когда Энни стояла на палубе в высоких сапогах с пряжками и в куртке из воловьей кожи с пуговицами из китового уса, то наводила страх на всех без исключения. И она это знала. Энни усмехнулась и прошептала: «Ты просто трусишка!»

Мышка подтолкнула меня локтем и робко улыбнулась. Она подпоясывала веревкой свое черное платье из мешковины и неуклюже рисовала на нем мелом белые линии, имитируя полосы на наших с Эл ситцевых платьицах. Мышка всегда пыталась подражать нам и во внешности, и в поведении, но была слишком покорной, слишком худенькой, коротко стриженной и темноволосой, как и все остальные матросы. Она мазала лицо белым клоунским гримом, красила щеки и губы розовым, как Белла. Мышка воплощала наши страхи и сомнения, мы доверяли ей свои секреты и тревоги, и она впитывала их, словно губка. Потом мы ее за это наказывали: игнорировали, передразнивали, заставляли пройти по доске или схлопотать пулю в Бумтауне. В Зеркальной стране наши фантазии становились неукротимыми и беспощадными. Мышка была нашей любимой пиньяттой, нашей девочкой для битья. Однако в тот день она тихонько сидела в вигваме вождя Красное Облако, похлопывала меня по руке, совсем как дедушка, и в ее огромных голубых глазах светилось неподдельное сочувствие. «Все будет хорошо, Кэт. Я люблю тебя!»

Росс просунул голову и плечи в проем, и у меня перехватило дыхание.

«Классный вигвам, – одобрил он. – Сама построила?»

Приятнее всего была даже не его уверенность в том, что вигвам сделала я, а внимание. Он разговаривал только со мной, словно больше никого не существовало в целом свете. Конечно, Росс не успел пробыть в Зеркальной стране достаточно долго для того, чтобы узнать как

следует всех ее персонажей, но наверняка заметил за спиной нетерпеливо подпрыгивающую Эл, услышал раздраженный топот ее ног.

...Пару часов спустя, когда Росс собрался уходить и запрыгнул в окно-люк, Эл все еще злилась.

«Между прочим, Кэт боится высоты. – Она усмехнулась. – Иногда даже по лестнице спуститься не может!»

«Замолчи!» – крикнула я.

Росс лишь улыбнулся нам обеим.

«Я вернусь в следующую субботу, – пообещал он. – Не рассказывайте обо мне своей маме, не то она все испортит».

Складываю вторую страничку дневника и сую в карман рядом с первой. Спина болит, ноги ватные. Понятия не имею, сколько сейчас времени, но наверняка прошла уже пара часов с тех пор, как Росс поднялся к себе. Я все еще сижу за кухонным столом и предаюсь старым воспоминаниям. Чего Эл от меня хочет? Что я должна вспомнить? В чем вообще смысл ее затей? Понятия не имею, почему эта охота за сокровищами так сильно отличается от тех, в которые мы пускались в детстве. Зачем она шлет мне по электронной почте подсказки, ведущие к обувным коробкам с мусором или к страничкам дневника, написанного более двадцати лет назад? При этом сама подевалась бог знает куда...

Наверное, дело в контроле. Потребность Эл контролировать все и вся была для нее жизненно необходима – как кислород. Она шлет мне подсказки вместо того, чтобы просто дать дневник, потому что для нее важно, когда именно я прочту ту или иную страничку и что именно найду. Теперь все ясно! Точнее, мне ясно только это, остальное вообще лишено всякого смысла... Впрочем, я не обязана играть по ее правилам.

Открываю ноутбук. Нажимаю «ответить», пока не передумала.

«Кто ты? Моя сестра пропала без вести. Если не скажешь, кто ты, я пойду в полицию!»

Ответ приходит так быстро, что я подпрыгиваю от неожиданности.

«Не ходи»

На этот раз я отвечаю без колебания.
«Чего ты хочешь?»

«Я знаю то, что ты заставила себя забыть
Он не хочет, чтобы ты это вспомнила
Не говори полиции. Не говори никому
Ты в опасности
Я могу тебе помочь»

«Да пошла ты, Эл! Я знаю, это ты. Прекрати! Ты должна вернуться. Хватит! Возвращайся».

Она не отвечает. Я долго сижу за столом, взбудораженная и злая. И вдруг в коридоре раздается шум. Встаю, медленно иду к двери и с опаской открываю, словно на пороге кто-то притаился и готов на меня броситься.

В коридоре пусто. Витражное окно темное-темное. Возле старого телефонного столика горит викторианская масляная лампа и бросает на паркет молочно-красные отсветы. Дом лязгает и стонет, словно спящий механизм, стены мерно вдыхают и выдыхают. Ловлю свое отражение в зеркале над телефонным столиком – стекло в пятнах от старости, по углам темнота. Лицо у меня белое, как у клоуна, и расчерчено уродливыми тенями. Снова раздается шум, и я замираю. Он низкий и пронзительный, словно вой ветра, запертого в тесном пространстве, и доносится из гостиной...

Крадусь по паркету на цыпочках. Поворачиваю ручку, открываю дверь. Она истошно скрипит, но Росс не поднимает взгляда. Он сидит на ковре перед камином и листает альбом со свадебными фотографиями. Меня Эл с Россом даже не пригласили...

В комнате тепло, две большие лампы от Тиффани заливают все золотистым светом. Помню, как дедушка каждый год привозил с фермы «Крейгиз» настоящую пихту, и весь декабрь она стояла в углу между камином и окном, сверкая гирляндами, роняя иглы, наполняя комнату запахами зимнего леса. В сочельник в ожидании полуночи мы с Эл слушали, как оглушительно тикают дедушкины часы, и с волнением следили за четырьмя бокалами хереса, стоявшими на бирюзовых плитках бара «Пуаро».

Наконец Росс поднимает взгляд и смотрит на меня. Лицо мокрое, глаза покраснели. Рядом с коленом – стакан и полупустая бутылка виски. Он протягивает ее мне, и я сажусь в старое кожаное кресло. Виски противный, мутно-коричневый и слишком крепкий. Впрочем, знакомое жжение и разливающееся по телу тепло – достаточная награда.

Росс смотрит на глянцевый снимок, на котором они с Эл стоят перед величественным зданием с греческими колоннами. Он одет в тартан клана Маколи, а Эл смотрится невероятно стильно в коротком атласном платье и красных туфлях на каблуках; волосы уложены в высокую, чуть небрежную прическу. Погода дождливая и ветреная, Росс пытается удержать большой зонт, и они жмутся друг к другу. Рука Эл лежит у Росса на груди, он обнимает ее за талию, и оба хохочут так, что смех звенит у меня в ушах. Красивое фото. Росс с трудом переворачивает страницу, пальцы его дрожат. Я не решаюсь подойти ближе, в сердце ворочается знакомая непрошенная боль. Она не похожа на то быстрое, горячее, мимолетное ощущение, которое я испытала, узнав, что Эл пропала без вести. Нет, это чувство глубинное, застарелое, очень давнее. Все равно что обнаружить дверь в Зеркальную страну... Единственное, чего я хочу, – чтобы оно ушло!

Росс издает ужасный сдавленный стон и разражается рыданиями. От его всхлипов у меня самой дерет горло, глаза печет. Наконец он поднимает взгляд, и я вздрагиваю от столь неприкрытого отчаяния.

– Господи, Кэт! Что я буду делать без нее?

Внезапно меня охватывает ярость. «Я кое-что знаю. Он не хочет, чтобы ты это вспомнила». Кого же Эл имела в виду, как не Росса?

Он рыдает, утирая щеки ребром ладони.

– Мне так страшно, Кэт! Я не знаю, что делать. Не знаю, как жить без нее! Смогу ли я продолжать...

– Перестань, Росс! Не смей так говорить, слышишь?

Внезапно вспоминаю другую субботу в вигваме вождя Красное Облако, через пару лет после первой. Мы с Россом сидели бок о бок, скрестив ноги. То ли в прятки играли, то ли Эл не разговаривала с нами обоими, что бывало нечасто.

Росс насупился.

«Ненавижу!»

«Кого?»

«Мою маму».

«Почему?» – Я пыталась скрыть волнение, потому что чувствовала: с Эл он это точно не обсуждал.

Росс пожал плечами и опустил голову.

«Она ненавидит и меня, и моего папу».

«Почему?»

Он долго молчал, потом нервно сглотнул.

«Однажды, когда папа ушел на работу, она сложила вещи в две сумки и сказала, что мы уезжаем. Мы перебрались сюда, и я пошел в другую школу. Она обещала, что я снова увижу папу и моих друзей, но мы все еще торчим здесь».

Он посмотрел на меня, и в его глазах вспыхнуло нечто среднее между яростью и болью. Росса буквально трясло, и мне стало восхитительно страшно. Расхрабрившись, я коснулась его руки и ужасно обрадовалась, когда он стиснул мои пальцы в ответ.

«Сегодня папин день рождения. Я даже не знаю, где мы жили раньше! Мама не говорит, а сам я не помню. – По руке Росса покатилась слеза и стекла по запястью. – Ненавижу ее!»

Он сжал мои пальцы так, что у меня защипало глаза, положил голову мне на плечо и зарыдал в голос.

Эл знает, как сильно Росс ее любит, и знает, как он умеет любить. Полностью, без остатка – Росс отдается весь во власть чувства. Неужели она намеренно заставляет его страдать? Неужели хочет его довести? Росс даже подумывает о самоубийстве – неважно, насколько всерьез... Нет, не верю! Эл – эгоистичная и легкомысленная, порой жестокая. Однако Росса она любит, я знаю. И никогда не пожелает смерти никому, неважно, насколько она зла, неважно, как сильно ей хочется его наказать...

И тут я обрываю себя на полумысли, сердце стучит, злость улетучивается. Потому что это неправда. Однажды она пожелала смерти одному человеку; точнее, мы обе пожелали...

– Прости! – Росс складывает губы в подобие улыбки. – Кэт, мне очень жаль! Я не хотел тебя обидеть. Вел себя, как последний придурок... Прости!

– Ничего страшного.

Его улыбка застывает, а потом и вовсе перестает быть улыбкой.

– Я так люблю ее! Не могу... Эх, какого черта! – Росс так яростно трет глаза, что меня передергивает. И именно его смущение, досада на свое горе заставляют меня подойти к нему. Эл не стоит таких слез и отчаяния!

– Росс, перестань! – Я встаю на колени с ним рядом, беру его лицо в ладони. Глаза красные, белки совсем не белые. Щеки небритые и мокрые от слез. Я нежно утираю их своими прохладными пальцами, и он опускает усталые веки, обмякает. Вспоминаю его кривую улыбку, свою радость всякий раз, когда Росс залезал через окно-люк и прыгивал в наш мир.

И я действую, не задумываясь над последствиями, хотя знаю, что давно собиралась это сделать. Еще до того, как почувствовала знакомую застарелую боль. Я склоняюсь к Россу и прижимаюсь губами к его губам.

Он застывает, и я готова отпрянуть, притвориться, что просто промахнулась мимо щеки, но не могу, потому что хочу большего. Его запаха, неповторимого и непередаваемого, как и запах нашего дома, мне недостаточно. Прикосновения к коже, заросшей щетиной и мокрой от слез, тоже слишком мало. Мне нужно нечто большее.

И наконец я это получаю. Росс гладит меня по лицу, по волосам. Я прижимаюсь к нему крепче, и наш поцелуй перестает быть целомудренным. Его рот горяч и влажен. Мое сердце бьется так, что отдается в пальцах ног. Он издает то ли вздох, то ли стон, и я думаю: «Да! Да!»

Знакомое ощущение: все тот же трепет, все то же безумие. Оно сметает на своем пути все, включая доводы рассудка.

Росс приходит в себя первым. И сразу становится понятно, что он испытывает совсем другие чувства. Вскикивает, отшатывается и уносится прочь, едва не опрокинув стакан с виски. И только осознав, что дверь захлопнулась, что я стою на коленях посреди пустой комнаты, я сама ужасаюсь своему поступку.

Глава 8

john.smith120594@gmail.com

8 апреля 2018 года в 08:45

Re: ОН ЗНАЕТ

Входящие

Кому: Мне

ПОДСКАЗКА 3. НАРИСУЙ КЛОУНА, ЧТОБЫ ПРЕДУПРЕДИТЬ
ЗУБНУЮ ФЕЮ

Отправлено с iPhone

* * *

Да ну тебя к черту, Эл! Я вовсе не собираюсь этого делать. Я не встану, не пойду в ванную, не буду ничего искать. Голова раскалывается, в желудке урчит, дыхание горячее, во рту – амбре после вчерашнего виски. Понятия не имею, сколько я выпила. Похоже, слишком много.

Выскакиваю из кровати, на подгибающихся ногах мчусь в ванную и едва успеваю. Долго стою на коленях, издавая унизительно громкие звуки, потом медленно встаю, подхожу к раковине. Вода теплая, с металлическим привкусом, но я жадно глотаю ее, делая короткие перерывы, чтобы вдохнуть воздуха. Наконец поднимаю взгляд и смотрю в зеркало.

Ничего. Никакой круглой клоунской рожицы, аккуратно нарисованной Эл акриловыми красками. Такое предупреждение мы оставляли для Зубной Феи, когда она выходила на охоту. Мы надеялись, что картинка в углу зеркала ее напугает и нам не придется красить лица, надевать парики и клоунские костюмы. Все чего-нибудь да боятся. Зубную Фею приводили в ужас не только сами клоуны – даже намек на их появление.

Открываю зеркальную дверцу и начинаю рыться в шкафчике в поисках очередной странички из дневника. Шарю за флаконами таблеток; один падает в раковину и долго с грохотом катается. Он почти

пустой, и я уже собираюсь поставить его обратно на полку, как вдруг замечаю на этикетке имя Эл.

Прозак (флуоксетин) 60 мг таб

Один раз в сутки независимо от приема пищи

Чувствую себя совершенно раздавленной, хуже не бывает. Беру соседний флакон. Диазепам. Рядом – еще прозак и валиум. За ними спрятан сложенный листок бумаги. Достая его и ставлю лекарства на место. Смотрю на себя в зеркало. Лицо серое, волосы грязные, веки опухшие, под глазами темные круги. Вспоминаю дедушку: «На любом суде найдется свой поганец, а если его нет, то поганец – ты».

Какого черта я творю? Впрочем, я прекрасно знаю, что делаю. Я всегда знала, что чувствую к Россу. И даже будь Эл здесь, я все равно ощущала бы себя точно так же – заложницей воспоминаний, точнее, правды, которую много лет пыталась игнорировать. Поразительно, как быстро все возвращается! Я думала, что память о тех событиях давно канула в мрачные глубины, а она между тем спокойно держалась на плаву.

Сажусь на крышку унитаза, разворачиваю страничку из дневника, и взгляд сразу упирается в последнюю строку: «Я НЕНАВИЖУ КЭТ!» Роняю листок на пол, обхватываю пульсирующую от боли голову руками. Она же моя сестра! Давным-давно, до того как Эл решила, что ненавидит меня, она меня любила, и я любила ее. Тогда мы были одни на всем свете... Росс – ее муж. Это я поцеловала его, а не он меня. У него есть полное право ужаснуться моему поступку. И если ужас Росса кажется мне сейчас сильнее вины, то лишь потому, что я – тот самый поганец на корабле, о котором говорил дедушка. Я – распутная эгоистка, которая вешается на чужого мужа!

В голове – вихрь непрощенных мыслей, безумных предположений. А что, если Эл пила все эти таблетки после нервного срыва? Тогда ее дикая затея с охотой за сокровищами вполне объяснима. А что, если я ошибалась и она действительно попала в беду? А что, если у нее были те же отчаянные мысли, что сейчас у Росса? А что, если она уже...

Поспешно вскакиваю, сдираю с себя футболку и включаю душ. Обжигающе горячая вода бьет по телу, по голове, пока не затмевает все остальные ощущения.

Наконец выхожу из душа, вытираюсь насухо, набрасываю одежду, поднимаю с пола страничку из дневника сестры и начинаю читать.

30 ноября 1996 = 10 + 1/2 (через месяц!)

Кэт со мной не разговаривает но мне плевать. Я не виновата. Мама говорит что даже ПИРАТЫ должны соблюдать ПРАВИЛА. Мы можем вручать кому-то ЧЕРНУЮ МЕТКУ если хотим. В любом случае это была идея / вина Росса. Он сказал что будет весело и так и было пока Кэт не начала плакать. Я пыталась его остановить. Мне так плохо что я помогла ей хотя и НЕ должна. Я использовала наш ТАЙНЫЙ ПИРАТСКИЙ ШИФР который полагается использовать только в ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ. Здесь его писать не буду на всякийслучай – знаю что тебе интересно но обломись!!! Его знаем только я и Кэт и так будит всегда! Но ей наплевать и она даже спасибо не сказала!!! Она просто ПЛАКАЛА!!!

Думаю она бесится потомучта Росс сказал что мой портрет ПАПЫ – ВИЛИКОЛЕПЕН. Она всегда ривнует и потом делает вид что нет. Она бесится потомучта знает Росс любит меня больше чем ее хотя с мы ней выглядим одинаково.

Иногда Я НЕНАВИЖУ КЭТ!

Вспоминаю портрет пиратского капитана Моргана, прикрепленный липкой лентой к южной стене Зеркальной страны. Эл дотошно расспрашивала маму, как он выглядел, заставляя ее повторять снова и снова. Когда-то капитан Морган был уважаемым человеком, много лет работал на правительство, а потом покинул нас ради жизни в море.

Неужели я и правда верила в то, что наш отец – король пиратов? Да, еще как верила. Зеркальную страну придумала мама, а мы с Эл вдохнули в нее жизнь. Мы так им гордились! «Это наш отец, – сообщила Эл Россу в тот же день, когда он впервые залез к нам через окно-люк. – Его зовут капитан Генри. Однажды он за нами вернется и заберет к себе на Остров». Нашу непоколебимую веру не могло пошатнуть ничто. Мы верили безоговорочно, хотя и ошибались.

Религиозностью наша семья не отличалась. Дедушка язвительно высмеивал всякого, кто пытался строить из себя святошу. Тем не менее мы с Эл молились каждый вечер, стоя на коленях перед кроватью. Своего рода противоядие всему темному, что таилось в Зеркальной

стране, наша страховка на всякий пожарный. Мы очень старались: сначала спрашивали у Бога, как он поживает, как прошел его день, потом просили благословить нас, маму с бабушкой, а позже и Росса. Мы не осмеливались упоминать ни пиратов, ни клоунов, ни индейцев, ни ковбоев. Разные миры, думали мы, лучше не смешивать.

Однажды утром Эл проснулась и объявила: «Бога нет! Тратить время на молитвы ни к чему! – Кончик ее носа покраснел, в глазах сверкала яростная мамина решимость. – Все равно ведь ты в него не веришь».

По большей части она была права, но мне нравился сам ритуал: стоять на коленях рядом друг с другом и знать, что мы – единственные во всем доме, кто ночь за ночью, неделя за неделей прилежно молится и накапливает у Бога кредит доверия. Когда-то я отличалась весьма истовой добродетельностью.

К тому времени Эл с Россом уже давно объединились против меня. Я бесилась, грустила. По ночам часами лежала без сна, пытаюсь что-нибудь придумать – все равно что, лишь бы Эл разобиделась, ужаснулась, обратила на меня внимание...

«Нет уж, – заявила я. – Не стану я делать так, как хочешь ты».

Эл быстренько свела со мной счеты. В течение недели сестра настроила против меня всех наших. Бабушке наябедничала, что я молюсь несуществующему Богу, маме – что я специально злю бабушку, а остальные (пожалуй, кроме Мышки, которая цеплялась за свой нейтралитет, как за спасательный плот) и так давно перешли на сторону Эл. Даже клоуны...

Я ушла в глухую оборону. Храбрости мне хватало редко, зато упрямства было хоть отбавляй. В данном случае это лишь усугубило наш конфликт и привело к тому, что меня вызвали для переговоров на борт «Сатисфакции». В тот день Ведьма сидела за столом на кухне, а мама мешала что-то в кастрюле на плите. Когда я спустилась по лестнице, Ведьма выскочила в коридор, ткнула мне в грудь длинным костлявым пальцем и зыркнула прищуренными глазками. Ее жесткие черные волосы вились на голове кольцами, как змеи.

– Ты что творишь, хулиганка? – Ноздри ее яростно трепетали, как у быка.

Я молча обогнула основание лестницы и нырнула за черную занавеску. В Зеркальную страну я спускалась с тяжелым сердцем:

окрик Ведьмы казался мне очень дурным предзнаменованием.

Эл с Россом восседали, скрестив ноги, в капитанской каюте. На корме стояли Энни, Мышка, Белла и Старик Джо Джонсон, бармен салуна Трехпалого Джо. Представителем клоунов, к моему ужасу, был не Дики Грок, а Пого. Он сидел на корточках рядом с кормовым фонарем, свесив между ног длинные пальцы в белых перчатках, и ухмылялся.

«Мы устроили эти переговоры, чтобы дать старпому возможность взять обратно свои слова насчет Бога или ответить за содеянное, – объявила Эл. – Твое решение, старпом?»

«Ни за что!»

«Просто скажи, что берешь свои слова обратно».

«Нет».

Эл тяжело вздохнула.

«Придется голосовать. Энни?»

«Наказать!» – Энни встряхнула рыжими волосами и оскалилась. От ее рыка я побледнела.

«Наказать, – печально проговорила Белла, вертя в руке золотую ленточку. – Прости, Кэт, но ты не можешь верить и в нас, и в Бога; тебе нужно выбрать что-то одно».

Старик Джо проголосовал так же, хотя явно сожалел о своем решении. В недавней перестрелке в Бумтауне он потерял дочь моих лет. Пого долго хихикал, потом выкрикнул в рупор: «Наказа-а-ать!» У себя в кафе клоуны держатся тише воды ниже травы, но только не в Зеркальной стране.

«Командир абордажной команды, твое слово».

Росса пускали на «Сатисфакцию» лишь днем, поэтому вряд ли стоило давать ему в переговорах такое же право голоса, как и всем остальным. Он посмотрел на меня и с ухмылкой проговорил: «Наказать».

Я сверлила его взглядом, пока не стерла усмешку с лица. Он покраснел и отвернулся, и мне стало так больно, что я почти забыла про страх.

«Мышка?»

Мышка покосилась на Эл с Россом.

«Простить», – прошептала она.

«Вот так сюрприз, – заметила Эл. – Ну что ж, старпом, придется тебя наказать».

Глаза ее подозрительно сверкнули, и меня обдало холодом: я поняла, что ей тоже страшно.

«Что вы со мной сделаете?»

Эл подошла ко мне, пряча руку за спиной, вытянула ее вперед и разжала кулак. При виде кусочка черной бумаги я съежилась. Черная метка!

«Ты должна ее взять».

«Не хочу».

Прежде мы никогда не использовали черную метку, хотя угроза постоянно витала в воздухе. Черная метка означала изгнание из Зеркальной страны, причем пожизненное. Я поверить не могла, что мой отпор Эл (кстати, из-за полной ерунды) заслуживает столь суровой кары. Я буквально застыла от ужаса.

«Бери», – велела Эл.

И я взяла ее двумя пальцами, словно боялась обжечься.

«Мы решили дать тебе последний шанс, – добавила Эл, и блеск в ее глазах не предвещал ничего хорошего. – У тебя ровно одна минута, чтобы найти укрытие. Прячься как следует! Попадешься до истечения часа – покинешь Зеркальную страну навсегда. Ясно?»

Я кивнула. Отсрочка казни, шансом тут и не пахло.

«Беги!» – крикнула Энни.

«Бе-е-еги!» – осклабив ярко-красные губы, проорал в рупор Пого, похожий на панду: лицо белое как мел, вокруг глаз черные круги.

Росс засмеялся, Мышка съежилась, глаза Эл сверкнули, словно серебристые стеклянные шарики.

Я бросилась в Бумтаун, ведя пальцами по стенам. На почте – слишком тесно, в вигваме – слишком очевидно, да и лакота-сиу союзники ненадежные. Лихорадочная спешка сменилась паникой, сердце бухало в груди, и я металась от одного укрытия к другому, пока не закончилось время. Разъяренные преследователи ликующей толпой заполонили проход, нагоняя. Я помчалась по дощатому тротуару к конторе шерифа, прошмыгнула внутрь и спряталась под грудой старых диванных подушек.

Через несколько секунд надо мной нависла чья-то тень, но я была слишком напугана, чтобы сопротивляться. Меня переполнял ужас и

предчувствие неминуемой гибели. На фоне покрытого белилами лица Мышкины черные глаза казались огромными.

«Так и знала, что ты придешь сюда», – прошептала она.

В ее голосе чувствовалась улыбка, и это не предвещало ничего хорошего.

Я вспомнила все случаи, когда вымещала на ней зло после выходов Эл, и подумала, что сейчас самое подходящее время на мне отыграться.

«Не бойся, Кэт, – улыбнулась Мышка, показав зубы. – Я тебя спасу!»

«Как?»

Хихиканье приближалось, Клоуны уже шаркали в нашу сторону. Эл предложила Россу разделиться, и он радостно захохотал, предвкушая потеху.

Мышка скривилась.

«Росс – подлый».

«Нет, что ты! Он...»

Тень уперла руки в боки.

«Хочешь, чтобы я тебе помогла?»

Я закивала, но она не шевельнулась. В моих глазах кипели слезы, в горле стоял противный комок.

«Росс – подлый», – послушно повторила я.

Мышка опустила руку возле меня на колени.

«Я тебе помогу».

«Как?»

На ее лице снова заиграла улыбка, ярко-красная и широкая.

«Ты станешь мной, а я – тобой».

Я покачала головой и отползла подальше.

«Это ведь так просто! – воскликнула Мышка, сверкнула глазами, поднялась на ноги и покружилась. – Смотри!»

И тогда я увидела, что ее платье из мешковины раскрашено неровными красными мазками, отдаленно смахивающими на розы на наших с Эл платьицах. Также Мышка заплела свои короткие волосы в косички, перевязав их вместо бантиков бечевкой. Она была взбудоражена и счастлива как никогда. И тут я содрогнулась. В Зеркальной стране тьма пронизывала все и вся, но Мышка всегда составляла исключение.

Она встала на четвереньки и заползла за конторку.

«Беги и спрячься как следует!»

Я не шелохнулась, и она придвинулась еще ближе.

«Ты должна спрятаться! – Ее зубы сверкнули, как у Чеширского кота в Алисе в стране чудес. – Это же так просто, Кэт! Если ты маленький, тихий, перепуганный мышонок, затаившийся в темноте, то тебя не найдут никогда! Беги!»

Так я и сделала. Вернувшись на тротуар, заметила большие хохочущие тени на заложённой кирпичом двери и на вигваме, почувствовала запах пота, сахара и дыма. В смехе Росса звучала неподдельная радость. Обливаясь слезами, я вбежала в салун «Трехпалый Джо». Барной стойкой служила старая коробка из-под телевизора, обложенная кирпичами и сломанными досками, сверху застеленная клетчатым пледом. Услышав, как Эл выкрикивает мое имя, я подняла крышку и забралась внутрь, обхватила колени руками и прикрыла лицо колючим пледом.

Я сидела в удушливой темноте и отчаянно надеялась, что меня не найдут.

Что мне делать без Зеркальной страны? Без Росса, Энни, Беллы и Мышки? Без пиратов, ковбоев, индейцев и клоунов? Что я буду делать без капитана Генри? Что я буду делать без Эл? Я останусь совсем одна в холодном, сером, пустом и пугающем мире.

Час покажется вечностью, если провести его в тесной коробке, ожидая худшего. Едва уровень адреналина в крови стал понемногу спадать, как пришла мрачная обреченность, мигом сменившаяся ужасом: на полу салуна раздали шаги. Нет, только не это!

Кто-то прошаркал прямо ко мне и открыл крышку.

Это была Эл.

«Только не заставляй меня покинуть Зеркальную страну навсегда!» – прошептала я.

Лицо Эл скрывала тень.

«Ты плачешь».

Слезы хлынули потоком, мне стало еще больнее и страшнее. Я схватила сестру за руку.

«Прошу, не выдавай меня!»

«Прекрати! – велела она. – Пусти руку!»

«Ты скажешь, что нашла меня!»

«Не скажу».

«Скажешь!»

«Нет же, глупая. Ведь ты моя сестра. Зачем мне выгонять тебя из Зеркальной страны?»

«Чтобы ты могла владеть ею и Россом в одиночку», – подумала я, но сказать вслух не осмелилась.

«Мы не покинем друг друга никогда-никогда! – шепнула Эл. – Ну же! Повтори!»

Я сглотнула и выпустила руку сестры.

«Мы не покинем друг друга никогда-никогда».

Эл ободряюще кивнула.

«До тех пор, пока мы живы».

У всех пиратов есть свой тайный шифр. И эти слова значили: доверяй только мне, и никому другому.

«Осталось всего пятнадцать минут», – сообщила Эл и закрыла крышку, оставив меня в темноте.

Меня добили вовсе не пятнадцать минут, а бесконечные судороги в затекших ногах, паника, клаустрофобия, неопределенность. Когда крышка наконец открылась, мне уже было плевать на наказание, на изгнание, на перспективу остаться одной в холодном, сером, пустом, пугающем мире.

Я с трудом поднялась, все еще сжимая в кулаке черную метку. Эл стояла в салуне, вокруг нее – все остальные. Вид у них был торжествующий.

«Ты отлично справилась! Мы все сошлись на том, что тебя можно простить».

Мне даже в голову не приходило, что идея с черной меткой принадлежала Россу. Наверное, в дневнике Эл написана неправда. Похоже, ее версия событий ничуть не ближе к истине, чем моя. В конце концов, память, как и вера, иногда подводит.

Однако насчет ревности сестра не ошиблась. Да и кто не ревновал бы на моем месте? Они с Россом сговорились исключить меня из общения единственным знакомым детям способом: обменивались многозначительными взглядами и смешками, шушукались у меня за спиной. Оба вели себя жестоко, тут и спорить нечего. Я до сих пор помню, как разрывалось сердце от того, что меня бросили два близких человека. Как я непрерывно гадала, в чем же моя вина... Чего Эл хочет сейчас, посылая подсказки, пряча повсюду странички дневника? К чему

эти неприятные напоминания о прошлом, которые просачиваются словно влага сквозь пористую бетонную стену? Что Росс всегда принадлежал ей, даже в самом начале? Или что у нее всегда были от меня секреты и она не доверяла мне никогда? Или же Эл просто дает мне понять, что я не права и верю в то, чего нет? Что она больше не вернется?

* * *

Росс ушел. Я одновременно чувствую и облегчение, и тревогу. На этот раз он не оставил записки. Сажусь за кухонный стол, гуглю «Как отследить местоположение отправителя электронного письма» и просматриваю результаты, пока не нахожу тот, который не вызывает у меня желания швырнуть ноутбук о стену. Первая попытка определить ай-пи-адрес заканчивается сообщением: «Информации нет». Вторая показывает, что почтовый сервер находится в Канзасе. Две чашки кофе спустя я умудряюсь установить плагин для отслеживания писем, но просто так он не работает – сначала нужно послать Эл письмо.

Напечатав «Эл» в теме письма, я десять минут таращусь на экран, потом достаю из кармана визитку Логана и берусь за телефон.

– Детектив-сержант Логан.

– Привет, это Кэт. Кэтриона Морган. Хм, Эллис Маколи моя...

– Кэт! – голос его меняется, и мне хочется сбросить звонок. – Что-нибудь случилось?

– Нет, все хорошо. Я просто... я хотела задать вам один вопрос.

– Конечно, давайте.

– Я тут подумала... Вам не приходило в голову, что эти открытки посылала себе сама Эл?

Логан молчит, я жду ответа, затаив дыхание. Взгляд снова падает на пол перед плитой, и я зажмуриваюсь.

– Нет, – наконец откликается он. – Нам такое и в голову не приходило.

Нажав отбой, я начинаю печатать. Пальцы дрожат.

«Если у тебя неприятности, то скажи, прошу! Я тебе верю».

Отправляю письмо и жду.

Глава 9

Пройдя полпути по заросшему травой парку Лейт-Линкс, я наконец понимаю, куда иду. Полдень холодный и сухой, но свинцово-серые облака на горизонте наливаются тяжестью. Я быстро шагаю по лужайкам, глядя, как ветер колышет старые платаны и вязы. Вспоминаю, насколько более густыми и пугающими казались их кроны в том безмолвном, серо-багровом рассвете.

Разрушенная чумная печь припала к земле, словно каменная башня, отрезанная от замка, и я невольно думаю о тысячах тел, зарытых под лужайками парка более четырехсот лет назад. Или об их распухших, почерневших, искаженных страданиями призраках, вечно рыскающих по Линксу в поисках своих сожженных пожитков. Дедушкины истории всегда разительно отличались от маминых: восхитительно страшные, с жуткими подробностями, без всякой морали в конце. По коже бегут мурашки, и я оборачиваюсь, резко выставив руки вперед, чтобы поймать того, кто идет следом. Позади никого. Редкие посетители парка далеко, они даже не смотрят в мою сторону.

«Прекрати!»

Выхожу из Линкса, иду по улицам – одни выложены брусчаткой, другие заасфальтированы – мимо старых георгианских домов рядовой застройки и современных многоквартирных зданий из стекла и металла, уютных быстро и невзрачных газетных киосков с решетками на окнах. Воздух пропитался вонью жарева, сигаретного дыма, выхлопных газов от медленных школьных автобусов. Но я вижу лишь старые дома в готическом стиле, где живут убийцы детей, что затаились и поджидают свою добычу; чувствую лишь резкий, соленый запах моря, безопасности, побега.

Новые десятиэтажки на углу Лохинвар-драйв закрывают вид на морскую гладь, и я медленно иду мимо них, мимо потрепанной таблички «Добро пожаловать в залив Грантон». На полпути к причалу небеса наконец разверзаются, и я накидываю капюшон, туго затягивая шнурки. Я не стала надевать кашемировое пальто Эл отчасти из-за погоды, отчасти из-за того, что здесь ее видели в последний раз. Находиться на том же самом месте довольно странно – у меня

возникает чувство, будто я делаю что-то не то. Вряд ли можно придумать бóльшую помеху для следствия по делу об исчезновении человека, чем близнец пропавшего, разгуливающий где ни попадя.

Яхт-клуб «Ройял-Форт» – невысокое здание с узкими окошками. Знакомый шум слышится прежде, чем становятся видны яхты: ветер гремит железными мачтами, плещется вода. Плавающий причал буквально забит лодками, привязанными к качающимся буям.

Ветер и дождь сплелись в серо-белую дымку, которая полностью закрыла запад, но на севере различимы гора Бинн и скалистое побережье Кингхорна. Пологий каменный склон, знакомый мне с детства, все еще здесь и все так же почти скрыт водой. На месте старого склада теперь парковка и лодочная мастерская, полная вытащенных на берег невзрачных парусников.

Годы жизни в солнечном Лос-Анджелесе лишили меня всякого иммунитета к ветру и дождю. Я останавливаюсь, чтобы перевести дух, и оглядываю волнолом и темные, мятущиеся воды залива. Здесь чувствуется присутствие Эл. Почему именно здесь? Понятия не имею. Вряд ли совпадение, что Эл исчезла из того места, куда мы бежали много лет назад. Многие считают, что ее жизнь кончилась там, где началась наша вторая жизнь. Меня охватывает застарелый трепетный страх. А что, если она все-таки...

Раздается изумленный вопль: «Черт!» На корточках у волнолома сидит молодой парень и смотрит на меня, вцепившись в лацканы промокшей куртки. Второй возглас звучит уже не так удивленно, и я понимаю, что произошло.

– Я не...

– Знаю. – Он встает, морщась. Видимо, просидел тут долго. – Вы – Кэт, сестра-близнец Эл. Я – Сэтвик Бриджеш, можно просто Вик.

Он моложе, чем я сначала подумала. Не красив – по крайней мере, не в общепринятом смысле этого слова, в отличие от Росса. Лицо скорее доброе, чем цепляющее взгляд. Вик прочищает горло и кивает, глядя на меня во все глаза. Как ни странно, это вовсе не нервирует. Я понимаю, что он видит во мне Эл. Его плечи никнут.

– Я художник. Мы с Эл познакомились на выставке портретов, куда оба привезли свои работы. «Пустые личины и скрытые лица». – Вик улыбается, и я понимаю, что он все-таки красив. Вокруг глаз появляются мимические морщинки. – В дневное время я гораздо менее

интересен: работаю аналитиком-оценщиком в «Эл-эм-ай», сижу в общем офисе без перегородок на девяносто служащих. – Он изображает пальцами обеих рук кавычки. – «Самое эффективное использование рабочего пространства». С ума сойти, правда?

Вик сокрушенно качает головой и отворачивается к заливу.

– Я прихожу сюда... Сам не знаю зачем. Наверное, чтобы стать ближе к ней. – Парень закрывает глаза. – Люблю ощущать силу стихии, меня это успокаивает.

Приятный парень. Вероятно, Эл он тоже нравился. Я нагибаюсь поднять камешек, бросаю его в воду. По воде медленно расходятся круги, пронзаемые каплями дождя.

– Я пытался утопить свои печали, но эти гады отлично плавают.

– Она говорила, что ты забавный.

– Неужели?

Звучит не более правдиво, чем заявление Мари, что Эллис рассказывала ей обо мне все-все.

Мы оба говорим о ней в прошедшем времени, совсем как Росс.

– Ты не ходил с ней на яхте?

Вик смотрит на меня удивленно.

– Нет! Меня укачивает, даже когда смотрю по телику «Голубую планету». – Он переводит взгляд на неоновые буй в воде. – Впрочем, лодка у нее была что надо. Сплошь полированное красное дерево да хромированная фурнитура. – Вик снова улыбается. – Когда Эл ее купила, яхта называлась «Док Холлидей», в честь героя Дикого Запада.

– Знаешь, где ее место на причале?

Вик морщит лоб и указывает на желтый буй у восточного края волнолома.

– Вроде бы там, но я не уверен. В общем, где-то в той стороне.

– Эл же не любит желтый!

– Что?

– Она терпеть не может желтый цвет. Я всегда ненавидела красный, она – желтый. – Пристально смотрю на буй. – А я и забыла...

– Что с тобой?

– Ничего. С тех пор, как вернулась, только и делаю, что вспоминаю, сколько всего позабыла... – молчу, потом смотрю на Вика. – Полагаю, ты тоже считаешь, что Эл мертва?

Он поднимает взгляд.

– Да, – отвечает с опаской, словно я бомба, готовая рвануть.

– Эл рассказывала тебе про письма с угрозами?

– Про открытки, – поправляет Вик и кивает.

Задерживаю дыхание, шумно выдыхаю.

– Она посылает мне письма по электронке.

– Ты имеешь в виду – посылала?

– Нет. Она шлет их и сейчас. Вчера, сегодня – с тех пор, как пропала.

– И что пишет? – все так же с опаской спрашивает Вик.

– Ничего особенного. Только я знаю, что письма от нее!

– Ее имя указано?

Я стискиваю зубы, внезапно разозлившись.

– Нет, только это вовсе не значит, что письма не от нее!

– В них говорится, что она жива? – Судя по выражению лица, Вик ничуть мне не верит.

Я качаю головой, заставляя себя смолчать. Подавляю сомнения, стараюсь не поддаваться отчаянию.

– Послушай, – наконец говорит Вик. – Может, обменяемся номерами? Из новостей особо ничего не узнаешь, и я подумал, что ты могла бы сообщить мне, если станет известно...

– Ладно.

Даю ему номер, и Вик отправляет мне свой эсэмэской, потом мы снова молчим. Дождь припускает, капли упруго отскакивают от асфальта.

– Эл боялась его до жути.

Я так быстро оборачиваюсь, что мокрые волосы бьют по лицу, обжигая кожу.

– Что?!

Вик отводит взгляд, стараясь не смотреть мне в глаза.

– Она очень боялась. За последние несколько месяцев Эл здорово изменилась. – Голос его звучит тихо и твердо. – Похудела, плохо спала. И эти синяки...

– Кого – его?

– Кэт, может быть, тебе стоит...

– Кого же?

Но я и так знаю, что он собирается сказать. Вик сглатывает, адамово яблоко подпрыгивает. Наконец он поднимает взгляд, и в нем –

печальная уверенность.
– Своего мужа.

* * *

Возвращаюсь на Уэстерик-роуд, потому что больше мне идти некуда. Вдобавок в этом есть некий вызов. Пусть даже я начинаю верить, что у Эл могут быть неприятности (если не хуже), но я ни на миг не верю, что с ней разделался Росс. Как и в то, что она его боялась.

В доме темно. На коврик перед дверью лежит еще один конверт. Вечерний свет скрадывает мое имя, видны лишь первые три буквы.

Разрываю бумагу, достаю открытку с плюшевым мишкой на больничной кровати, во рту – термометр, рядом с тревогой замер другой мишка. «Скорее поправляйся!» И надпись внутри: «Ты тоже умрешь».

Разворачиваюсь, бегу обратно по дорожке к калитке, вылетаю на улицу. Смотрю влево и вправо – никого. Открытка могла пролежать на коврике не один час. Снова начинается дождь: крупные ледяные капли падают на лицо, на волосы. Сминаю открытку в кулаке.

– Да иди ты к черту!

Кричать больно, но мне плевать. Мимо проезжает двухэтажный автобус, пассажиры лениво оборачиваются. Возвращаюсь на крыльцо, захлопываю красную дверь, дом отзывается возмущенным эхом. Ну и пусть!

* * *

Ведьма тащит меня по коридору в темноту, больно щиплется и дышит прямо в ухо. Я долго кричала и теперь могу только шептать: «Нет, нет! Не хочу туда!»

Белла с Мышкой бегут следом. Хватают меня за руки и тянут обратно к свету.

«Уплывем с нами! – кричит Белла. – Бежим!»

Ведьма тянет их вместе со мной, и каблук ботинок Беллы громко скребут по каменному полу. По щекам Мышки струятся слезы.

«Мы должны сбежать в Зеркальную страну! Там она тебя не достанет. В Зеркальной стране ты будешь в безопасности!»

И тогда в темноту спускается Эл. Ее лицо покрыто гримом, густо и небрежно, словно она размазывала его ножом. Сестра хватается Ведьму за шею, поворачивается ко мне. Серо-голубые глаза яростно сверкают.

«Беги!»

Я не сразу понимаю, где нахожусь и что происходит. Я лежу на кровати в кафе «Клоун». Кошмар никак не желает уходить, и я рада отвлечься на звук громких голосов.

Встаю, на неверных ногах бреду вниз по лестнице. Возле кухонного стола толпятся детектив-сержант Логан, детектив-инспектор Рэфик и незнакомая молодая женщина. Росс расхаживает туда-сюда, дергая себя за волосы. Увидев меня в дверном проеме, он явно испытывает облегчение.

– Кэт, они сдаются! Я же тебе говорил! – Бросается ко мне, вытаращив глаза. – Я так и знал, что они сдадутся!

И тут он вспоминает, что я ему вовсе не союзник, останавливается, пятится назад и бессильно роняет руки.

– Росс, мы не сдаемся, – с серьезным видом говорит Рэфик и смотрит на меня. – Руководитель операции МСЦ велел прекратить поиски. Официально об этом объявят завтра.

Чертов ковбой! Я и сама испытываю укол злости, не хуже Росса.

– Прошло уже шесть дней, – напоминает Рэфик.

– Ну и что?! – взрывается Росс. Глаза выпучены, на шее вздулись жилы, костяшки стиснутых рук так побелели, что кожа выглядит полупрозрачной. – Вы должны ее найти! Я этого не вынесу!

Молодая женщина кладет ему руку на плечо, шепчет на ухо, и он кусает губы до крови, глядя на потолок мокрыми от слез глазами.

– Я – Шона Мюррей, сотрудник по связям между семьями потерпевших и полицией, – представляется она, все еще сжимая плечо Росса. Голос высокий и писклявый, как у ребенка. – Очень рада наконец с вами познакомиться!

Как будто мы собрались на семейном торжестве... Поворачиваюсь к Рэфик.

– Вы должны продолжить поиски Эл!

Актер из Росса вышел бы никудышный. Все, что он думает и чувствует, написано на лице большими буквами. Он действительно

боится, что полиция перестанет искать Эл. Действительно боится, что ее не найдут никогда. И вдруг я понимаю, что и меня эта перспектива пугает до чертиков. Ведь не только жизнь Росса остановилась, моя – тоже. Эл нужно найти, она этого заслуживает! Даже если придется открыто признать: с ней случилось что-то плохое – эвфемизм для слова «мертва», который бесит меня ничуть не меньше, чем повальная вера окружающих в гибель Эл.

– Как я уже говорила, – повторяет Рэфик, – мы не сдались. Просто теперь наши ресурсы несколько ограничены. – Стоящий за ней Логан морщится, и я начинаю проникаться к нему симпатией. – Угроза жизни Эл не может считаться высокой вечно, особенно если МСЦ... – она умолкает, качая головой. Сконфуженный детектив-инспектор Рэфик нервирует меня гораздо больше, чем я ожидала.

И я выручаю ее из неловкого положения, закончив фразу сама:

– ...думает, что она мертва.

Рэфик прокашливается.

– Мы будем на связи с МСЦ. Они обязательно свяжутся с нами, если что-нибудь обнаружат. – На этот раз она не колеблется, хотя все понимают, о чем идет речь. – И мы не станем закрывать дело о пропаже Эл, будем периодически к нему возвращаться и вернемся к активным поискам, как только появится новая информация.

Росс прав: они сдаются. Рэфик берет свой черный плащ и зонт, и я вспоминаю, как она стояла в Тронном зале, клятвенно обещая: «Мы ее обязательно найдем!»

– Ну что ж, на этом мы вас оставим. Шона пробудет здесь столько, сколько вам нужно. – Рэфик кивает в сторону Шоны, которая вьется вокруг Росса, как собачонка, бросая преданные взгляды и издавая участливые возгласы.

– Экспертиза по открыткам закончена? – интересуюсь я, преграждая Рэфик дорогу.

– Нет. – Выражение ее лица совершенно бесстрастно.

– Сегодня я получила еще одну.

И я застываю под их сердитыми взглядами. Рэфик поджигает губы – единственный внешний признак того, как сильно я ее разозлила.

– Разве я недостаточно ясно дала вам понять, что при получении открытки следует связаться с нами немедленно?

– Не думала, что вам есть до них дело. – Знаю, я несправедлива. Не стоит вымещать на полицейских свою злость и разочарование, но я ничего не могу с собой поделать. В Америке меня было не прошибить ничем, здесь же куда ни ткни – попадешь в больное место.

– Где она?

Бегу наверх в кафе «Клоун», приношу открытку. Рэфик молча кладет ее в пакет для вещдоков и уходит.

– Послушайте, – говорит Логан и бережно ведет меня под руку в коридор. – С вами все хорошо?

Внезапно накатывает усталость. Интересно, что он сделает, если я прижмусь к его широкой груди и замру?

– Да.

– Не берите в голову! – Логан улыбается. – Поверьте, мой шеф как та собака, что лает, да не кусает. – Он продолжает держать меня за руку, но его улыбка гаснет. – Или вас тревожит что-нибудь другое?

– Нет. – По идее, следует сообщить ему про электронные письма и странички из дневника. Впрочем, в отличие от открыток, их нельзя считать откровенно угрожающими. Теперь я и сама понимаю, что они не так уж и невинны, однако рассказывать об этом Логану или кому-то еще не собираюсь.

– Уверены?

Вспоминаю ответ Эл: «Не ГОВОРИ полиции. Не ГОВОРИ никому. Ты в опасности. Я могу тебе помочь».

– Конечно. – Пытаюсь улыбнуться. – Просто я на нервах. С тех пор как вернулась, все время кажется всякое... Такое чувство, будто за мной наблюдают.

Взгляд Логана суровее.

– Думаете, за вами следят?

– Постоянно, – я киваю.

Он оглядывается на кухонную дверь, потом переводит взгляд на меня.

– В день исчезновения вашей сестры соседка, живущая через дорогу, видела возле ее дома подозрительного субъекта.

– Что же он делал?

– Выскочил из проулка между домами и побежал в сторону парка.

– Как он выглядел?

– Среднего роста и телосложения, черные джинсы и ботинки, черная куртка с капюшоном.

– Я вчера видела похожего на углу Локенд-роуд. Стоял и наблюдал за мной.

Логан хмурится.

– Послушайте, может, это и ерунда, но, если увидите его снова или вас что-то – все равно что – насторожит, звоните мне немедленно. В любое время!

– Ладно.

– Не надо к нему подходить, просто позвоните мне.

– Хорошо, детектив-сержант Логан, не буду. Так и сделаю!

Мы доходим до порога, и он улыбается. Распахивает дверь, стоя в лучах яркого света, оборачивается и ерошит свою дурацкую прическу.

– Просто Логан. А лучше зовите меня Крейг. Мама в свое время переслушала «Проклеймерс»^[5], будь они неладны!

Он захлопывает за собой входную дверь, и в прихожей снова становится сумрачно. Иду на кухню, из-за прикрытой двери доносится звяканье ложек и приглушенные голоса.

– Позвоните, если понадобится помощь, – говорит Шона. – Номера горячей линии и психолога у вас есть, но я могу заняться более практическими вещами вроде панихиды или...

– Нет! – резко и хрипло обрывает ее Росс.

– Хорошо-хорошо, вы правы! Пожалуй, еще слишком рано... И все же по долгу службы я обязана оказать вам помощь и дать любую информацию, когда будет необходимо, – с запинкой отвечает она, и я злорадствую.

Серьезно, панихида?! Она что, издевается? Эл пропала меньше недели назад!

– С юридической точки зрения сейчас стало попроще, но родным пропавших без вести все еще бывает очень трудно уладить их дела.

– О чем это вы? – спрашивает Росс гораздо менее возмущенно, чем следовало бы.

По плиточному полу чиркают ножки стула.

– Я не говорю, что нужно заниматься этим прямо сегодня, но в случае исчезновения человека, когда нет тела или свидетельства о смерти, полагается подать иск о признании его умершим. Если все пройдет удачно... Росс, наверное, слышать это сейчас вам тяжело, но...

Так вот, суд уведомит начальника центрального бюро регистрации актов гражданского состояния, и тогда факт смерти зарегистрируют. Раньше ждали минимум семь лет, чтобы объявить человека умершим; теперь правила изменились. Знаю, вам не хочется думать о практической стороне дела сейчас, однако вы должны быть морально готовы. Беготни предстоит много.

Если она еще раз пропищит слово «практический» своим нелепым голоском, я ее придушу! Странно, что Росс до этого пока не додумался.

Серdito распахиваю дверь, Росс отстраняется от Шоны и вскакивает.

– Хотите чаю, Кэт? – участливо спрашивает она, краснея.

– Никакого чая, – отказываюсь я, глядя на Росса, и демонстративно принимаюсь готовить себе кофе.

Шона встает и заверяет Росса, что готова вернуться завтра же или в любое время, когда ему понадобится.

– Я вас провожу, – с напряженной улыбкой говорю я. В прихожей кладу руку на задвижку и поворачиваюсь к Шоне. – Эл вовсе не умерла!

– Что?!

На ее носу – россыпь светло-коричневых веснушек, высветленные волосы выглядят хрупкими и безжизненными, того и гляди переломятся от порыва ветра. Тоже мне, красotka нашлась!

– Эл не умерла, – повторяю я и склоняюсь к Шоне, растягивая губы в широкой, застывшей, насмешливой улыбке сестры. – Так что даже не надейтесь!

Глава 10

john.smith120594@gmail.com

9 апреля 2018 в 06:56

Re: Он знает

Входящие

Подсказка 4. ЭТО БЫЛИ ЛУЧШИЕ ВРЕМЕНА, ЭТО БЫЛИ ХУДШИЕ ВРЕМЕНА.

Отправлено с iPhone

* * *

john.smith120594@gmail.com

9 апреля 2018 в 07:02

Re: Эл

Входящие

Неприятности не у меня, а у тебя.

Отправлено с iPhone

* * *

Страничку из дневника я нахожу в потрепанной книге «Повесть о двух городах», которая стоит на полке за автопортретом Эл. В детстве сестра ее просто обожала: трагический сюжет, страшные события, мадам Дефарж с ее вязанием... Эл смеялась надо мной, потому что мне больше нравилась «Энн из усадьбы Зеленые Крыши».

12 октября 1997 года, 11 лет, 3 месяца, 12 дней

Мама всегда заставляет нас читать или читает нам сама. Она НИКОГДА не останавливается! Зато теперь это уже не детские сказки и не Шекспир (ФУУУ!) Теперь книжки гораздо интереснее – про войну, шпионов и убийства! Мы недавно закончили «Риту Хэйворт и побег из Шоушенка» – название дурацкое но книжка супер!!! Там про

парня по имени Энди Дюфрейн он сидит в тюрьме за убийство только он его не совершал и целых двадцать семь лет (!) готовит побег. Просто потрясно!!! Он прорыл малюсеньким молоточком тоннель через четыре фута бетона а потом прополз по трубе полной ДЕРЬМА!!! Целых ПЯТЬСОТ ЯРДОВ!!! ГРАНДИОЗНО / БЕЗУМНО!!!!

А в конце есть ГРАНДИОЗНЫЙ момент когда его друг Рэд выходит и понимает что Энди оставил ему денег и он может начать новую жизнь. Я даже расплакалась стыдно конечно но мне плевать потому что я ЛЮБЛЮ эту книжку!

ЕЩЕ Я ЛЮБЛЮ МАМУ

Я ЛЮБЛЮ КЭТ (Когда она не вредина!!! Ха)

Мама ничуть не сомневалась в том, что о жизни можно узнать из книг абсолютно все, что нужно. Едва нам с Эл исполнилось десять, как она перешла от сказок к Шекспиру, Т.С. Эллиоту, Чарльзу Диккенсу, Агате Кристи. В Башне принцессы книги громоздились целыми стопками, и мы проглатывали их одну за другой: «Буря», «Граф Монте-Кристо», «Скрюченный домишко», «Джейн Эйр», «Человек в железной маске».

К одиннадцати годам мама перешла к современным романам: «Хоббит», «Мотылек», «Выбор Софи», «Бойня номер пять», «Шпион, пришедший с холода». Долгой дождливой осенью девяносто седьмого она начала читать нам «Риту Хэйворт и побег из Шоушенка». До сих пор помню, как мама сидела на подоконнике кладовой, болтая скрещенными в щиколотках ногами. Во время чтения ее голос никогда не был ни высоким, ни грозным, ни испуганным – он всегда оставался спокойным и ровным. Не прошло и недели после окончания книги, как место мадам Дефарж занял Энди Дюфрейн, а Бумтаун был переименован Эл в Шоушенк. Не прошло и года, как мамы не стало, да и Зеркальной страны тоже...

Сминаю в кулаке страницу и смотрю, как небо над Уэстерик-роуд светлеет. Сегодня – никаких сомнений, стыда, вины и тревоги. Сегодня я очень зла. Я предложила Эл оливковую ветвь, протянула ей руку помощи, а в ответ получила очередную подсказку, очередную страничку из дневника... Какое ребячество! Сестра пытается перезагрузить меня словно компьютер, восстановить старые файлы, которые, как она считает, давно уничтожены. Неужели Эл полагает, что

я забыла нашу жизнь в этом доме? Перестать думать о чем-нибудь и забыть – вовсе не одно и то же. Прошрое закончилось, его не вернешь. Я прислушалась к совету мамы постараться видеть хорошее, потому что понимала: она стала несчастной из-за того, что видела лишь плохое. Покинув дом, я следовала именно этому принципу. И чем ближе дневниковые записи к четвертому сентября девяносто восьмого года, чем ближе они к той ночи, когда мама с бабушкой умерли и мы с Эл сбежали, тем больше я рада, что поступила так, а не иначе. Я долго шла к тому, что имею теперь, долго пыталась сбросить груз своей первой жизни. Я не позволю Эл мною манипулировать, какими бы ни были ее причины, не позволю взвалить на себя эту тяжесть снова. И тем более не собираюсь никому рассказывать грустную историю нашего трудного детства, особенно полиции.

Вспомнив про плагин для отслеживания писем, я со всех ног бегу на кухню. Открываю ноутбук, дважды ошибаюсь при вводе пароля и наконец получаю доступ к почте.

– Ну же, давай! – Нажимаю на письмо, в расширении ставлю галочку. «Письмо открыто один час и четырнадцать минут назад». Пока грузится страница, сердце бьется медленно и тяжело. – Ну!

И наконец читаю:

Джон Смит 1 час 14 минут

ЭЛ

Местоположение: Лотиан, Шотландия

Город: Эдинбург

iPhone 7 секунд, 1 просмотр

Прикладываю ладонь к щеке. Лицо горит. Письмо отправлено из Эдинбурга. Не знаю, чего я ожидала. Гебриды? Багамы? Эл все еще здесь!

* * *

Старое кладбище уютится на вершине продуваемого всеми ветрами холма. Мы с Россом пробираемся сквозь ряды могил восемнадцатого и девятнадцатого веков: массивные покосившиеся надгробия в форме черепов и ангелов, огромные серые плиты, поросшие белым и желтым

лишайником. Новые захоронения гораздо скромнее и ближе друг к другу, в большинстве из них – пепел, а не тела.

Росс не сразу вспоминает участок, и по пути я начинаю нервничать. Неподвижно стою под порывами ветра, смотрю на черный камень с витиеватой золотой надписью, напоминающей открытки на нашем придверном коврикe. Интересно, кто заплатил за надгробие? Стараюсь не обращать внимания на пробегающую по спине дрожь.

Светлой памяти Роберта Джона Финли, 72 лет, и его дочери Нэнси Финли, 36 лет, умерших 4 сентября 1998 года.

Ушли, но не забыты.

– Последнее логово старого греховодника.

– Что?

– Я про могилу. – Росс кивает на траву, стиснув губы. Похоже, сожалеет, что согласился сводить меня сюда. – Хотел бы помянуть добрым словом, да не за что...

Я поворачиваюсь к нему.

– За что ты его так ненавидишь?

Он смотрит на меня пристально, чуть ли не с подозрением. Потом качает головой и переводит взгляд на соседние надгробия.

– Неважно.

Лично я думаю, что очень важно, но молчу. Дедушка был сварливым брюзгой, спору нет. Вспоминаю, как мама стоит у кухонного стола, раскладывая по тарелкам рагу, и монотонным голосом рассказывает про вакансию уборщицы, о которой прочла в газете. Дедушка поднимает тяжелый взгляд. «Занимайся своим делом, милая! Смотри за домом и за малютками, ясно?» Конечно, так она и делала. Дедушке никогда не доводилось слышать ее колких замечаний или бегать по дому, удирая от воображаемого пожара, злодеев или апокалипсиса.

Я нагибаюсь, чтобы поставить в вазу белые розы, срезанные в саду, и вдруг понимаю, что там уже стоят цветы. Мамины любимые розовые герберы! Очень странно...

– Кто же их принес?

Росс пожимает плечами.

– Неужели тебе все равно? Кто мог оставить свежие цветы у чужой могилы? – Хотя кое-какие догадки у меня есть.

Росс снова равнодушно пожимает плечами. Сегодня он другой. Похоже, ему полегчало. Наверное, наконец перестал разрываться между надеждой и горем, выбрав последнее. Винить его сложно, как и верить в то, что сказал о нем Вик, но это непоколебимое горе изрядно раздражает и нервирует. Такое чувство, будто ему проще страдать, чем допустить, что Эл его бросила. Неужели ему приятнее поверить в ее смерть? Гадкая мысль, ехидная. Отчасти тому виной воспоминание о застывшем на лице Росса ужасе и поросшие бурьяном поля моей памяти, в которые обрывки дневника Эл вгрызаются словно яростные плуги в кислую грязь.

– Я видел у ворот пустые вазы, – говорит Росс. – Сейчас принесу.

Смотрю ему вслед, пытаюсь подавить негодование и сожаление. Мы не заговаривали о поцелуе, однако не осмеливаемся смотреть друг другу в глаза и поддерживаем неловкое перемирие. Грош ему цена! Смотрю на могилу и вспоминаю слова сестры: «Я люблю Кэт». Следом неизбежно приходят мысли о Роузмаунте.

В отличие от первой жизни, вспоминать нашу вторую жизнь мне всегда было гораздо проще. При мысли об интернате Роузмаунт у меня щемит сердце. Он располагался в викторианском особняке, прежде католическом приюте для сирот. Холодная уродская махина с высокими потолками и горгульями, похожая на приют для умалишенных, где мертвых хоронят в общей могиле прямо в подвале... Воспитатели обращались с нами хорошо, насколько могли, но мы с сестрой никого к себе не подпускали. Две двенадцатилетние беглянки поклялись не рассказывать о себе ничего и никому, даже Старому морскому волку, нашедшему нас в гавани, где мы терпеливо ждали свой пиратский корабль. Пожалуй, это единственное обещание друг другу, которое мы с сестрой сдержали.

Как я понимаю теперь, мне пришлось гораздо легче, чем сестре, хотя плакала я больше, чем она. Эл постоянно злилась, вела себя вызывающе, отстранилась от всех и вся. Ее тщательно продуманные планы на будущее изумляли своим размахом и не имели никакой связи с реальностью. Мол, едва нам исполнится восемнадцать, мы покинем Эдинбург и уедем за границу; Эл станет художником-портретистом, я – писателем, и никто нам не будет нужен. Вероятно, она и сама понимала,

насколько эти планы несбыточны. Закрывшись в нашей комнатке, сестра беспрестанно говорила о Зеркальной стране и ее обитателях так, словно они настоящие, словно ничего не изменилось и все только и ждут нашего возвращения. «Я по ним скучаю», – твердила она как мантру, как желание, которое исполнится, стоит лишь щелкнуть каблуками волшебных красных башмачков. Я понимала, почему Эл это делает. Лгать и хранить тайну тяжело, но еще тяжелее притворяться, что тебе все равно. В то время и у меня была своя постыдная тайна: больше всех я скучала не по маме или бабушке, а по Россу...

Росс возвращается с вазой. Лицо у него суровое и непроницаемое.
– Все хорошо?

Я киваю, и Росс наклоняется, чтобы поставить розы. Когда он снова выпрямляется, атмосфера между нами становится еще более напряженной. Я очень хочу сообщить ему про установленный плагин, но тогда придется рассказать и про письма, и про странички из дневника, объяснять, почему не сделала этого раньше... Нет, мне не хватит смелости – наши отношения и так слишком хрупкие и непростые.

Вспоминаю, как сидела рядом с Россом на ящике в салуне Трехпалого Джо. Эл тогда переметнулась к индейцам и планировала внезапное нападение на Бумтаун, а мы делали вид, что ни о чем не подозреваем. Наверное, была осень или зима – воздух вырывался изо рта облачками белого пара. Бумтаун доживал свои последние дни, и вскоре на смену ему пришел Шоушенк, потому что это одно из моих последних воспоминаний о салуне.

Росс задумчиво помолчал, потом повернулся ко мне и внимательно посмотрел прямо в глаза.

«Расскажи-ка мне про Остров».

Я улыбнулась, радуясь, что он со мной заговорил. Впрочем, я прекрасно понимала: он спрашивает у меня лишь потому, что рядом нет Эл.

«Остров называется Санта-Каталина, это в Карибском море. Он просто потрясающий! Там есть пляжи и лагуны, мангровые заросли и пальмы. Наш папа, капитан Генри, выстроил крепкий форт и огромный дом, а островитяне назвали в честь него улицу, деревню и даже высокую скалу, потому что они его просто обожают».

Росс посмотрел на меня с прищуром.

«Почему же папа за вами не приезжает? Почему не заберет вас отсюда?»

«Не знаю. – Моя улыбка погасла, радость тоже улетучилась. – Мама говорит, что в один прекрасный день он обязательно вернется».

Взгляд Росса стал еще более пронзительным, в глазах вспыхнули серебряные искорки, и вдруг я испугалась – то ли его самого, то ли того, что он скажет. Росс сжал губы с недобрый видом.

«Не верь ей, Кэт! Люди постоянно лгут!»

Воспоминание придает мне храбрости, и я поворачиваюсь к Россу.

– Не расскажешь, чем я так сильно тебя разозлила?

– Я вовсе не злюсь. – Росс нервно прижимает ладони к глазам.

– Про вторую открытку я обязательно рассказала бы, просто не успела...

– Кэт, ты должна быть со мной честной и рассказывать мне обо всем! Перед полицией нам нужно выступать единым фронтом, понимаешь? – Росс хватает меня за руку холодными как лед пальцами. – Я же говорил, что Рэфик не относится к расследованию всерьез!

Я считаю иначе, но Росс много в чем ошибается. Перевожу взгляд на наши руки.

– Ладно, обещаю. Прости! – Он глубоко вздыхает и отпускает мои пальцы.

– Послушай, – говорю я. – Вчера вечером...

– Это была ошибка, – выпаливает он и отворачивается.

Я киваю, не обращая внимания на застарелую боль в груди.

– Мы оба устали, расстроились. Да еще виски...

Я пытаюсь изобразить улыбку, но выходит неубедительно.

– Я... – Росс прочищает горло. – Кэт, ты должна знать. Целуя тебя, я вовсе не думал... Я целовал тебя не потому, что ты напомнила мне Эл, или потому, что принял тебя за нее. – Он смотрит мне в глаза. – Я не хочу, чтобы ты так думала!

– А я и не думаю, – отвечаю я.

Росс всегда считал нас разными и никогда не путал, в отличие от многих других. Только мне от этого не легче...

Мы возвращаемся в дом, и на нас сразу обрушивается тяжкий груз ужаса и чувства вины. Я нагибаюсь за очередной открыткой и разрываю конверт с надписью «Кэтрионе». Росс прислоняется к малиново-красной стене, и на его щеке дергается мускул.

– Что пишут?

Опускаю взгляд на ярко-красную надпись: «Он причинит боль и тебе». Росс вопросительно смотрит на меня усталыми красными глазами.

Закрываю открытку, иду в прихожую.

– Ничего нового.

– Ясно, – говорит он и уходит в темноту коридора.

А я вспоминаю наш девятнадцатый день рождения. По идее, к этому времени воплощение блистательных планов Эл уже должно было идти полным ходом, однако я сидела в унылом приемном покое на грязном диване, разглядывая морские пейзажи в дешевых пластиковых рамках. В ослепительно белой больничной палате я попрощалась с нашими планами окончательно. Я посмотрела на Эл, она – на меня. Плотнo спеленутая простынями, на руке окровавленная повязка, удерживающая воткнутый в тыльную сторону ладони внутривенный катетер. На лице сестры сияла улыбка, которую мне не забыть никогда: усталая и неверная, и при этом наполненная неопиcуемой радостью и ненавистью. Голос охрипший, в нем клокочет смех.

«Я победила!»

Глава 11

john.smith120594@gmail.com

10 апреля 2018 года в 15:36

Re: ОН ЗНАЕТ

Входящие

Кому: Мне

ПОДСКАЗКА 5. ТАМ, ГДЕ ПРЯЧУТСЯ КЛОУНЫ

Отправлено с iPhone

* * *

Опускаюсь на колени в кафе «Клоун», поднимаю оборку на покрывале и жду, пока глаза привыкнут к темноте. Там лежит только один предмет, прямоугольный и черный. Я смотрю на него с ужасом – и вдруг в ушах начинает звенеть мамин голос, высокий и разъяренный. Она переворачивает рюкзак вверх ногами, вытряхивает на пол спальни пакеты с мукой, консервы и пластиковую бутылку. «Срок годности истек! Бутылка пуста! Бога ради, Кэтриона, почему ты такая бестолковая? Это очень важно! Какого черта ты никогда не делаешь, как тебе велят?!»

Под кроватью лежит вовсе не черный рюкзак, а фонарь. Тусклые стеклышки и острые металлические углы, внутри старая свеча, догоревшая до конца, снаружи ржавый крюк. Почти такой же, как фонарь на «Сатисфакции». Тот остался висеть на корме, и три дня назад при виде него я содрогнулась до хруста в костях... К металлическому корпусу прилеплена скотчем очередная страничка из дневника.

16 февраля 2004 года

Кэт не понимает, даже не пытается понять. Строит из себя идиотку! Думает, если притвориться, что чего-то не было, то его и не будет. Если забываешь одно, то можешь забыть и все остальное. А это глупо и делает тебя полным идиотом. Иногда я ее ненавижу. Иногда я жалею, что у меня вообще есть сестра. Иногда я мечтаю о том, чтобы она исчезла.

Я больше не хочу думать про Эл в Роузмаунте. Я не хочу думать про Эл вообще! Мне отвратителен ее голос, звучащий у меня в голове, – язвительный, насмешливый, презрительный. Меня бесит, что у нее до сих пор получается меня задеть, заставить испытывать такой острый стыд, словно это я пропала без вести.

Швыряю под кровать страницу с фонарем и начинаю метаться по кафе «Клоун» как безумная, открывая шкафы и комоды, заглядывая под элементы декора и книги. В доме много комнат, и поиски сокровищ, которые устраивала Эл, могли длиться вечно: в каждой она прятала по три или четыре подсказки. Сестра злилась, если я находила их не по порядку, но мне осточертело плясать под ее дудку. Из всех сил дергаю дверцу платяного шкафа. Та не поддается, я тяну сильнее и наконец распахиваю ее с натужным скрипом. Внутри нет ни грима, ни париков, ни комбинезонов. Там совершенно пусто, не считая маленького квадратика бумаги.

Вдруг мне становится очень страшно. Волосы на затылке встают дыбом, словно сзади ко мне тянется длинная костлявая рука.

10 августа 1998 года

Что-то приближается. Оно уже близко.

Иногда мне так страшно, что я забываю, как дышать. Я забываю, что умею дышать.

Колокольчики пугают меня постоянно. На самом деле страшит то, что наступает после того, как они прозвонят, но больше всего я думаю именно про колокольчики. Порой мне чудится звон, когда они молчат. Иногда они мне снятся, и я просыпаюсь у двери, готовая бежать. Или трясусь Кэт так сильно, что у нее клацают зубы. Что будет, если ночью МЕРТВЫЕ ОГНИ найдут меня до того, как я успею проснуться? Однажды я проснулась на палубе «Сатисфакции». Ветер дул так сильно, что паруса хлопали, словно простыни, развешенные для просушки в саду. Я знаю, все случилось из-за того, что я пыталась найти папу. Почему же его все нет, а ОН возвращается всегда? Почему возвращается ТОЛЬКО плохое? Теперь чаще. Теперь постоянно.

Я роняю страничку, захлопываю дверцу, бросаюсь к кровати и открываю ноутбук.

«Чего ты хочешь? Прошу, Эл, расскажи мне, что происходит!»

Ответ приходит мгновенно.

«Я не Эл. Эл мертва».

И я не в силах устоять, хотя знаю, что сопротивление – единственный разумный ответ.

«Тогда кто ты, черт бы тебя побрал?»

Ждать приходится почти минуту.

«Я – Мышка».

* * *

– Давай куда-нибудь сходим, – предлагает Росс. – Мне до смерти надоело сидеть в четырех стенах.

И я не отказываюсь, потому что мне тоже надоело. Я готова пойти куда угодно, лишь бы не оставаться здесь.

Собираюсь долго, даже слишком. Надеваю шикарное платье, черное и короткое, отделанное синей шелковой нитью. Укладываю волосы в небрежную высокую прическу. Ногти и губы крашу ярко-красным цветом. Смотрю в зеркало и вижу Эл. Нет, мне просто кажется...

У лестницы меня внезапно охватывает ужасное предчувствие, и я едва не бросаюсь обратно в кафе «Клоун». Невидимые пальцы подталкивают в спину. «Перестань бояться падения, иначе никогда не сможешь летать».

– Готова? – спрашивает Росс из кухни.

Я вцепляюсь в перила. Сердце колотится, голова идет кругом. Наконец застарелый страх и желание упасть исчезают в той же тьме, из которой раздался разъяренный мамин голос.

* * *

Ресторан находится в узком переулке рядом с Лейт-стрит, мощеную мостовую освещают лишь старые викторианские фонари. Открывая дверь, Росс придерживает меня за талию. Внутрилюдно, но не шумно, и царит уютный полумрак. Стены цвета темного шоколада, на столах скатерти в красно-белую клетку.

Упитанный бородач машет рукой и спешит к нам навстречу.

– Росс! – восклицает он. – Ужасно рад видеть, дружище!

Пожимая руку Россу, он внимательно оглядывает меня – испытующе и в то же время бесстрастно.

– Как я слышал, новостей пока нет, – говорит бородач, избегая смотреть мне в глаза, и до меня доходит. Он думает, что я – Эл, и в то же время знает, что это не так.

– Нет, пока ничего, – отвечает Росс. – Извини, это... Хм, это Кэт, сестра-близнец Эл. Кэт, это Мишель. Еще ему принадлежит ресторанчик «Фаволосо» в Старом городе.

Мишель качает головой.

– Да, ужасно, ужасно... – Его взгляд снова скользит по мне. – Поразительно, до чего же вы с сестрой похожи.

– Извини, – повторяет Росс. – Столик мы не заказывали...

– Для вас местечко всегда найдется. Идемте за мной.

Мы долго петляем между столиками, доходим до самого конца помещения. Из кухни доносится приглушенный лязг посуды и голоса. Мишель подводит нас к угловой кабинке.

– Боюсь, здесь немного... м-м...

Да уж, и это еще мягко сказано! Диваны с высокими спинками, по краям столика – две длиннющие свечи, в вазе между ними – красная роза. Других столов поблизости нет. Судя по всему, это романтический уголок для особых событий.

– Сойдет, – Росс кивает. – Спасибо!

Я снимаю плащ и не без удовольствия ловлю на себе восхищенный взгляд Росса. Он прочищает горло и садится.

– Выглядишь отлично.

По рекомендации Мишеля мы заказываем закуску ассорти и бутылку «Фраскати». После его ухода к нашему столику начинается настоящее паломничество официантов. На пятом – подростке с уже второй корзинкой хлеба – я понимаю, что это неспроста. Чувствую себя звездой парада уродцев.

– Сколько раз ты приходил сюда с Эл?

Росс перестает делать вид, будто ничего не замечает, и смущенно потирает лицо.

– Прости, Кэт. Я не ожидал, что получится настолько неловко. Мне очень, очень жаль! Хочешь уйти?

– Нет. Все нормально. – Я злюсь на идиотскую ситуацию, он-то ни при чем... Ох уж эта Эл! История с Мышкой не просто бесит, она выглядит как издевка. На самом деле, Мышка – моя подруга, а не ее. Мышка для кошки, для Кэт. Ее придумала я, чтобы у меня всегда была своя компания, свой друг, готовый выслушать и посочувствовать. И вот теперь Эл решила присвоить даже ее! Так какого черта нам с Россом чувствовать себя виноватыми? Мы-то не сделали ничего плохого!

Закуски приносит официантка, которая изо всех сил старается не глазеть на нас и в результате чуть не роняет тарелку Росса ему на колени. Мне становится смешно, Росс заметно напрягается. Когда девушка уходит, он накидывается на еду с таким видом, словно это его последняя трапеза. Как же мне хочется, чтобы он расслабился! Если б я могла забрать хотя бы частичку его тревог, стресса и боли, взамен отдав свою злость... Впрочем, Росс к моим доводам прислушиваться не желает, поэтому я пытаюсь отвлечь его непринужденной беседой.

– Помнишь Роузмаунт?

Он замирает, не донеся вилку до рта.

– Тюрьму Маршалси?

– Там было не так уж плохо!

– Плохо, если верить Эл.

– Эл склонна к преувеличениям. – Вино помогает немного успокоить нервы и даже бодрит. – Помнишь Шоушенк в Зеркальной стране? Вот где было плохо!

– Конечно, помню. – Росс смотрит на меня слишком пристально. – А ты помнишь?

– Еще бы.

Эл строила из себя Энди Дюфрейна и командовала мне: спрячься там, шпионь здесь, стой на стреме тут... Вспоминаю посыпанный гравием старый двор – единственную часть Зеркальной страны, находившуюся снаружи. Прогулочный плац, по которому Эл заставляла меня маршировать кругами, часами. Иногда под дождем, иногда до самой темноты. Мы пинали серебристо-серые камешки, хрустевшие

под тюремными ботинками, и пыль оседала на наших тюремных робах – старых дедушкиных пиджаках и рыбацких комбинезонах, волочившихся по земле.

Внутри Шоушенка Росс всегда был надзирателем или охранником Блока номер пять, устроенного наверху стопки старых деревянных ящиков, прежде служивших тротуаром в Бумтауне. Он бросал на нас суровые властные взгляды и угрожал запереть в камере навсегда. В то время мы стремительно входили в подростковый возраст, и Шоушенк, полагая, стал последним тяжким вздохом Зеркальной страны.

– Роузмаунт я помню, хотя и смутно, – говорит Росс и доликает вина. – Вы с Эл провели там лет шесть, когда я встретил вас снова.

Поразительно, как хорошо мне запомнился тот день! Его цвета, запахи. Холодная весна, резкая вонь угольной гари, цветущие бело-розовые сады. Я подпирала колонну Шотландской национальной галереи, скучая в ожидании Эл. Она могла провести в художественной галерее весь день, от открытия до закрытия. Тогда мы уже почти не разговаривали, но я все еще не теряла надежды.

Я увидела Росса на другой стороне Принцесс-стрит – он выходил с сумками из универмага. Даже сейчас сложно передать, что я почувствовала, встретив его снова. К две тысячи четвертому году перспектива покинуть Роузмаунт больше не казалась возможностью – она стала пугающей неотвратимостью. Воспитатели постоянно твердили о возрасте, словно нам было лет по сто пятьдесят, а не ближе к восемнадцати. Еще они рассказывали о наших перспективах – достаточно для того, чтобы мы поняли: двум сиротам мало что светит в будущем. Росс составлял огромную часть нашей первой жизни, давно покинутой и оставленной мертвым. Поэтому, когда я увидела его повзрослевшим и в то же время прежним, первый порыв – радость и предвкушение встречи – сменился во мне чувством утраты и тревогой.

Я не пошевелилась, он заметил меня сам. Сердце трепетало, живот скрутило. Росс бросился ко мне бегом и остановился футах в шести – дыхание вырывается облачком пара, улыбка широкая и радостная.

«Кэт!»

«Привет, Росс!»

Слезы на глаза навернулись сначала у Росса, потом у меня, хотя я не помню, кто из нас заговорил первым. Минуту назад его не было в моей жизни, и вдруг он обнимает меня и прижимает к груди.

«Куда ты пропала? У тебя все хорошо? – Кончик носа у него покраснел, глаза ярко блестели. – Я пытался тебя найти. Искал вас обеих, но...»

«Мне очень жаль, что так вышло».

Дело в том, что мы с Эл прекрасно знали, где он, однако, по условиям сделки, заключенной в заливе Грантон, все, что относилось к нашей первой жизни, должно было остаться в прошлом, как бы сильно мы по нему ни скучали.

Росс снова улыбнулся.

«Неважно! Главное, я тебя нашел!»

И тогда уже я бросилась к нему в объятия. Мне очень захотелось обнять Росса за шею, провести ладонями по широким плечам, прижаться к непривычно, по-взрослому колючей щеке. Я больше не хотела, чтобы Эл вышла из галереи. Я знала, что она все испортит. Увы, тут она и появилась.

Росс сразу отпрянул.

«Эл?»

Если это и был вопрос, сестра на него не ответила. Я боялась, что Росс бросится к ней, обнимет, поцелует. И тогда все вернется на круги своя, мы снова станем играть привычные роли, и эти двое забудут о моем существовании.

Однако этого не случилось. Когда Росс шагнул вперед, Эл отшатнулась, и он замер.

«Эл?»

«Зачем пришел?»

«Я... я просто заметил Кэт и...» – Росс судорожно сглотнул, глядя на нее с обидой и замешательством.

Эл ужасно рассердилась. Конечно, я была не права, но тут же закусил удила, потому что плевать хотела на ее распоряжения. Мы с ней – равные, и мы – разные люди, а не один человек. Сестра мне не начальник!

Все трое стояли и не знали, что сказать. Наконец Эл смягчилась настолько, что поцеловала Росса в щеку.

«Извини, нам пора».

«Куда вы?» – Росс посмотрел сначала на меня, потом на нее.

«В интернат Роузмаунт, – ответила я, игнорируя яростный взгляд Эл. – Это в Гринсайте. Можешь нас как-нибудь навестить».

«Пошли, – поторопила Эл, беря меня за локоть, и потащила по ступенькам. – Нам пора!»

«Не обращай внимания! – воскликнула я, ликуя и в то же время стыдясь. – Она ведет себя так со всеми!»

Эл молчала почти всю дорогу и повернулась ко мне лишь на полпути к дому, уже сидя в автобусе. Лицо у нее было красное и разгневанное.

«Мы же договорились! Это наша новая жизнь, и нам в ней никто не нужен!»

Я не понимала, почему она так расстроилась, и чувствовала себя скверно. Такого всплеска эмоций я не видела у сестры уже несколько лет.

«Это же Росс!»

Лицо ее окаменело, в глазах появились слезы.

«Неважно! Мы с тобой договорились, а ты нарушила слово!»

– Так странно вспоминать все это теперь, – говорю я Россу. Тут я вступаю на зыбкую почву, знаю, однако вино и фраза из дневника Эл толкают меня к безрассудным поступкам. – Я про причину своего отъезда.

Свеча мигает, наши взгляды встречаются.

– Пожалуй, некоторые вещи лучше не вспоминать.

– Наверное, ты прав.

И вдруг мне становится так больно, что не могу. Именно этот образ мыслей и заставил меня в свое время бежать в Америку.

– Я подумываю о том, чтобы нанять специалиста по расследованию морских происшествий, – сообщает Росс, смотрит на меня и добавляет: – Вижу, ты считаешь это плохой идеей.

Я глотаю вино, неожиданно рассердившись из-за смены темы.

– Почему Эл пользовалась именно этим портом?

– Ты имеешь в виду, почему она швартовалась в Грантоне?

– Да.

Росс пожимает плечами.

– Это ближайший порт и, насколько мне известно, единственный. В доках Лейта яхт-клубов нет. А что?

– Просто интересно. Сама не знаю. – Я тру виски. – Похоже, ты и вправду считаешь, что с ней произошел несчастный случай, и не рассматриваешь версии с нападением, суицидом или бегством.

Он смотрит на меня в упор.

– Кэт, это вопросы или утверждения?

Я сжимаю губы, чтобы не проговориться.

– Хотелось бы знать, кто посылал открытки Эл, а теперь и тебе.

Впрочем, вряд ли этот человек причинил ей вред. Я просто боюсь... Боюсь, что стресс, возникший в результате этого чертова преследования, толкнул ее на какую-нибудь глупость... – Росс склоняется ко мне. – Я вовсе не имею в виду суицид. Да, Эл переживала глубокий кризис, характер у нее был несносный, однако к суициду она совершенно не склонна! Я же говорил тебе... – Росс спохватывается, смотрит по сторонам и понижает голос: – Эл здорово изменилась. Она стала другой – отстраненной, рассеянной... – Он вздыхает. – Поэтому я действительно думаю, что она вышла в море на своей чертовой лодке и потерпела крушение.

Под глазами у Росса темные круги, лицо тревожно нахмурено.

– Ты и правда считаешь, что она погибла?

Он даже не мигает.

– Да. Я уверен, что Эл мертва.

– Как вам закуски? – спрашивает Мишель. Улыбка замирает у него на губах, и мы отшатываемся друг от друга.

– Чудно, великолепно, – бормочем мы. Он перестает притворно улыбаться, берет тарелки и молча уходит.

Росс косится на меня с досадой.

– И куда же она, по-твоему, подевалась? Живет в отеле «Форт Трэвелодж» на Эм-шесть, смотрит «Игру престолов» и заказывает еду прямо в номер? Ты узнала это по телепатической связи между близнецами или как там еще эта магическая херня называется? Зачем устраивать весь этот цирк?

Первая ужасная мысль, которая мне приходит в голову: в отеле «Трэвелодж» нет обслуживания в номерах. Вторая – благодаря гневу Росс выглядит поживее, ему даже идет. Третья – то, что я давно хочу сказать, но не скажу.

– Господи боже! – восклицает Росс, качая головой. – Я знаю, мать обращалась с вами жестоко, но...

– Что?

– У нее было типичное бредовое расстройство. Паранойя, мания величия, навязчивые идеи. Она забивала ваши головы всяким дерьмом,

от которого крыша поедет у любого, не говоря уже о детях. Постоянно твердила вам, какие вы особенные, как не можете жить друг без друга, пока так оно и не стало. Неудивительно, что у вас с сестрой были такие нездоровые отношения!

«И были, и есть», – думаю я, вцепляясь в скатерть. *Эл мертва. Я – Мышка.* У нас и правда нездоровые отношения! Мне хочется рассмеяться ему в лицо, но я вспоминаю маму, причесывающую нам волосы длинными, суровыми взмахами щетки. «Вы растете слишком быстро». Словно это в нашей власти! Словно это обвинение не шло вразрез с ее апокалиптическими страхами... Она читала нам взрослые книги, ждала от нас мужества и готовности ко всему. Эти самые пальцы до сих пор толкают меня в спину, давят на лопатки. «Прекрати бояться!»

Росс вздыхает.

– Черт! Прости! Прости! – Он тянется через стол, сжимает мою руку и выпускает ее, лишь когда мимо проходит официант. – Мы можем поговорить о чем-нибудь нормальном – о чем угодно?! Хотя бы пять минут.

Мы едва съели половину ужина, и все же я доливаю себе остатки вина.

– Давай попробуем.

Глава 12

Почти четыре месяца спустя после случайной встречи с Россом возле Шотландской национальной галереи я проснулась в нашей крошечной комнатке в Роузмаунте, позавтракала и прокралась в душевую, чтобы переодеться в свой лучший наряд: зауженные джинсы, ботинки «Доктор Мартинс» и армейскую рубашку, завязанную на поясе. Доехала на автобусе до Королевского ботанического сада, где Росс уже ждал у больших ворот на Инверлейт-роу; он взял меня за руку, и мы пошли гулять по траве, потом сидели и молча улыбались друг другу.

Росс растянулся на лужайке, прикрыл глаза, и я воспользовалась возможностью хорошенько его разглядеть. Футболка обтягивала налившиеся мускулы, руки и ноги – загорелые, как и у меня после нескольких недель, проведенных на солнышке в парке Холируд и в Садах Принцесс-стрит, где мы наблюдали за уличными музыкантами и первыми туристами. Эл тоже с нами ходила – и сидела с угрюмым видом, отделяваясь односложными репликами. Но сегодня сестра заболела. Я оставила ее кашлять в постели и наплела, что иду на собеседование в бар, где набирают персонал. В груди была противная тяжесть, на которую я старалась не обращать внимания, словно это лишь фантомная инфекция, результат сопереживания близкому человеку.

Росс зажег сигарету и выдохнул спираль дыма. Он так изменился, так вырос... Признался, что курит «травку», иногда балуется таблетками, ходит на клубные тусовки и ловит кайф. Мне это казалось ужасно увлекательным, и если б Росс предложил и мне заняться тем же самым, я согласилась бы, не раздумывая.

Он расхохотался, и я поймала себя на том, что смотрю в его промежность. Краска бросилась мне в лицо.

«Да ладно тебе, – успокоил Росс, приподнявшись на локтях. – Мне нравится, когда ты меня разглядываешь».

Мне тоже нравилось чувствовать на себе его взгляд. Даже в детстве он умел смотреть так, словно ты – важнее всех на свете, а когда отводил глаза, то ты ощущал себя полным ничтожеством.

«Чувствую себя виноватой», – призналась я и тут же прикусила язык.

«Почему?»

Впрочем, Росс и сам знал ответ. Я впервые солгала Эл. Мы с Россом переписывались тайком уже несколько месяцев. Иногда я не могла уснуть из-за мыслей о нем и совершенно не хотела делить его с сестрой. И была рада – да что там, просто в экстазе! – что сестра заболела и мне удалось побыть с ним вдвоем.

«Эл с тобой не разговаривает, – с досадой сказал Росс. – Да и вообще ни с кем не общается».

«Что поделаешь, – вздохнула я, пытаюсь не замечать, как его рука придвигается все ближе к моей. – Эл застряла в прошлом. Только и говорит, что о Зеркальной стране, о маме и дедушке. Я не такая, я хочу жить прямо сейчас!»

Росс смотрел на меня во все глаза, словно я вот-вот поведаю ему все тайны вселенной. Внезапно я смутилась и перевела взгляд на выгоревшую траву.

«Кэт».

«Наверное, я стерва».

«Кэт!»

Росс наклонился ко мне так близко, что я почувствовала запах его дезодоранта, его кожи, и взял мое лицо в ладони.

«Ты вовсе не стерва».

И я поняла, что должно случиться. Еще до того, как он придвинулся ближе, глядя на мои губы, и нежно убрал волосы от лица. Еще до того, как он издал гортанный звук, от которого я вспыхнула до корней волос, и сердце забилося в груди как сумасшедшее.

Я продолжала твердить себе, что Эл он больше не нужен. Ей не нужен никто и ничто! На самом деле, конечно, я знала, что ей не нужна только я.

Наконец его губы и язык встретились с моими, и я перестала думать про Эл. Таким был мой первый поцелуй.

Такси въезжает на Уэстерик-роуд, и я поворачиваюсь к Россу. Он смотрит на меня, и я начинаю подозревать: телепатическая связь бывает не только между близнецами. Наверняка он думает о том же, что и я.

Но едва мы закрываем за собой красную дверь, атмосфера резко меняется. Мы проходим в гостиную и мнемся на пороге. Росс даже

пальто не снимает. Все как всегда – сидим в темноте в компании призраков и тягостно молчим.

– Выпить хочешь? – хмуро спрашивает Росс, и я с готовностью киваю. Похоже, вечер не спасти.

Он смешивает две водки с тоником, стоя у бара «Пуаро». Меня бесит его неторопливость, и я отхожу к окну. Свет в доме Мари не горит, улица пуста. Интересно, наблюдает ли за нами кто-нибудь прямо сейчас? Отступаю и задерживаю тяжелые шторы.

Росс вручает мне напиток, садится на корточки перед камином и подкладывает поленья, пока огонь не разгорается. В комнате становится по-рождественски тепло и уютно. Росс встает и приветливо улыбается.

– Расскажи, как ты живешь, Кэт.

– Что?

– Я даже не спросил об этом с тех пор, как ты вернулась. А ведь должен был! Ну, – он садится в кресло, – давай выкладывай. Как тебе в Лос-Анджелесе? Ты счастлива?

В мигающем свете камина Росс выглядит сногсшибательно. Его не портят ни щетина, ни темные круги под глазами. Я вспоминаю, как сердито он назвал себя безутешным вдовцом. Интересно, знает ли он, что стал звездой «Ютьюба»?

– Лос-Анджелес мне вполне подходит, – отвечаю я, лишь бы не молчать. – Там не парятся по мелочам. По правде сказать, люди там вообще не парятся.

Отпиваю большой глоток, чтобы не проговориться. Порой я бываю так несчастна, что не могу дышать. У Эл есть яхта, дом, призвание – даже талант. Друзья, муж. У меня – ненавистная работа, дурацкие статьи про латте со шпинатом, неверных супругов и чертов ментальный вайфай. Я встречаюсь с мужчинами, на которых мне наплевать, а им – на меня. Слишком много вечеринок, слишком много алкоголя. Часами просиживаю на балконе в съемном кондоминиуме, глядя на безбрежный синий океан и бескрайнее небо, и знаю, что здесь мне не место. Я не живу – я жду, когда случится хоть что-нибудь. Хуже всего, что я начинаю подозревать: сейчас происходит именно то, чего я так долго ждала.

Отставляю стакан.

– Извини, мне нужно в туалет.

В ванной я включаю холодную воду, брызгаю на лицо. Смотрю в зеркало и, как ни странно, выгляжу поразительно живой. Вылитая Эл...

«Что ты делаешь? Какого черта ты творишь?»

Я пьяна, причем настолько, что вокруг все расплывается, но я прекрасно осознаю, что делаю. Точнее, что собираюсь сделать.

Мы несколько месяцев продолжали встречаться у Эл за спиной. При этом оба делали вид, что ей плевать. Наверное, нам просто хотелось наказать ее за то, что она нас отвергла. Теперь-то я понимаю: сестра была нездорова – в депрессии или что похуже, – однако этого все равно недостаточно, чтобы притупить боль и обиду. Мои предлоги становились все менее убедительными, отлучки – более частыми. Ее чувства меня ничуть не заботили. Я хотела удержать все то, в чем она больше не нуждалась.

– Ты там что, провалилась? – окликает Росс, стоя у подножия лестницы.

– Скоро приду! – кричу я в ответ.

Оглядываю платье, думаю про внезапную ревность к Шоне. Широкая насмешливая улыбка: «Эл не умерла. Так что даже не надейтесь!» Я начинаю вытаскивать из волос шпильки, трясую головой. Мне не нужно становиться Эл, чтобы перестать быть собой.

– Ты в порядке? – спрашивает Росс, когда я возвращаюсь в гостиную.

– Конечно. – Мне трудно смотреть ему в глаза, невыносимо видеть его нахмуренное лицо в трепетном свете камина. До чего же это нелепо после стольких лет!

Он встает.

– Уверена? У тебя...

– Ты скучаешь по Зеркальной стране, Росс?

Вопрос не вызывает у него ни удивления, ни злости. Он расплывается в улыбке.

– Я провел там лучшие дни своей жизни. И очень жалел, когда все кончилось.

– Ты спускался туда после покупки дома?

Он кивает.

– Грустное зрелище. Похоже, Макдональды нашли дверь в кладовке и расчистили проход до палисадника, а прачечную совсем

забросили. – Росс умолкает. – Я заклеил вход бумагой, потому что Эл было слишком тяжело туда спускаться.

Меняю тактику, чтобы разглядеть залегшую между его бровями складку и не проболтаться, что бумагу с двери я сорвала.

– Помнишь наши набеги на Испанский доминион?

– Да, знатно мы помародерствовали. – Росс улыбается знакомой до боли улыбкой. – Виноват, признаюсь... Я был тем еще клептоманом.

– Твои трофейные сокровища!

– Кэт, даже не напоминай! Я был таким балбесом... Знаешь, уже после вашего исчезновения мама вдруг обнаружила в моем шкафу целую кучу хлама из трофейного сундука с сокровищами, включая полный набор столового серебра Викторианской эпохи. Ни слова мне не сказала, молча отдала на благотворительность.

Я подхожу к нему, и он перестает улыбаться. Глаза Росса расширяются, я делаю глубокий вдох, чтобы набраться храбрости.

– Я так скучаю по нам, – шепчу я.

– Кэт...

Кладу ладони ему на грудь, сокращая последнее расстояние между нами.

– Больше всего я скучаю по нам в Зеркальной стране.

– Что ты делаешь?

– Хватит разговоров! – и я недрогнувшей рукой провожу пальцами по его шее и по лицу.

Росс замирает, берет меня за руку, отводит ее в сторону.

– Нет! Мы не должны...

Нас окружает темнота; я чувствую, как она смыкается. Трещит огонь в камине, громко тикают дедушкины часы в коридоре. Дом стонет, дышит и хохочет.

Я крепко прижимаюсь к Россу, и мои глаза говорят без слов: она не мертва, она просто тебя бросила, как и меня в свое время. Целую его в щеку, в подбородок, в губы, провожу языком по соленой коже горла. Я хочу, чтобы он дрогнул. Хочу, чтобы он умолял. Мне всегда хотелось заставить его умолять.

Вместо этого Росс снова отталкивает меня и закрывает глаза.

Вспоминаю его полный ужаса взгляд и как быстро он отшатнулся от меня в этой самой комнате три ночи назад. Слышу лязганье замка и тяжелую поступь – что-то приближается. Оно уже близко! И тогда меня

охватывает дрожь. Я трогаю лицо Росса, провожу руками по его груди, глажу ключицы, запускаю пальцы в волосы.

– Кэт, прекрати! – восклицает Росс, а сам уже обнимает меня, притягивает к себе. – Прошу!

Я опускаю руку все ниже и ниже. Чувствую быстрое горячее дыхание, легкое касание зубов по шее. Смыкаю пальцы в его паху.

– О боже! Прошу, Кэт, перестань!

Я снова его целую, и он сдается. Ощущения настолько острые, что даже больно. Мы вцепляемся друг в друга точно сумасшедшие, как происходило и много лет назад. Знакомая спешка, знакомое безумие. Росс издает громкий гортанный возглас, и я думаю: «Да! Да!»

Полагаю, мы снова наказываем Эл единственным известным нам способом. Боже, до чего приятно! Росс целует меня так, словно ему не нужно дышать, я целую его в ответ. Шум, который мы производим, лихорадочная смятенная возня – мы царапаемся, щиплем, тискаем, кусаем друг друга – воспринимается так, словно это хорошо и правильно, словно до нас в целом свете этим вообще никто не занимался. Я и девственности лишилась примерно таким же образом – слишком быстро, слишком отчаянно, слишком жадно, подгоняемая остро-сладкой болью, вынуждавшей меня и брать все, и отдавать всю себя без остатка, прижавшись к комоду в спальне Росса. Впрочем, насытиться я не могла никогда.

Росс опускает меня на комодик с львиными лапами, и полированное дерево холодит кожу. Мы путаемся в одежде, никак не в силах раздеть друг друга. Он притягивает меня к себе, прижимается всем телом, прикусывает между левым плечом и шеей, и я, вскрикнув, вцепляюсь в него еще крепче. Я хочу его каждой клеточкой тела, во мне нет ни тени сомнения, ни грана вины. Вспоминаю фразу Эл: «Иногда я мечтаю о том, чтобы она исчезла», – и понимаю, что не просто рада ее исчезновению; я прямо-таки уверена, что уйти из нашей жизни должна была она, а не я.

Наконец мы оба сбрасываем одежду, Росс входит в меня, мы одновременно вскрикиваем, и я напрочь забываю про Эл.

* * *

Зеркальная страна всегда казалась нам настоящей — мы чувствовали дуновение ветра, влажность дождя и дивный трепет, запах моря и дыма, пота и крови. Порой она становилась даже слишком настоящей, а наши игры — слишком жестокими.

Однажды длинным жарким субботним днем, когда «Сатисфакция» покинула гавань, мы с Эл придумали игру, пытаясь скоротать время. Росса выкинули за борт в открытое море и бросили туда же пригоршню острых кнопок. У него было десять минут, чтобы отыскать их все до единой до того, как мы снимемся с якоря и отплывем. Конечно, ему игра не понравилась, но все правила в Зеркальной стране, которые устанавливала Эл или я, следовало соблюдать неукоснительно. И вот он стоит посреди Карибского моря, милях в трехстах от побережья Гаити, сгорбив плечи, и мы швыряем ему вслед кнопки.

Наверное, Росс знал, что не справится и задание изначально невыполнимо. И все же пытался. Опустился на четвереньки и принялся обыскивать каждый уголок моря, беря кнопки одной рукой и складывая в ладонь другой, пока не осталась одна минута на все про все. И тут он запаниковал!

«Я не успеваю! Я не смогу собрать все!»

«Их пятьдесят, — спокойно заметила Эл. — Сколько ты уже нашел?»

«Мы остановим время, пока ты считаешь», — великодушно предложила я.

Кнопок было тридцать две.

«Тебе лучше поторопиться», — сказала Эл.

Когда время вышло и мы приготовились отплыть без него, Росс заплакал.

«Нет, прошу, не надо!»

Хотя я никогда не видела Росса плачущим, его жалкий вид не вызвал у меня ни малейшего раскаяния. Я вспомнила, как пряталась в коробке и всхлипывала под клетчатым пледом.

«Ты можешь догнать нас позже, балда», — заявила Эл, словно это само собой разумелось.

«Нет! Только не бросайте меня!»

Эта картина — одно из самых ярких воспоминаний о Зеркальной стране. Эл и я уплываем от всхлипывающего, безутешного Росса, стоящего на четвереньках посреди Карибского моря с окровавленными

ладонями, полными канцелярских кнопок. Он кричит нам вслед, а мы делаем вид, что не слышим. «Как же я узнаю, где вы?»

На будильнике одиннадцать тридцать пять. Я потягиваюсь и ощущаю приятную истоми. Росс все еще спит в кровати рядом со мной. Я слышу мерное дыхание, чувствую спиной тепло его тела. Убедившись, что он не проснулся, поворачиваюсь и разглядываю его. Он лежит на животе, раскинув ноги. Никогда не спала с ним в одной постели, и это кажется мне грехом куда более тяжким, чем секс. По крайней мере, мы лежим в кафе «Клоун», а не в супружеской спальне. Смотрю на густые волосы Росса, торчащие во все стороны, на широкие плечи и спину, на узкие бедра. Мне хочется к нему прикоснуться, мне все еще мало... Ругаю себя последними словами, и все без толку. Я чувствую вину, причем изрядную, однако по зрелом размышлении она не становится ни больше, ни острее: Эл его бросила. Росс ей больше не нужен!

– Привет! – голос звучит тихо и сонно.

Я отдергиваю руку и замираю, задержав дыхание. Росс не оборачивается и нащупывает мою кисть. Мучительно гадаю, не спутал ли он меня с Эл...

– Я знаю, что это ты, Кэт.

Резко сажусь, взгляд невольно падает на фотографию на прикроватном столике. На ней широко улыбаются юные Эл с Россом.

– Жалеешь о том, что мы сделали? – спрашиваю я, ненавидя себя за дрожь в голосе.

Росс вздыхает, садится и смотрит на меня.

– Нет.

Он тоже глядит на снимок. Судя по всему, Росс испытывает изрядное сожаление.

– Не думай, будто я не люблю Эл, – говорит он.

– Я же ее сестра! – Вот и все, что приходит мне в голову. Похоже, гены оказались сильнее обета верности.

Внизу раздается звонок, и мы оба подпрыгиваем от неожиданности. Росс встает, надевает спортивные штаны. Босые ноги шлепают по ступенькам, по мозаичным плиткам. Я смотрю на шнурок звонка возле туалетного столика, вспоминаю колокольчики на доске, похожие на разномастные ножи в ящике кухонного шкафчика.

Перевожу взгляд на фотографию. Я все еще слышу голос Эл в темноте, после долгих часов злобного молчания. Хриплый, вредный и полный того самого сверкающего страха, что был в ее глазах в тот день, когда она вручила мне черную метку. «Как ты могла? Ты ведь моя чертова сестра!»

* * *

В две тысячи пятом мы с Эл снимали комнатку в районе Горги. Жуткие трущобы, конечно, но мы были рады ей, как потерпевшие кораблекрушение моряки – суше. Общежитие принадлежало Роузмаунту, и мы могли оставаться там ровно год, пока не подыщем подходящее жилье и средства на оплату. Обе мы учились в колледже, получали социальную стипендию и хватались за любую, самую грязную работу. Мы почти не разговаривали друг с другом и к девятнадцати годам были ничуть не ближе, чем к восемнадцати. И я все еще продолжала лгать сестре.

На майские праздники интернат устраивал ежегодное мероприятие для выпускников: барбекю на прилегающей к нему обширной территории. Эл швырнула приглашение в мусорное ведро, я же вытащила его и условилась о встрече с Россом возле пожарного выхода. Наверное, тогда мы считали себя весьма осторожными и умными, но сейчас я в этом сильно сомневаюсь. Как правило, мы встречались в доме его матери – к тому времени они уже переехали из Уэстерика в Фаунтейнбридж – и по-быстрому занимались сексом в его комнате на узкой односпальной кровати, прислушиваясь к доносящимся снизу голосам. Возможность порезвиться в пустом Роузмаунте представлялась нам слишком удобной, чтобы ее упускать.

Длинные коридоры с высокими потолками опустели. Росс вел меня за руку, я громким шепотом указывала направление. Ключи от комнат висели на пронумерованных гвоздиках в вестибюле, и я знала, что новых обитателей нашей бывшей комнаты в корпусе нет – они наверняка накуриваются в кустах перед корпусом. Пожалуй, была у меня и другая причина привести Росса именно туда: мне хотелось, чтобы он очутился в моей, а не в ее кровати.

Мы уже миновали стадию объятий и поцелуев и перешли к потной и шумной возне, без всякого стеснения и без каких-либо ограничений, – и тут на пороге появилась она. Я увидела сестру за плечом у извивающегося на мне Росса как раз в тот момент, когда тот шумно кончил и простонал мое имя.

Я застыла, как копия статуи Эл, и меня охватил непередаваемый, всепоглощающий стыд, который был сильнее всех моих чувств к Россу.

Росс спохватился довольно быстро. Он вышел из меня, откатился в сторону, прикрыв нас обоих одеялом. В его глазах я увидела свое отражение, потом он смежил веки и медленно обернулся.

«Эл, – проговорил он, – Эл!»

Она смотрела на нас во все глаза, и в ее лице не было ни кровинки. Во взгляде застыл неприкрытый ужас. Мои губы беззвучно прошептали ее имя...

– Никого там нет, – говорит Росс, вернувшись. Он с неловким видом стоит у постели, и я не знаю, что сказать. Наконец он смотрит на меня и грустно улыбается, садится на край кровати и опускает голову. – Лучше б мы сюда никогда не возвращались... Ненавижу этот чертов дом!

Я молчу. Может, если б они не вернулись, меня здесь тоже не было бы.

– У Эл был роман, – сообщает Росс полоскам на стенах. – То есть я думаю, что она нашла кого-то на стороне.

– Почему? – Виски начинают синхронно пульсировать от боли.

– Я солгал, что у нас все хорошо. Мы не ладили, почти не разговаривали друг с другом, причем довольно давно. – Росс пожимает плечами. – Она завела второй телефон.

Ничего не могу с собой поделать! Невольно вспоминаю два слова в теме письма и кроваво-красные буквы на стене прачечной. ОН ЗНАЕТ. Массирую ноющие виски.

– Ты знал, с кем?

Росс пожимает плечами.

– Может быть, да, а может, и нет. Несколько раз она упоминала какого-то художника. Я сразу догадался, понимаешь? Рэфик в курсе, но Эл никогда не называла его по имени. – Он качает головой. – Очень тревожный звоночек, правда?

Наконец Росс поворачивается ко мне; глаза у него не сердитые, а уставшие.

– Не сомневаюсь, он был и чутким, и внимательным, часами выслушивал обо всех ее проблемах... Хороший парень с большой буквы. Ну, ты знаешь этот чертов тип!

Еще бы.

Вместо того чтобы рассказать ему про Вика, я думаю о матери, которая украла Росса у его отца. Вспоминаю, как он всхлипывал, стоя на коленях посреди Карибского моря, и смотрел нам вслед. Вспоминаю звук, который он издал в тот вечер, когда я его поцеловала: низкий и горестный, словно вой ветра, запертого в тесном пространстве. «Я не знаю, что мне делать! Не знаю, как жить без нее!»

И я придвигаюсь к нему, обхватываю руками за торс, слышу биение сердца о грудную клетку. Лезу внутрь его спортивных штанов, слышу шумный выдох и чувствую, как напряглась плоть под моими пальцами.

Эл его бросила. Росс ей больше не нужен. Она забрала его у меня!

Проходит довольно много времени, прежде чем Росс снова начинает меня умолять, но мне так сильно хочется, чтобы он был рядом, чтобы балансировал на грани, чтобы все еще хотел меня, чтобы нуждался во мне, что я игнорирую его мольбы.

Когда все кончается, я прижимаюсь к груди Росса и закрываю глаза.

– Не стоит об этом жалеть, – шепчу я в такт его сердцу. – Я тебе не позволю!

Глава 13

Видя в новостях сюжеты о пропавших без вести, я удивлялась, как люди могут заниматься тем же, что и всегда, находясь в подвешенном состоянии. Теперь я их понимаю: придерживаться привычной рутины гораздо проще, чем сдаться и прервать повседневную суету. Они притворяются, что все в порядке, пока жизнь и в самом деле не налаживается.

Утро холодное, в больших витринах «Колкохун» отражается ослепительно яркое солнце. Входить внутрь не хочется, однако у нас закончилась еда, а Росс все еще лежит в моей постели и мирно спит. Прошло два дня и три ночи, и я уже почти забыла, как жила без него.

На пороге медлю, касаясь дверного стекла. Стоит выйти из дома, и я буквально физически ощущаю на себе чужой взгляд, с которым почти свыклась. Осмотрев пустую улицу от Линкса до Локенд-роуд, наконец вхожу в магазин.

Единственный кассир сегодня – Анна, и я падаю духом. Медленно выбираю продукты, набивая корзинку тем, что смогу унести. Подхожу к кассе и вижу, что выражение лица у Анны настороженное. Она прочищает горло и находит в себе силы встретиться со мной взглядом.

– Ну как вы?

– Прекрасно, – отвечаю я.

Она снова покашливает.

– Я хотела извиниться за то, что наговорила на прошлой неделе. Расстроилась из-за Эл, конечно, но вымещать все на вас не стоило...

– Спасибо, – киваю я, хотя и чувствую, что она не вполне искренна.

Анна вздыхает.

– Я злилась, потому вы оставили ее одну. Когда Эл так нуждалась, вас не было рядом! И теперь, когда ее нет... – кассирша яростно мотает головой. – Вы тут как тут!

До боли прикусываю язык. К чему оправдываться, к чему обвинять Эл? Анна молчит, пока я расплачиваюсь, и вдруг хватает меня за запястье.

– У Эл я тоже такие видела!

– Что?! – Пытаюсь вывернуться из ее цепкой хватки, но тщетно.

Анна кивает на мою вытянутую руку. Синякам уже пара дней, и они совсем не болят. На обоих запястьях и выше тянется целая цепочка пятнышек, и я вспыхиваю, вспомнив, как получила их: Росс прижимает меня к холодильнику, стиснув руки, горячее дыхание обжигает бедра, поднимаясь все выше и выше, и он страстно шепчет: «Не двигайся, только не двигайся!»

– Пустите, – хладнокровно велю я, поражаясь собственной стойкости.

Анна не слушается, лишь притягивает меня к себе. Лицо ее смягчается, становится почти умоляющим.

– Кэт, я ведь не шутила, когда сказала, что она вам не обрадовалась бы. Уезжайте поскорее!

Я выдергиваю руку.

– Не знаю, что Эл вам наговорила, – бросаю, потирая запястье, и отворачиваюсь. Лицо горит. Двое пенсионеров разглядывают нас так, словно мы – соперники в финале Уимблдона. – Не знаю и знать не хочу! Учтите, Анна, она всегда лжет. У меня все прекрасно, и у нее тоже!

Хватаю сумку и буквально вылетаю из магазина, стремясь поскорее глотнуть свежего воздуха, – и тут же врезаюсь в Мари. На ней красивый платок такого же ярко-синего цвета, как наш холодильник, и у меня бегут мурашки.

– Есть новости? – выпаливает она, едва переводя дыхание.

Похоже, Мари увидела меня из окна и прибежала выяснить, что и как. Я делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоиться.

– Нет, никаких. – Хотя это не совсем так. Вспоминаю последний визит Рэфик с Логаном, их неутешительный прогноз. Вспоминаю бурный секс с мужем своей пропавшей сестры.

– Пару дней назад я видела у вашего дома полицейскую машину. – Сегодня шрамы на ее лице проступают отчетливее. Скорее всего, это ожоги. Мари хмурится и делает шаг навстречу, вторгаясь в мое личное пространство. – Кэтриона, она же моя подруга!

Я не отступаю.

– Не вы ли сообщили полиции о подозрительном мужчине возле ее дома?

– Что?

– Инспектор сказала, что соседи видели подозрительного субъекта, болтавшегося поблизости в день исчезновения Эл. И я подумала, не вы ли сообщили им об этом?

– Нет, ничего я не видела, – отрицает Мари, но взгляд ее неуловимо меняется.

– Вы знали, что Эл получала открытки с угрозами?

– *Oui*. Она рассказывала о них.

– Эл не говорила, что знает или догадывается, от кого эти послания?

– К чему эти вопросы, Кэтриона? Неужели вы считаете, что ее гибель не случайна?

Я бросаю взгляд на Анну за витриной. Она обслуживает пенсионеров и делает вид, что даже не смотрит в нашу сторону.

– Да. – Чистая правда, учитывая, что я вообще не верю в то, будто это произошло случайно.

– Ваша сестра чего-то боялась, – наконец говорит Мари, перехватывает мой взгляд на Анну и снова смотрит на меня. – Сперва Эл скрытничала, но мы видели, как ей страшно.

Я невольно фыркаю, и лицо Мари суровеет.

– Мне всегда казалось странным, что *sœurs jumelles*^[6] совсем не общаются друг с другом. Эл сказала, что вы ее ненавидите.

– Я – ненавижу ее?! Какого черта вы себе позволяете? – Увы, слишком поздно. Даже если засунешь клоуна-попрыгунчика обратно в коробку, из которой он выскочил, все успеют увидеть, как он выглядит. Эл много чего натворила в жизни, поэтому глупо молчать и всякий раз брать ее вину на себя. – Это Эл ненавидела меня, причем до тех самых пор, пока я не уехала. Понимаете? Если что, здесь был и мой дом тоже! – Не знаю, имею ли я в виду Шотландию, город или дом, а может, и все сразу – Зеркальную страну, Росса и право быть сестрой, сестрой-близнецом. – Это она отняла у меня все и заставила уехать, так-то!

– Некоторые мои друзья приехали из стран, совсем не похожих на Шотландию, – замечает Мари, словно не слыша. – И у них нет ничего. Иногда, даже очень часто, люди боятся тех, у кого нет ничего. Ваша сестра была не из таких.

Мне хочется снова фыркнуть, однако я сдерживаюсь. В груди нарастает горячая тяжесть.

– В солнечные дни она водила моих друзей в парк или к морю и учила их рисовать, писать масляными красками. – Мари снова смотрит на меня и наверняка пытается сравнить с сестрой. Люди всегда так делают, словно каждой из нас досталась половина комплекта черт характера. – Она учила их быть свободными.

Не думаю, что стоит отвечать. Я очень зла! Меня оболгали, мне никто не верит. За много лет я совершенно позабыла, насколько это больно. С ужасом осознаю, что меня бьет крупная дрожь.

– Пожалуй, Эллис права. – Глаза Мари снова заполняет темнота. – Она говорила, что вы никогда и никого не слушаете. И ничему не учитесь!

Я буквально свирепею. Ярость внутри клокочет так, что мне становится больно.

– Росс сказал, что не знает вас! – заявляю я слишком громко и задиристо. – Вы называете себя ее лучшей подругой, а он о вас даже не слышал!

Мари меряет меня испепеляющим взглядом.

– Росс велел мне держаться от нее подальше. Он мне угрожал!

Не дождавшись ответа, она качает головой, отворачивается и решительно идет к своему дому. Вдруг останавливается и бросает через плечо:

– Не верите – спросите у него сами.

* * *

john.smith120594@gmail.com

13 апреля 2018 года в 11:31

Re: ОН ЗНАЕТ

Входящие

Кому: Мне

ПОДСКАЗКА 6. ЭЛ ТЕБЯ ВИДИТ

Отправлено с iPhone

* * *

Я долго металась по дому, переворачивая все фотографии Эл, потом вспомнила про ее автопортрет в Башне принцессы. Иду к выкрашенному белой краской буфету и открываю дверцу. Эл смотрит с портрета сурово, словно принцесса Иона, похищенная ведьмой и запертая в башне; с каждым годом чуточку старше, и надежды в глазах все меньше...

Страничку дневника обнаруживаю прилепленной скотчем к деревянному заднику.

24 июня 2005 года

Теперь он будет мой, если я захочу. НЕ ЕЕ. Так было, так будет. Понятно, почему он так поступил, но от этого не легче. Каждый раз, когда я думаю о них вдвоем, у меня на сердце словно мешок с камнями. Я злюсь, мне страшно, и я не могу сдерживать слез. Все равно что вспоминать Зеркальную страну, «Сатисфакцию», клоунов и знать, что их больше нет. Вернуться уже нельзя.

Зато это я МОГУ исправить. Я МОГУ вернуть все как было. Кэт меня возненавидит, но мне плевать. Ну и пусть!

Потому что Он НЕ ПОЛУЧИТ ее, и Она НЕ ПОЛУЧИТ его!

Услышав звонок, я подпрыгиваю и чуть не роняю страницу. Сую листок в карман, спускаюсь вниз. У двери никого нет. Войдя в кухню, я застываю на пороге, изумленно глядя на доску с колокольчиками. Один язычок покачивается – пятиконечная звездочка похожа на метроном, на часы гипнотизера. Спальня номер три. Я мигаю, и он замирает. Все колокольчики висят тихо и неподвижно.

Краем глаза замечаю какое-то движение, стремительно оборачиваюсь, сама не своя от страха и возбуждения. За окном мелькает удаляющийся силуэт. Выбегаю через буфетную, распахиваю заднюю дверь и обнаруживаю на ступеньках еще один конверт с надписью: «Кэтрионе». Выскочив на мощеный задний двор, спешно смотрю по сторонам и прислушиваюсь. Только ветер в яблонях и гул транспорта. Дверь в прачечную закрыта на цепь и замок. По высоким, увитым плющом стенам так просто не вскарабкаться, к тому же я примчалась сюда быстро.

С опаской поворачиваюсь ко второму проходу, ведущему в Зеркальную страну. Красная дверь распахнута. Выбегаю на лужайку

перед домом, но там никого – даже калитка заперта.

Размышляю, не пробежаться ли по улице, потом отказываюсь от этой идеи и возвращаюсь обратно. Смотрю на дом, большой, массивный и ослепительно яркий. Он отбрасывает огромную тень. Не хочу туда! Поднимаюсь по ступенькам, беру конверт и захлопываю заднюю дверь. Прохожу через сад, глядя на солнце и радуясь ветерку. Если Росс выглянет из окна кафе «Клоун», то увидит меня. Впрочем, если он еще не спустился на первый этаж, чтобы выяснить, почему я ношусь по дому как безумная, то, наверное, до сих пор спит. Мы оба только и делаем, что спим, скрываясь от реальности.

Старина Фред скрипит в знак приветствия. Обнимаю ствол обеими руками, закрываю глаза, чтобы не видеть слова «Копай» или наших имен, вырезанных в круге, и вспоминаю, сколько сидела или лежала на его нижней ветке, глядя в небо. Сколько раз он дарил мне утешение, как и преданная, робкая Мышка. Неважно, права ты или нет, сильна или слаба, – Старина Фред принимал тебя такой, какая ты есть, и дарил мощное, надежное сочувствие. Вспоминаю фразу из письма Эл «Я – Мышка», отшатываюсь от дерева и стою, запрокинув голову и растопырив руки, пока за прикрытыми веками не начинает расплываться краснота. В солнечные дни мы с Эл простаивали так чуть ли не часами, со смехом передразнивая мамины пронзительные крики: «Не смотрите! Не смотрите, а то ослепнете!»

Увы, смотреть придется. Разрываю конверт, достаю открытку. Пейзаж акварельными красками – шумная гавань в солнечный, безоблачный день. Я содрогаюсь. У меня нет ни малейшего желания знать, что там внутри!

«ОН И ТЕБЯ УБЬЕТ».

Закрываю глаза. Вспоминаю «Он НЕ ПОЛУЧИТ ее, и Она НЕ ПОЛУЧИТ его!» из сегодняшней странички дневника сестры. Написано за неделю до нашего девятнадцатилетия. За неделю до той обшарпанной, унылой комнаты с морскими пейзажами в пластиковых рамках. За неделю до того, как Эл совершила задуманное, «чтобы вернуть все, как было».

Росс позвонил мне прямо на работу. Я вышла на вторую смену в захудалый вест-эндский паб под названием «Белая звезда» и больше туда не вернулась. К тому моменту, как я доехала до больницы, самое страшное было уже позади. Эл промыли желудок от парацетамола,

накачали успокоительными, поставили капельницу с физраствором. Росс стоял возле ее постели, держа за руку. Волосы всклокоченные, весь дрожит, хотя оба мы знали, что Эл поправится. Он отказывался ее покидать и сидеть на облезлом диване в приемном покое, как послушно сделала я. «У юноши случилась форменная истерика, – шепотом поведала мне медсестра, когда наступила ночь и все посетители ушли. Она сжала мою руку, потом ударила себя в грудь. – Как прекрасно быть молодым и влюбленным!»

Дождавшись, когда Росс уйдет перекусить в столовую, Эл открыла глаза, встретилась со мной взглядом и расплылась в той самой улыбке – полной любви и ненависти. «Я победила!»

* * *

За день до выписки Росс назначил мне встречу в Королевских ботанических садах. Шел дождь, и мы укрылись под раскидистой ивой недалеко от кованых ворот. Он держал меня за руку, я плакала и умоляла его остаться со мной. Росс взял мое лицо в ладони, утирая слезы большими пальцами, и глаза у него были черны от горя. «Кэт, она оставила записку, где написала, что мы разбили ей сердце. Эл не сможет без меня жить!»

«Почему ты должен быть с ней? – хотелось мне крикнуть. – Почему не со мной?»

Росс продолжал смотреть на меня грустными глазами и изнывать от вполне предсказуемого чувства вины. «Я люблю вас обеих», – признался он, и тогда я поняла, что Эл победила... Неважно, каким несчастным он выглядел или сколько плакал, главное – сестре удалось нас разлучить. Я его потеряла!

Эл наверняка за нами наблюдает и шлет открытки, чтобы избавиться от меня. Но зачем? Ведь до своего исчезновения она и так не видела меня много лет. Из-за этих открыток, подсказок и страниц дневника я ненавижу ее еще больше, а его – меньше. Прочитав «ПРОЧЬ», я первым делом подумала: нет!

Второй мыслью было: вернись и заставь меня! Мне не следовало сдаваться двенадцать лет назад. Напрасно я уехала и пыталась все забыть. Эл много лет жила моей жизнью. Она украла мою жизнь! Чем

же все эти годы была я? Отражением в зеркале, тенью под ногами – темной, плоской, неверной. Неуместной.

Ветер набирает силу, толкает меня обратно к дому, и вдруг я слышу, как хлопает дверь сарая. Она прилегает к раме неплотно и с каждым порывом издает глухой звук. Я распахиваю ее, заглядываю внутрь и жду, пока глаза привыкнут к темноте. Оглядываю пыльные пустые ящики, старые газеты и мешки с компостом. Среди хлама виднеется что-то ярко-синее.

Без особой охоты пробираюсь сквозь груды мусора. Синий предмет запихали возле задней стены, сложив в неопрятный куб. Нагибаюсь, трогаю его и обнаруживаю, что он сделан из такого же материала, как и надувной матрас в нашей с Эл съемной комнате. В сознании ворочается неприятное заключение, к которому мое подсознание успело прийти гораздо раньше. Лучше бы оставить все как есть и не вникать.

Вместо этого я рывком вытягиваю предмет на белый свет, едва не теряя равновесие, разворачиваю и пытаюсь понять, что же это такое. Предмет большой, во весь мой рост, в центре – овальное отверстие, внутри – весло из углепластика, разобранное на четыре части. На самой длинной есть надпись «Гумотекс». И тогда я понимаю, что нашла надувной каяк Эл...

Глава 14

Мне снится кошмар. Мы с Эл бежим изо всех сил – до боли в ногах, сами не свои от страха. Он давит на плечи, выбивает из нас дух.

Следом с тяжелым топотом гонится Зубная Фея, и мы сворачиваем в кафе «Клоун». Печальный Дикки Грок здорово напуган и ведет нас к шкафу, стиснув губы. Даже Пого встревожен, хотя на лице у него застыла широкая ярко-красная улыбка.

Мы садимся на корточки и крепко, до боли вцепляемся друг в друга. Клоуны закрывают дверцу и поспешно ныряют под кровать. Тут же раздаются тяжелые неверные шаги, пахнет кровью.

Дверная ручка начинает дребезжать, поворачивается, и вдруг шкафчик исчезает, кафе «Клоун» тоже, и мы с Эл оказываемся на берегу. Прибой омывает ноги, на горизонте маячит черный силуэт пиратского корабля. Синяя Борода стоит над распростертым на песке дедушкой и в одной руке держит огромный изогнутый крюк, а в другой – длинную железную трубу. У дедушки нет половины головы. «Не волнуйся, девонька! – смеется он. – Мне совсем не больно!»

Синяя Борода ухмыляется черными, остро заточенными зубами. Лицо, грудь и костяшки пальцев у него залиты кровью. Ему нравится бить, нравится причинять боль. Волосы свисают ниже спины и болтаются между ног, в бороде – кости. Он подмигивает, опускает трубу снова и снова, разбивая остатки дедушкиного черепа, и кровь хлещет алыми дугами.

Мама хватается нас за руки, больно щипая кожу. Лицо в крови, глаза безумные. «Прячьтесь от Синей Бороды, потому что он – чудовище! Он вас поймает, женится, а затем развесит на крюках, и вы умрете!» Мама трясет нас и указывает на черный корабль. Тот все ближе, летит к берегу на приливной волне. «Берегитесь и Черной Бороды тоже, потому что он хитрый лжец! Как ни бегите, он всегда будет у вас на хвосте, а потом поймает и бросит акулам!»

Мы бежим по глубокому песку, спотыкаясь и падая в приливных волнах, но корабль Черной Бороды совсем рядом! Мы слышим, как Черная Борода щелкает пальцами, чуем запах рома у него изо рта.

«Возьми меня! – кричит мама далеко позади нас. – Возьми меня вместо них!»

Увы, мы знаем, что он не согласится.

Солнце исчезает с громким и гулким звуком, нас затопляет темнота – густая, холодная, полная ужасов, – и мы тоже начинаем кричать.

Просыпаюсь в кафе «Клоун», зажав рот рукой. Рядом со мной все еще спит Росс.

* * *

john.smith120594@gmail.com

14 апреля 2018 года в 12:01

Re: ОН ЗНАЕТ

Входящие

Кому: Мне

ПОДСКАЗКА 7. КАЖДОЙ ПЛОХОЙ ВЕДЬМЕ НУЖЕН
ХОРОШИЙ ТРОН

Отправлено с iPhone

* * *

Я заглянула почти под каждый стул в Тронном зале, пока не вспомнила, что единственная комната, где бывала Ведьма, – это кухня. И всякий раз она норовила усесться на дедушкино место во главе стола.

Под низом прилеплены скотчем две странички.

4 августа 1993 = 7 плюс еще немного!

Ведьма приходила сиводня. СНОВА! Мы с Кэт ее ненавидим. Она гадкая она щипается и даже плюет на нас. Мы с Кэт всегда думаем как бы ЕЕ УБИТЬ – утопить в ванне патамучта ведьмы боятся воды или расдавить ее как ЗЛУЮ ВЕДЬМУ ВОСТОКА. Мышка говорит что ей страшно но ей всегда страшно она НИ НА ЧТО НЕ ГОДИТСЯ! Мы с Кэт не боимся старую уродскую ведьму!

29 марта 1997 = 10 л, 9 м, 29 д

Ведьма снова приходила. Она ненавидит нас и я не знаю почему. Не знаю зачем приходит если так нас ненавидит. Лучшие буду звать ее

ГРЫМЗА. Ведьмам нужно остерегаться говорит дедушка чтобы не порезаться о свои языки.

Так и вижу ее лицо: резкие серые черты, застывшие и напряженные, будто сзади кто-то изо всех сил тянет ее за ниточки. Глаза узкие, как у жуткой мадам Дефарж, и смотрят на меня так, словно я – самое отвратительное создание на свете. За этим образом и фразой «ах ты, гадкая паршивка!» стоит что-то еще, но я никак не могу вспомнить, никак не могу ухватить ускользающий обрывок воспоминания.

Мы с Эл всегда изливали свои страхи на Мышку. Так мы чувствовали себя лучше, храбрее. Мы усаживали ее на тротуар или на палубу «Сатисфакции» и перечисляли все способы, которыми могли бы разделаться с Ведьмой – утопить, напоить отравленным чаем, подкрасться к ней с боевой дубинкой индейцев сиу или с рупором клоуна Пого. «Все равно она никогда не сможет попасть в Зеркальную страну, – говорила Эл с неожиданной добротой. – Потому что ей здесь не место».

Внезапно на меня накатывает воспоминание о маме и Ведьме, стоящих на пороге буфетной. Враждебность и гнев буквально сгущаются в воздухе, и я прижимаюсь к кухонной двери, подглядывая через щелочку возле петель.

«Отдай! Он мой».

Ведьма склоняется к маме, и на шее ее блестит цепочка с золотым овальным медальоном.

«Был твой, стал мой!»

От звука ее голоса я съеживаюсь, а мама – нет. Женщина, которая переживала из-за любых невзгод, заставляла нас укладывать сухпайки в рюкзаки и прятать их под кроватью, мучила нас учебными тревогами и мрачными сказками, смело шагнула к высокой, крупной Ведьме так близко, что они едва не столкнулись носами. Мамина улыбка холоднее льда.

«Ты всегда заришься на то, что не твое».

Ведьма сжала медальон в кулаке и сунула руки в карманы длинного черного платья.

«Иногда я это получаю!»

Как болит голова! Я стою посреди кухни и гадаю, существовала ли Ведьма на самом деле или была плодом моего воображения. А как насчет того разговора? Чем больше воспоминаний (и плохих, и хороших) ко мне возвращается, тем тяжелее во всем разобраться. Наверное, детские воспоминания у всех одинаковы – частично правда, частично вымысел. Старый дом и мать со своими сказками превратили наше воображение в плавильный котел. Я начинаю понимать, что не вправе доверять ничему, вышедшему из этого горнила. Меня охватывает ярость. Я открываю все дверцы подряд, обшариваю все шкафчики и ящики. Вряд ли отыщутся новые странички, как в кафе «Клоун», но поиски придают мне уверенности в себе, помогают побороть тягостное оцепенение. Эл, как всегда, манипулирует мной в собственных целях, и я ничего не могу поделать – разве что еще раз попытаться сломать выстроенную ею последовательность.

В ящике под столешницей по-прежнему хранятся бумаги, и я перерываю десятки выписок по банковским счетам и платежей за коммунальные услуги, потом натыкаюсь на конверт, адресованный Россу. Пишет адвокат с Лейт-Уолк, штемпель – двухдневной давности. Внутри два документа, на первом значится: «Объявление гражданина умершим (Шотландия), закон 1977 года, информационное руководство», под ним – «Форма Джи-один». Росс указал домашний адрес, имена свое и жены, осталось лишь расписаться...

Вдруг замечаю, что Росс стоит в дверном проеме, стиснув зубы.

– Мне пришлось, Кэт. Полиция посоветовала связаться с адвокатом, и тот сообщил, что могут потребоваться месяцы, прежде чем дело дойдет до суда. И на всякий случай я...

– Полиция? – спрашиваю я, наконец вновь обретя дар речи. – Или Шона Мюррей?

– Бога ради! – взрывается он с явным облегчением. – Она же офицер полиции, это ее работа!

Мне хочется его ударить. Позыв настолько силен, что я едва сдерживаюсь и кричу в ответ:

– Эл вовсе не мертва!

Росс подходит так близко, что я чувствую кислый запах ярости; сквозь стиснутые зубы вырывается горячее дыхание.

— Тогда какого черта ты трахаешься с ее мужем?!

* * *

Мне все труднее убеждать себя, что Эл просто издевается, строит коварные планы, как довести меня до белого каления. Я понимаю, что не стоит заикливаться на последних горьких воспоминаниях из нашей с ней совместной жизни. Чувствую, что угодила в ловушку, стала заложницей прошлого, но напоминания о первой жизни в этих стенах окончательно сминают мои укрепления. Со мной что-то происходит, причем нехорошее, недоброе. Я стою у кухонного окна, трогаю кривые гвозди, забитые в раму, смотрю на стену прачечной и думаю о первых электронных письмах: «Он знает то, что ты не должна знать. Ты в опасности. Я могу тебе помочь».

Мари говорит, что Эл очень боялась. Вик признался, что Росс вселял в нее ужас.

Открытки посылает не Эл. Охота за сокровищами и электронные письма — ее рук дело, однако с открытками она не связана. Я всегда это знала. Понятия не имею, кого вчера видела в саду, только явно не Эл. А как насчет надувной лодки в сарае? Логан сказал, что Эл пользовалась каяком «Гумотекс», чтобы добираться на берег и обратно. Может, запасной? Или Эл бросила его здесь, когда покинула яхту? Или кто-то другой?

«У страха глаза велики, цыпа».

Беру телефон, нахожу номер Вика.

«Росс говорит, что у тебя с Эл был роман. Это правда? Росс узнал? Он вам угрожал?»

Ответа все нет, и тут возвращается Росс с бутылкой калифорнийского красного, букетом роз и самыми искренними извинениями. Мы медленно пьем вино, сидя на кухне, и смотрим в сад, слушая убаюкивающий шелест дождя по стеклу.

— Кэт, поговори со мной! — Росс глядит на меня с неподдельной тревогой.

— Вчера я снова встретила Мари. В магазине. — Я нервно сглатываю. — И она сказала... она сказала, что ты ей угрожал и велел держаться подальше от Эл.

Росс хмурится.

– Говорю же, я понятия не имею, о ком идет речь! – Он берется за телефон. – Следует сообщить о ней Рэфик. Судя по всему, у этой Мари не все дома! Наверное, она...

– Нет, Росс, погоди! – Я вспоминаю обожженную, изуродованную шрамами кожу женщины, слезы в глазах. – Давай не будем никуда звонить. Если она подойдет ко мне снова, я сама позвоню Рэфик, обещаю!

Он кладет телефон. Собравшись с духом, я поднимаю взгляд. Росс выглядит таким уставшим, таким несчастным, таким потерянным... У меня перехватывает горло, глаза щиплет от слез. Ему я верю, но могу ли я доверять себе? Насколько адекватно я воспринимаю происходящее? Ненавижу этот эмоциональный сумбур! Гораздо проще было целых двенадцать лет не чувствовать ровным счетом ничего!

– Нет так нет, – говорит он и гладит меня по лицу. – Прости, я сам не свой, только горе здесь ни при чем, Кэт. И ты для меня вовсе не суррогат Эл!

– Конечно, – я киваю, но в груди щемит.

Росс прочищает горло.

– Когда Эл пыталась... когда она оставила мне предсмертную записку... когда я... – он отворачивается.

«Когда ты сделал свой выбор, – думаю я. – Когда ты выбрал ее, а не меня».

– Кэт, я совершил самую большую ошибку в жизни! Я чувствовал себя таким виноватым, мне было так страшно! Ведь это я во всем виноват – и в том, что сделала с собой она, и в том, что случилось с тобой... Когда ты уехала в Америку, мне показалось, что так лучше для всех. Я любил тебя, люблю и сейчас! Разве мог я броситься следом за тобой, покинув ее? Представляешь, что сделала бы с собой Эл?

Закрываю глаза. Боль в его голосе такая явная, такая настоящая... Даже если Росс говорит то, что я хочу услышать и о чем мечтала много лет, мне не по себе. Поразительно, насколько быстро он заполнил заявление о признании Эл умершей, насколько быстро переключился с одной сестры на другую, как и много лет назад. Неважно, был у Эл роман с Виком или нет. Неважно, что семейные отношения Эл и Росса давно разладились. В любом случае я чувствую себя последним предателем.

Телефон издает звуковой сигнал, и я поспешно смотрю на экран. Написал Вик: «“Нет”», на все три вопроса. Как ты? Хочешь, встретимся?»

Я не злюсь на Росса. Я не ревную к Шоне и не думаю, что между ней и Россом что-то наклеивается. Я подозреваю всех и вся лишь потому, что это приглушает чувство вины.

Убираю телефон в карман, и Росс берет меня за руки.

– Как насчет тебя, моя блондиночка? Ты меня любишь?

Я смотрю на его лицо и не могу оторваться – такое красивое, такое родное... Сколько лет я по нему скучала! Услышав старое прозвище, я не в силах солгать – сердце в груди предательски колотится, как у подростка.

– Ты ведь знаешь, что да. Я любила тебя всегда.

Росс встает, притягивает меня к себе, покрывает нежными поцелуями макушку, виски, губы. Мы стоим долго, и я слушаю, как шумит дождь, как бьется сердце Росса, как он дышит. Я изо всех сил стараюсь ни о чем не думать.

Увы, это не может длиться вечно.

– Я должна тебе кое-что рассказать.

Росс отстраняется и смотрит на меня сверху вниз.

– Ой-ёй! – притворно ужасается он, но я молчу, и выражение его лица меняется. – Давай-ка я принесу выпить чего-нибудь покрепче.

Росс исчезает в коридоре, и я сажусь, слушая звяканье стаканов.

– Вот, – говорит он, возвращаясь. – Водка с содовой.

Делаю глоток, морщусь и пытаюсь улыбнуться. Росс садится, вопросительно поднимает брови.

– Итак?..

– Я получаю письма по электронке.

– Что?! – комично удивляется Росс. Похоже, ожидал услышать совсем другое.

– Это началось через два дня после моего приезда. – Опускаю взгляд. – В письмах – подсказки, ведущие к страничкам из старых дневников Эл. Ну, ты же знаешь, она всегда записывала...

Росс вскакивает, стул противно чиркает по плиткам пола, и я вздрагиваю.

– Дневники Эл? Какого черта? – Росс начинает метаться по кухне, дергая себя за волосы. – О чем там?

– По большей части о нашей жизни, о Зеркальной стране...

– От кого письма? – Голос пронзительный, глаза гневно сверкают. – Кэт, бога ради, Эл пропала без вести, перед исчезновением ей угрожали, а теперь кто-то раздобыл ее дневники и... – Он останавливается, смотрит на меня. – И ты даже не удосужилась никому сообщить! Да что с тобой такое, Кэт?

– Росс, прекрати. Я собираюсь рассказать полиции, поэтому и завела разговор, понимаешь? Дневники тут, они спрятаны по всему дому. Такая вот охота за сокровищами, а в письмах – подсказки. Говорю тебе, Росс, они от Эл! – Я тоже вскакиваю, сама не своя от волнения. Мне нужно, чтобы Росс поверил! – Когда я пообещала пойти в полицию, она заявила, что она – Мышка. Словно для нее это просто шутка! Поэтому мы расскажем полиции, дадим Рэфик электронные письма Эл...

– Мышка? – Руки Росса безвольно опускаются, лицо сереет. – Мышка?

– Да, ты наверняка ее помнишь. Ты, я, Эл, Мышка, Энни и Белла в Бумтауне, на «Сатисфакции»...

– Я помню Мышку, будь она неладна! – бросает Росс так сердито, что по спине у меня пробегает холодок.

– Росс...

– Заявилась к нам с полгода назад. Никогда не прощу себе, что пустил ее в дом. Она была совершенно неадекватна, прямо-таки помешалась на Эл. Начала нас преследовать...

– погоди, погоди! – У меня перехватывает дыхание. – Неужели ты хочешь сказать, что Мышка – настоящая? Что она – живой человек? Разве она не...

Лицо Росса меняется. Он смотрит на меня с мрачной неприязнью, а может, это просто смущение. И я догадываюсь, что сейчас услышу.

– Конечно же, она настоящая, Кэт.

Глава 15

Не знаю, что и сказать. Не знаю, что и думать... Сижу и недоуменно качаю головой.

– Мышка жила в Зеркальной стране, как Энни, как Белла, как вождь Красное Облако и старина Джо Джонсон... Ну же, Росс! Ты сам знаешь! – Однако моя уверенность стремительно улетучивается, и ее место заполняет паника. Если я не права насчет Мышки, то вполне могла заблуждаться и насчет Эл. – Бога ради, у нее даже имени не было, только кличка!

Росс молча выходит из комнаты, громко топает ботинками по лестнице. Дождь припустил сильнее, в кухне стало совсем темно. Телефон вибрирует – звонит Вик. Я не беру трубку и смотрю на пол возле плиты, на потрескавшийся цемент между двумя плитками. Тянусь за водкой с тоником и выпиваю залпом.

Возвращается мрачный Росс и швыряет что-то на стол. Я подпрыгиваю от неожиданности.

Фотоальбом, до странности знакомый, открытый на странице с одной-единственной фотографией. Мы с Эл стоим у кухонного стола и делаем лимонный кекс. Нам лет восемь-девять, обе в одинаковых передничках и перепачканы мукой. Но смотрю я вовсе не на нас, потому что на стуле, в самом краю снимка, сидит бледная девочка с огромными глазами – Мышка.

Я ахаю, невольно прикрываю рот рукой и тщетно пытаюсь вдохнуть.

– О боже! – Я обливаюсь холодным потом, щеки пылают, по телу бегут мурашки. – Боже мой!

Росс садится.

– Ты и правда думала, что она – вымысел?

Продолжаю листать альбом, страшась того, что увижу дальше. Словно теперь это имеет значение, словно одного доказательства мне недостаточно. Фотографий мало, на каждой странице по одной, редко по две. Некоторые черно-белые и такие старые, что люди на снимках выглядят как силуэты. Призраки! Замираю, увидев невероятно юного и красивого дедушку в темном костюме с бабочкой. Он сидит рядом с

неулыбчивой блондинкой. У нее мамины глаза. Наверное, это моя бабушка.

На следующей странице цветной снимок, сделанный в саду возле нашего дома. Мама в переднике смущенно улыбается, рядом с ней стоит другая девушка, повыше, с ног до головы одетая в черное...

– Ведьма, – говорит Росс и сжимает губы.

– Ведьма! – мой голос дрожит. – Кто же она такая?

Росс смотрит на меня с тревогой.

– Твоя тетя, мать Мышки. Неужели ты ничего не помнишь?

Я отрицательно мотаю головой.

– Не было у нас никаких родственников! Я бы запомнила... Я бы знала...

Росс долго молчит, потом осторожно замечает:

– Ты и Мышку не помнила.

– Ничего подобного! – упрямо восклицаю я, сама понимая, насколько нелепы мои оправдания. – Может, подруга семьи?

Росс пожимает плечами.

– Они бывали у нас довольно часто, и тогда нам с Эл приходилось вести себя очень тихо. Мы боялись ее до жути!

Сколько в ней было яда и ненависти... Оскаленные зубы, кровоточащие десны, в кулаке зажат золотой медальон...

Как же я могу помнить каждый уголок Зеркальной страны и при этом переиначить воспоминания о двух реальных людях до такой степени, что одна превратилась в чудовищную Зубную Фею, а другая – в хитрого, ухмыляющегося клоуна? И почему? Ведь если я не сумасшедшая, то намеренно решила помнить их такими. Я все перепутала. Да и сейчас, узнав, что они были настоящими, все равно не могу представить их как следует – они остаются расплывчатыми, неясными образами, как дым, развеянный яростным ветром.

«Я знаю то, что ты заставила себя забыть».

Закрываю альбом и поворачиваюсь к Россу.

– Ты говорил, что она, то есть Мышка, вернулась?

– Где-то в середине октября прошлого года. – Росс складывает руки на груди. – Динь-дон, Ведьма померла! – Он умолкает, пытаясь справиться с гневом. – Понятия не имею, как Мышка прознала, что мы живем здесь. Понятия не имею, зачем она ждала, пока Ведьма умрет, чтобы прийти. Видон у нее был тот еще, гораздо хуже, чем в детстве.

Она сказала, что хочет узнать Эл заново. Поначалу Эл ужасно обрадовалась, понимаешь? – Росс смотрит на меня. – Может, увидела в Мышке замену тебе, не знаю... В последние полгода я вообще перестал понимать, что творит Эл.

– И что случилось?

Он пожимает плечами.

– Как я и говорил, Мышка явно была не в себе. Приходила к нам в любое время дня и ночи. То безутешно рыдает, то светится от радости, как ребенок на Рождество. Меня она ненавидела – наверное, не хотела делить Эл ни с кем. – Росс вскакивает, начинает беспокойно расхаживать по комнате. – Представляешь, дождалась, как я уеду на работу, и заявила сюда с двумя билетами на чертову Ибицу!

– Росс...

Он делает над собой видимое усилие, глубоко вдыхает и выдыхает.

– Эл ее выставила, и Мышка стала следить за ней, точнее, за нами обоими.

– Ты считаешь, что открытки посылает она?

– Когда это началось, мы первым делом подумали о ней. Полиция все проверила, но доказательств не нашла. Зато Мышка оставила нас в покое и больше не возвращалась. Мы с Эл решили, что она переключилась на кого-то другого. – Взгляд у него становится холодный и жесткий, он сам на себя непохож. – В детстве она вечно пыталась разлучить нас троих, настроить друг против друга. Именно этим она и занимается сейчас. Вполне возможно, что Мышка раздобыла дневники Эл – наверное, украла, пока гостила здесь... – Он умолкает. – Ты и правда ее не помнишь?

Мышка, которую знала я, и мухи не обидела бы. Она была робкой и доброй, по большей части совершенно безропотной. Она, как губка, впитывала все наши страхи. Прислуга, пороховая мартышка, девочка для битья... Мышка, которую знала я, отказывалась драться с пиратами, не принимала ничью сторону, не хотела выбирать меру наказания...

Росс качает головой, сохраняя холодное, жесткое выражение лица, которого я никогда не видела у него прежде, и вдруг безвольно опускает плечи. Он смотрит на меня с жалостью, берет за руку и стискивает ее до боли.

– Эл не посылала тебе этих писем. Господи, Кэт, мне так жаль! Увы, ее больше нет...

С Кубы надвигается шторм. На горизонте клубятся черные тучи: у бухты Баньямо тропический ливень. Темнеет буквально на глазах; я поспешно спускаюсь из ласточкина гнезда и бегу по палубе. «Сатисфакция» кренится, ветер крепчает. По лицу хлещут первые струи дождя. Эл изо всех сил пытается удержать штурвал.

«Мы не успеем в Порт-Ройял!» – кричу я.

Отчаянный крик, всплеск, и матрос срывается с палубы в открытое море, смытый огромной волной.

«Ложимся в дрейф?» – кричит в ответ Эл, улыбаясь во весь рот.

Я тоже скалю зубы, глядя, как стремительно надвигается Баньямо. Ветер усиливается, дождь заливают глаза, мы с Энни и Беллой пытаемся затянуть грот. Сердце грохочет, мышцы визжат от напряжения. Раздается рев, и «Сатисфакция» начинает крениться набок.

«Мы не можем повернуть по ветру!» – вопит Эл, вцепившись в штурвал вдвоем с Мышкой.

И тогда Росс бежит по палубе к Эл, обхватывает ее одной рукой и тянется к штурвалу другой. Отпихивает Мышку в сторону, и та с криком отлетает в сторону.

Наконец корабль выравнивается и начинает дрейфовать по ветру, шторм слабеет. Я пробираюсь к носу под одобрительные возгласы пиратов и дружеские шлепки по спине. Мышка сжалась в комок за бочкой, короткие волосы прилипли к голове, уродливое платье из мешковины промокло насквозь.

Она поднимает взгляд. Бледное лицо залито то ли дождем, то ли слезами.

«Ненавижу его!»

Я не оборачиваюсь, чтобы посмотреть на Росса с Эл, лишь протягиваю руку и помогаю Мышке встать, потому что отчасти и сама его ненавижу. Точнее, их обоих. Мышка не отпускает мою руку. Она смотрит на меня и утирает нос рукавом.

«Вот бы я была как ты!»

И я верю, что неистовая зависть в ее глазах – мне в удовольствие, потому что Мышка существует лишь для того, чтобы мне жилось не так тягостно и не так одиноко. Я хочу быть хоть кому-нибудь нужной. Ведь она – моя подруга, мое создание!

Я держу ее за руку и смотрю, как возвращается солнце.
«Хотела бы я остаться в Зеркальной стране навсегда», – говорю я.
Мышка одаривает меня робкой, бледной улыбкой.
«Я тоже».

* * *

Полностью проснувшись, смотрю в темноту. Полный абсурд! Неужели я могла забыть, что Мышка – такая же настоящая, как и мы с Эл? Меня очень пугает, что я сразу приписала Эл авторство писем, не подумав о других вариантах.

Тихонько встаю, на цыпочках спускаюсь вниз, беру ноутбук и сажусь в Тронном зале.

Вспоминаю слова Росса о моей тетке. Или все-таки подруге семьи? Она была мамой Мышки. Внезапно на меня обрушивается ночной кошмар двухдневной давности – картинка становится неожиданно четкой и видоизменяется.

Ведьма тащит Мышку к входной двери. Мышка плачет и кричит: «Нет, нет! Не хочу уходить!» И тогда мама говорит: «Вы можете задержаться еще чуть-чуть?» Ведьма резко останавливается и качает головой. Мышка всхлипывает громче, протягивает к нам руки: «Хочу в Зеркальную страну! Пожалуйста, давай останемся! Хочу в Зеркальную страну!» И мы, презрев страх перед Ведьмой, подбегаем к Мышке, хватаем ее за руки и пытаемся утянуть обратно.

Ведьма снова останавливается, награждает нас ледяной улыбкой и бьет Мышку по лицу. Раз. Другой. Пока мы не отпускаем... Она тычет пальцем с длинным ногтем в дрожащую, склоненную голову Мышки и яростно зыркает на меня с Эл, испуганно умолкших.

«Послушание! Вот что такое семья. – Она с ненавистью смотрит на маму. – Вот что значит быть хорошей дочерью».

Вспышка света, дверь захлопывается, и снова становится темно.

Я судорожно выдыхаю, борясь с чувством вины и страха. Я знаю, это случилось на самом деле, и не понимаю, как могла позабыть...

Открываю ноутбук, гуглю «Национальный архив Шотландии», вбиваю на сайте мамины имя и дату рождения. Ставлю фильтр по родившимся в Лейте, и остается лишь мамина запись. Удаляю ее имя,

меняю диапазон даты рождения на пять лет до и после. В списке четыре новых имени: Дженнифер, Мэри и две Маргарет, но без регистрации на сайте никаких подробностей не получить. Я делаю запрос и оплачиваю все четыре свидетельства, включая мамино. После подтверждения узнаю, что ждать придется около двух недель.

Я открываю свою почту и начинаю новое письмо к адресату *john.smith120594*.

«Если ты действительно Мышка, то давай встретимся. Я знаю, ты в Эдинбурге».

Ответ приходит сразу.

«Нет! Я тебе не доверяю. Еще слишком рано. И уж точно я не верю ему».

«Скажи, чего ты хочешь! Объясни, что происходит».

«Я хочу, чтобы ты вспомнила. Я хочу, чтобы ты захотела вспомнить. Я пытаюсь тебе помочь. Я пытаюсь спасти ТЕБЕ жизнь. Эл мертва. ее убил Он».

Именно последнее сообщение убеждает меня в том, что мои страхи безосновательны. Я еще могу принять, что Мышка – настоящая, но все эти мелодраматичные клише, столь типичные для Эл, чей голос я так и слышу в своей голове, наводят на мысль: это просто игра, одна из ее безжалостных игр. Мне отчаянно хочется, чтобы так и было, и я невероятно зла. Что ж, сама напросилась, сестричка!

«Кто убил Эл?»

Длинная пауза, достаточно долгая для того, чтобы прозвучала барабанная дробь.

«Ее лживый муж».

Глава 16

john.smith120594@gmail.com

15 апреля 2018 года в 00:15

Re: ОН ЗНАЕТ

Входящие

Кому: Мне

ПОДСКАЗКА 8. НЕ НАРЯЖАЙСЯ: КЛОУНОВ БОЯТСЯ ВСЕ

Отправлено с iPhone

* * *

Шкаф с маскарадными костюмами в кафе «Клоун». Подсказка ведет к странице из дневника, которую я нашла пять дней назад после того, как обнаружила под кроватью страницу по подсказке номер пять. Я разозлилась и нарушила последовательность, отказавшись плясать под дудку сестры. Именно эта запись напугала меня больше всего.

Я не собираюсь ни открывать шкаф, ни перечитывать страницу. Меня все равно трясет, волосы на затылке встают дыбом, по коже бегут мурашки. Я прекрасно помню, что там написано.

10 августа 1998 года

Что-то приближается. Оно уже близко.

Иногда мне так страшно, что я забываю, как дышать. Я забываю, что умею дышать.

* * *

Мы с Эл снова убегает. Мы бежим изо всех сил, спотыкаясь и падая. Громкий металлический звон эхом отражается от стен, и солнце исчезает. В темноте судорожно звонят колокольчики. Их слишком много, и определить, откуда доносится звук, невозможно. Мертвые огни преследуют нас, вспыхивают и дрожат на стенах: мы пытаемся

удрать от стука ботинок, криков и рева. Разбойники и тюремщики, Зубная Фея и мадам Дефарж, Синяя Борода и Черная Борода. Теперь мы далеко от Зеркальной страны, теперь она даже не воспоминание, а место, о котором мы читали или где жили давным-давно. Как Шир в Средиземье или залитая кровью площадь в Париже, тюрьма в штате Мэн или остров в Карибском море. Потом мы сидим на корточках в платяном шкафу, сгибаясь от страха, вцепляемся друг в друга, вонзаем ногти все глубже в кожу. В отличие от Зеркальной страны кафе «Клоун» не защитит нас – это лишь место, где можно спрятаться.

«Мы – пираты, наш папа – король пиратов, – шепчет Эл мне на ухо, сидя в холодной густой тьме. – Все будет хорошо!»

Нет, не будет. Я знаю, что это ложь.

Дверная ручка начинает дребезжать и поворачиваться, и мне хочется закричать – ведь это единственный способ встретить кровь, пот, рев, ярость и зло, которое изо всех сил пытается проникнуть внутрь. Не знаю, в чем мы провинились. Не знаю, почему оно хочет нас напугать, причинить нам боль. Не знаю, почему оно хочет нашей смерти – повесить на крюк, пока мы не сгнием.

Дверь распаивается, и мы кричим. Внутри заглядывают Мертвые огни и первая страшная рожа. Черные искореженные кости и синяя борода, оскал острых зубов, ром и табак, подмигивание и рев. А колокольчики звенят и звенят...

* * *

Один колокольчик все еще трезвонит, причем слишком громко, слишком по-настоящему. Нет, он не отголосок моего кошмара – это происходит здесь и сейчас.

Чувствую себя неимоверно уставшей. Переворачиваюсь на бок, словно выброшенный на берег кит, и смотрю на будильник. Четверть второго пополудни. Я проспала тринадцать часов! Как такое вообще возможно? Медленно сажусь, протираю воспаленные глаза.

Вставай, говорю я себе. Для начала следует встать.

Я снова слышу звон колокольчика – долгий и настойчивый, – и вдруг меня охватывает страшное, роковое предчувствие. Я скатываюсь с кровати, мечусь по комнате на нетвердых ногах, пытаюсь отыскать

вчерашнюю одежду, кое-как натягиваю ее на себя. Я стараюсь не вспоминать ни свой сон, ни слова Эл. «Что-то приближается. Оно уже близко». Пронзительный звон не утихает.

Я выхожу на лестничную площадку. Судя по шуму воды, Росс принимает душ, и я спускаюсь, осторожно делая шаг за шагом. Внизу опять слышу звон и стук, громкий и настойчивый, и наконец просыпаюсь окончательно. У входной двери медлю, едва переводя дух от страха. Снова раздается звонок, я отодвигаю ночной засов и впускаю в дом солнце и холод.

На пороге стоит детектив-сержант Логан; позади него маячит белокурая пикси, Шона Мюррей.

– Здравствуйте, Кэтриона, – говорит Логан без тени улыбки или ямочек на щеках. – Извините, что разбудили. Можно войти?

– Конечно.

Пока они проходят в дом, я не отрываясь смотрю на дорожку, калитку, желтеющую изгородь, размышляя, когда лучше рассказать им про каяк, про электронные письма и странички из дневника Эл. Даже если все укажет на Росса или на сентябрь девяносто восьмого года и последний день нашей первой жизни, на тот день – точнее, ночь, когда погибли мама и дедушка. Даже если письма велят мне ничего не рассказывать полиции, я все равно это сделаю. Бояться теперь нечего.

Полицейские ждут меня в коридоре, и я понятия не имею, куда их пригласить. В Тронном зале – слишком нелепо, в кухне – слишком домашнему, про кладовую и говорить не стоит. Я решаю, что гостиная – меньшее из зол, пока не замечаю, как они смотрят на бар «Пуаро» и чиппендейловский комодик на львиных лапах, и вспоминаю прикосновение холодного полированного дерева к моей пылающей коже.

– Присаживайтесь. Вам предложить что-нибудь выпить? Я хотела...

– Кэт, – перебивает Логан, кладя мне руку на плечо. – Позовите Росса.

– Я здесь, – говорит Росс, стоя на пороге с таким видом, словно готов выставить нас за дверь. Он босиком, в старых джинсах и футболке с концертного тура «Блэк саббат». Мокрые волосы с одной стороны прилипли к голове, с другой – торчат как у ребенка.

Логан убирает руку и прочищает горло.

– Вам обоим лучше присесть.

Я опускаюсь на обтянутое желтой парчой кресло-качалку возле камина – мамино кресло. Оно тут же начинает раскачиваться, и я поспешно упираюсь ногами в пол.

– В чем дело? – спрашивает Росс незнакомым от волнения голосом.

– Росс, – вкрадчиво предлагает Логан, – почему бы вам не присесть?

– Я постою.

– Ладно. – Логан снова прочищает горло, и в тревожной, выжидательной тишине Шона Мюррей усаживается на честерфилдовский диван. Логан переводит взгляд с Росса на меня. – Вчера отдел по расследованию несчастных случаев на море сообщил о происшествии с коммерческим судном в Форте, которое... которое обнаружило...

– В чем дело? – снова восклицает Росс.

Я не отрываясь смотрю на Логана. «Лучше зовите меня Крейг. Мама в свое время переслушала “Проклеймерс”, будь они неладны!» Медленный равномерный ход дедушкиных часов отдается у меня в голове, проникает прямо в череп.

– Яхту нашли, – наконец говорит он.

– Ясно, – киваю я. – Откуда же вам знать...

– Да там с обеих сторон чертова надпись «Побег» большими золотыми буквами! – Голос Росса звучит так хрипло и тихо, что его почти не слышно.

Логан смотрит на меня.

– Спасатели использовали эхолоты, подключили водолазов. Яхта лежала на дне фарватера в нескольких милях к востоку от Инчикита. Чтобы убедиться, мы отправили туда своих специалистов и подводный аппарат.

– Ясно. – Перевожу взгляд на облицованный бутыльно-зеленой плиткой камин, на стоящие с ним рядом всевозможные аксессуары для розжига и поддержания огня. – Ясно.

– Мы нашли доказательства того, что она затонула не сама по себе. – Логан кивает, осматривает все нелепые места для сидения и опускается на корточки, свесив руки между ног. – Яхту пустили ко дну, причем намеренно.

– Каким образом? – спрашивает Росс.

Логан достает из кармана свой крошечный блокнот, перелистывает странички.

– Сливная пробка на транце отсутствует. Это такая небольшая заглушка, которая ввинчивается на корме яхты, когда та находится в море, и выкручивается на суше, чтобы слить воду. Еще водолазы обнаружили в корпусе с полдюжины отверстий диаметром четыре с половиной дюйма. Вероятно, их сделали с помощью кольцевой пилы. Из мачты выкрутили такелажные винты и фиксирующие винты, то есть фактически ее сняли. Как правило, затонувшую яхту можно обнаружить по торчащей над поверхностью мачте. – Он снова смотрит мне в глаза. – Третьего апреля была плохая видимость. При таких погодных условиях к востоку от Инчкита яхту уже не разглядеть ни из Эдинбурга, ни из Бернтисленда. Значит, при отсутствии плавучих обломков ее вряд ли удалось бы отыскать.

– Ясно. – Я больше не вижу Логана, только его расплывчатый силуэт.

– Еще мы обнаружили сломанный радиобуй и выведенный из строя навигатор, и стало понятно, почему не было сигнала бедствия. – Пауза. – Похоже на самосаботаж.

Самосаботаж?! Вспоминаю про синий каяк в сарае.

– Ясно, – говорю я.

– Водолазы нашли и еще кое-что, – добавляет Шона, встает с дивана и подходит к Логану, махнув блондинистыми волосами.

Логан вскакивает, отодвигает ее в сторону и приближается ко мне.

– Они обнаружили кое-что внутри каюты, – медленно и очень осторожно произносит он, и я чувствую запах дезодоранта и сладковатой химической дряни, которой Логан намаживает свою нелепую прическу.

– Ясно.

Росс встает у меня за спиной, кладет руки мне на плечи. Я смотрю на напряженные мускулы, стоящие дыбом волоски и мурашки. Приговор, думаю я, это приговор.

– Они нашли тело, – сообщает Логан. – Это женщина.

Руки Росса сжимаются, пальцы впиваются мне в ключицы. Вид у Логана такой страдальческий, такой несчастный, что хочется встать и утешить его.

– Сегодня водолазам из подразделения в Гриноке удалось поднять ее на поверхность. Мне очень жаль...

* * *

Оконное стекло холодит подушечки пальцев и вибрирует всякий раз, когда мимо проезжает автобус. Хотя я стою здесь меньше часа, мне кажется, что прошло уже несколько дней. К дому подъезжает детектив-инспектор Рэфик на сверкающем серебристом «БМВ», паркуется и выходит. Через пару минут она заглядывает в гостиную, но я продолжаю смотреть в окно.

– Кэтриона, как вы?

Я резко оборачиваюсь.

– Это не она!

Рэфик идет в центр комнаты, указывает жестом на диван, кивает и ждет, пока я сяду.

– Пока мы не уверены ни в чем.

– Вы знаете, что это ее яхта, – замечает Росс. Он пытается сесть на скамеечку для ног, промахивается и падает на пол. Вид у него, как и у меня, – потрясенный, заторможенный, растерянный. Возможно, он не так уж и сильно смирился с гибелью Эл, как думал.

– Да, но мы не знаем, действительно ли погибшая женщина – Эллис Маколи. Хотя вы оба должны быть готовы к такой возможности, поспешных выводов следует избегать.

Я не понимаю, как можно делать и то и другое.

– Вы ее видели?

Рэфик кивает, отведя взгляд в сторону.

– Я была в городском морге, поэтому и задержалась. Простите! – Она прочищает горло и указывает на высокого худощавого мужчину рядом с собой. – Это Иэн Паттерсон, судмедэксперт. Вы ведь хотите, чтобы мы установили личность погибшей как можно скорее?

Мрачное лицо, черный костюм, большой чемодан – Иэн Паттерсон смахивает на гибрид сотрудника похоронного бюро и мормона. Он кивает Россу, потом мне, ставит чемодан на пол и начинает его расстегивать.

– Росс, вы не могли бы принести что-нибудь из личных вещей Эл? – просит Рэфик. – Зубную щетку или старую бритву?

Росс продолжает сидеть на скамеечке.

– Я вам уже давал, – говорит он, глядя на нее снизу вверх с видом обиженного ребенка.

– Да, конечно. У нас есть ее зубная щетка, но два образца лучше одного. Шона, вы ему не поможете?

Шона быстро выводит Росса из комнаты, бережно придерживая за спину. Рэфик ждет, пока их шаги не стихнут, и поворачивается ко мне. Выражение лица у нее то ли мрачное, то ли страдальческое – понять трудно, однако под ее взглядом я чувствую себя крайне неуютно. Инспектор смотрит очень пристально, словно надеется меня подловить.

– Кэтриона, вы согласны сдать образец ДНК?

Не дождавшись ответа, она подходит ближе и кладет мне руку на плечо. Ногти у нее короткие, аккуратные и белые.

– Обычно мы обходимся образцами с вещей пропавшего, а не берем их у родственников, однако в данном случае...

– Потому что мы близнецы.

Она кивает.

– Да, причем идентичные. У вас совершенно одинаковое ДНК. Так что, вы даете свое согласие?

– Конечно, да. Что-нибудь еще?

Рэфик быстро качает головой и выдавливает улыбку. Она явно себе на уме, но открыть карты пока не готова. При мысли об этом у меня сводит живот, в голове сгущается туман.

Рэфик кивает Иэну Паттерсону, и тот вынимает из чемодана пластиковую пробирку с тестом.

– День добрый, – произносит он с энтузиазмом. Голос у него такой низкий, что больше похож на вибрацию, чем на звук. Эксперт достает из пробирки ватную палочку. – Запрокиньте немного голову, откройте пошире рот, и я быстренько возьму пробу с внутренней части щеки. Сделаем в момент!

Слишком уж он жизнерадостен, учитывая обстоятельства. Едва эксперт сует мне в рот палочку, мне тут же хочется укусить ее изо всех сил.

– Возможно, чуть позже нам потребуется образец вашей крови, – говорит он, вынимает палочку и убирает ее в пробирку.

Меня бьет дрожь. Я сама не заметила, когда это началось, и остановиться не могу.

– Кэтриона, присядьте, – мягко уговаривает Рэфик, и от заботы в ее голосе мне хочется плакать.

Ни за что не расплачусь! На лестнице слышатся шаги Росса с Шоной, и Рэфик с облегчением застегивает куртку.

– Обычно тест ДНК занимает от двадцати четырех до семидесяти двух часов, – говорит она. – Конечно, мы постараемся провести его побыстрее.

Киваю, Росс тоже кивает, облокотившись на комодик, на котором трахал меня меньше недели назад. Закрываю глаза, а когда наконец нахожу в себе силы открыть их снова, Рэфик смотрит на меня тяжелым, испытующим взглядом.

– Постарайтесь не волноваться, – просит она. – В любом случае скоро все закончится.

* * *

Заперев за ними, я долго стою в прихожей в лучах солнца, падающих из окна над дверью.

– Вместе мы справимся, ясно? – шепчет мне на ухо Росс. Разумеется, когда я оборачиваюсь, то его нет. Просто еще один призрак.

Глава 17

Время тянется медленно и кажется таким густым, что его можно взять в руки и пропустить сквозь пальцы. Мы с Россом бродим по комнатам, стараясь держаться вместе. Иногда ненароком касаемся друг друга, и мне плевать на все причины, по которым нам не следует этого делать. Его трясет; дрожь передается и мне. Сидя за кухонным столом, Росс наконец поднимает взгляд, и я вижу, что он и зол, и напуган.

– Кэт, я не хочу, чтобы Эл умерла!

– Знаю, – шепчу я в ответ.

– Я никогда не желал ей смерти!

И мне непонятно, имеет ли Росс в виду наше поспешное воссоединение или то, как сильно и уверенно он горевал с самого момента ее исчезновения. Беру его за руку, сплетаю наши пальцы.

– Знаю, Росс.

Мне хочется побыть одной, и я запираюсь у себя в комнате. Стоя перед зеркалом, смотрю в свои усталые и испуганные глаза. Вспоминаю, когда видела в последний раз это лицо, а не его отражение. На Новый год в две тысячи шестом. Полгода спустя победы Эл. За полгода до того, как мы перестали быть подростками. Мы встретились на пляже Йеллоукрейг. Чтобы добраться туда от своей съемной квартирки в Ниддри, мне пришлось ехать автобусом с пересадкой и прошагать целую милю. Понятия не имею, откуда пришла Эл. Я даже не знаю, жила ли она тогда в Эдинбурге или уже нет.

Пустой пляж, свирепый ветер, бурное море, холодный и солнечный день. Я почти на нее не смотрела. Тоска по ней и Россу напоминала острую, безотрадную боль. Я ощущала себя жалким обрубок, который зудит и чувствует непрестанное покалывание, потому что еще помнит, каково это – быть частью целого. Эл не позволяла Россу со мной разговаривать, но он звонил постоянно, хотя мы оба знали, насколько это бессмысленно. Лучше бы мы просто молчали, ведь я и слышать не могла ни о ней, ни об их совместных планах, где для меня места не нашлось. Печаль и вина в голосе, жалкие попытки объяснить, почему он поступил именно так, а не иначе, сводили меня с ума.

«Ты исхудала».

Я не могла спать. Посетила слишком много врачей, принимала кучу таблеток. Я даже подумывала о самоубийстве, но меня остановила мысль о том, как нелепо и жалко я буду выглядеть, если меня откачают. Ведь тогда мне не останется ничего, что не принадлежало бы Эл первой.

Я поглядывала на нее украдкой. Кожа у сестры посветлела, волосы выгорели на солнце, ногти длинные и красные. Интересно, когда она перестала их грызть...

«Тебе нужно нормально питаться».

Она бросила выразительный взгляд на мои обкусанные ногти, на покрытые струпьями порезы на руках. Сестра взяла меня за запястье, и я испуганно вздрогнула. Оглянулась на беспокойные воды залива, на туманную дымку на горизонте и сглотнула ком в горле, предчувствуя худшее.

«Мы решили пожениться», – сообщила Эл, а я продолжала смотреть на брызги прибоя в ослепительных лучах солнца.

Я невольно сжала пальцы. Эл даже не поморщилась и не вырвала руку.

«Ты ведь его даже не хочешь! Я-то знаю! Ты забрала его, лишь бы забрать! Лишь потому, что я его люблю!»

Я впервые сказала об этом вслух.

«Ты как чертов щенок, Кэт! Чем хуже с тобой обращаются, тем больше ты стараешься понравиться, тем больше любишь тех, кто тебя пинает! Ты безнадежна!»

Глаза защипало, и я моргнула, чтобы не расплакаться.

«Я уеду в Америку».

Колледж проводил программу стажировки в «Лос-Анджелес таймс», полностью оплачиваемую. Понятное дело, что список желающих был в милю длиной, и я даже не рассматривала эту возможность всерьез.

Эл слегка удивилась, потом отвела взгляд.

«Отлично».

Свой страх и боль я проглотила вместе с гневом.

«Я не вернусь никогда!»

Она широко улыбнулась, и я дрогнула, не в силах вынести ее победного взгляда и внезапной боли от вцепившихся в мое запястье

ногтей. Следы потом заживали несколько недель, напоминая мне о нашей последней встрече.

«Нашла чем пугать! Я тебя ненавижу, Кэт, понимаешь? Ненавижу! Так что давай, вали отсюда. Видеть тебя не могу! – Однако ей не удалось скрыть боль в глазах, как она ни старалась. – Я о тебе даже не вспомню!»

Эл выпустила мою руку и ушла, ни разу не оглянувшись...

Иметь сестру-близнеца не так уж и здорово. Ты всегда знаешь, как выглядишь, когда улыбаешься, хмуришься, когда вокруг глаз появляются морщинки, – это все равно что зеркало, строгое и тяжелое, которое вечно с тобой. Тебя постоянно принимают за другую, ты ждешь возможности вставить хоть слово и видишь в ее взгляде отчуждение. У вас словно одна душа на двоих, ваши черты характера делятся пополам, и одна – общительная, другая – застенчивая, одна – безрассудно-смелая, другая – робкая. Поверить в себя так трудно, ведь если выбирают не тебя, а твою сестру, то вовсе не из-за того, как ты выглядишь. Все дело в том, что ты – это ты, а не она.

Впрочем, есть кое-что и похуже. Свинцовая тяжесть осознания, что друг без друга вы не полноценны, что одной тебе не выжить в этом мире. Вспоминать сестру в нашу последнюю встречу невыносимо тяжело. Щеки Эл покраснелись, в глазах стояли слезы, которые вызвал мой будущий отъезд, как мне хотелось верить, а вовсе не яростный ветер. Ее пальцы крепко вцепились мне в руку, как тогда, под железными деревьями и баньянами в Джунглях Какаду, и ни одна не хотела отпускать первой. В тот последний день, в последний миг нашей встречи я все равно чувствовала, что Эл все еще любит меня, что ей придется стать первой, кто разомкнет объятия...

– Я бы знала! – Начинаю плакать, и лицо в зеркале распадается на части. Эл прикрывает рот рукой. Слезы бегут по белой с голубыми прожилками коже, как два водопада. Она качает головой, словно этого достаточно, словно это все, что нужно сделать. И тогда все прекратится. – Я бы знала!

* * *

15 апреля 2018 года в 21:15

Re: ОН ЗНАЕТ

Входящие

Кому: Мне

ПОДСКАЗКА 9. ЗАГЛЯНИ ПОД МАТРАС

Отправлено с iPhone

* * *

3 июля 1998 года

Он не настоящий. Папа не настоящий!

Думаю, я и сама знала, но как мама могла нам СОЛГАТЬ???

Она велела нам с Кэт сложить наши старые костюмы, игры и книги в коробки и отнести в Зеркальную страну, и я нашла у нее в шкафу дедушкину энциклопедию. Я ее достала, открыла и на странице с загнутым уголком увидела КАПИТАНА ГЕНРИ МОРГАНА!!!!!!

Сначала я обрадовалась, ведь портрет был точно такой, как описывала мама, – точно такой, как моя картина в Зеркальной стране, и там было написано, что он капер (отличная маскировка для пирата, который работает на правительство. КАК И ГОВОРИЛА МАМА). Он даже был ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРОМ ЯМАЙКИ!!!

А потом Кэт увидела дату его рождения – 1635 год!!!!!!

Мы просто не поверили. Как мама могла нам солгать? Она всегда говорила, что он любит нас, и если мы будем ждать его в Зеркальной стране, то он вернется и отвезет нас на Остров – на Санта-Каталину. И хотя сейчас это звучит глупо, Зеркальная страна – волшебное место. Она лучше, чем Нарния, страна Оз, остров Нетинебудет или Средиземье. Ведь там мы можем превращать мечты в реальность, но теперь это уже не важно. Мама нам солгала! Он не наш отец. А когда мы сказали ей, что знаем, она заплакала – мама НИКОГДА не плачет! – и ответила, что хотела сделать нас счастливыми, потом начала повторять, что любит нас и все такое прочее.

А уж как противно повел себя дедушка! Как будто мы – дуры и сами во всем виноваты. Якобы маме сразу надо было нам сказать, что наш папа – ПОЛНЫЙ ПРИДУРОК, который ее бросил, как только она

забеременела. И когда Кэт спросила у мамы, правда ли наш отец ПОЛНЫЙ ПРИДУРОК, мама снова заплакала и ушла, оставив нас с вредным дедушкой.

Я их НЕНАВИЖУ! Я НЕНАВИЖУ ИХ ОБОИХ!

* * *

«Женщина, посмотри на них! Вечно уставшие, вымотанные. Черт возьми, они же никогда не спят! Сама говоришь, что учеба страдает. Ты забила им головы своей чертовой чепухой, и теперь они живут в мире грез! Да еще заставила поверить, что их чертов папаша – пират семнадцатого века! Они же почти взрослые, неделя-другая – и всё!»

Я помню, как отшатнулась от этого голоса, от летящей с губ слюны. Он был так не похож на дедушку, которого я знала... Впрочем, сама не своя была и заплаканная мама, твердившая: «Простите, я люблю вас, я солгала, потому что хотела сделать вас счастливыми». Или наш безликий отец, оказавшийся «полным придурком»...

Окно в кафе «Клоун» дребезжит под порывами ветра. Стемнело, и я вижу в стекле лишь свое отражение. Телефон вибрирует – снова Вик. Не дождавшись ответа, он отправляет сообщение. «Нам нужно поговорить!» Убираю телефон в ящик, открываю ноутбук, нажимаю «ответить» на последнее письмо от *john.smith120594*.

Руки дрожат, но не настолько сильно, чтобы я не могла печатать.

«Полиция нашла тело. Скажи, кто это, прошу тебя!»

Глаза печет от слез. Господи, как же я устала! Сердце бьется медленно и глухо, отдаваясь в груди и в животе.

Ответа нет.

Глава 18

Они возвращаются через двадцать семь с половиной часов. Причем в полном составе. Я стою у окна в Башне принцессы и смотрю, как серебристо-серый «БМВ» Рэфик паркуется за голубым «жуком»-кабриолетом Шоны. На Рэфик обтягивающие джинсы и тонкая шелковая блузка. Как можно ездить в кабриолете и носить шелковые блузки, живя в Эдинбурге? Я продолжаю развлекать себя мелочными подколками, наблюдая, как полицейские открывают калитку и медленно бредут по дорожке к дому. А когда мне надоедает, то восхищаюсь длинными ногами Логана, его широкими плечами и даже дурацкой стрижкой.

«Пожалуйста», – думаю я, когда открывается входная дверь и в прихожей раздаются голоса. «Пожалуйста», – думаю я, когда Росс нерешительно окликает меня по имени. Я распахиваю шкаф и смотрю на автопортрет Эл, провожу пальцами по яростным мазкам краски на лице. «Пожалуйста», – думаю я, спускаясь по лестнице и крепко держась за перила, потому что все вокруг качается и кренится. Ненадолго останавливаюсь внизу и вижу их торжественные, мрачные лица и доску с колокольчиками в дверном проеме кухни: изогнутые черные пружины, сверкающие колокольчики, язычки в форме звезд. «Пожалуйста!»

Рэфик, прочистив горло, по очереди смотрит на нас обоих.

– Мне очень жаль, Росс. Кэтриона. – Она опускает голову. – Это точно она. Это Эл.

Видимо, тот ужасный день в парке Йеллоукрейг был не так уж и плох.

* * *

Прихожу в себя в Зеркальной стране. Когда я снова могу видеть, то стою на коленях на палубе «Сатисфакции», прижимая к груди кормовой фонарь, и смотрю на стремительно несущиеся по небу тучи, белые гребни волн и Черную Бороду, который настигает меня – медленно, но верно.

Я не плачу, потому что не могу. Периодически тело сковывает нервный паралич, и я перестаю дышать, видеть, думать. В промежутках кашляю, раскачиваюсь, обхватив себя руками, и делаю один неровный вдох за другим. Едва немного прихожу в себя, как накатывает новый приступ.

Спотыкаясь, бреду прочь от «Сатисфакции», сворачиваю в длинный пустой проход. Останавливаюсь на полпути возле внешней стены и думаю о портрете капитана Генри Моргана, который Эл постоянно дорисовывала и все же не закончила. Генри Морган, наш отец, король пиратов семнадцатого века.

Почувствовав приближение приступа, я снова падаю на колени. Не знаю, принесет ли это утешение теперь, но я начинаю шептать. «Мы не покинем друг друга никогда-никогда. До тех пор, пока мы живы», – повторяю я снова и снова.

На меня падает тень, горло судорожно сжимается. Я чувствую порыв холодного воздуха и содрогаюсь от страха. В темноте что-то белеет, бросая на стены уродливые тени. Мертвые огни! Эхом отдается крик «Беги!» – высокий, протяжный вопль, и я вскакиваю, но уже слишком поздно, и тень меня настигает.

– Кэт, перестань!

Росс падает на колени и хватает меня в охапку, удерживая руки и ноги. И я отчаянно борюсь с ним, пытаюсь вырваться, потому что он – муж Эл, он принадлежал ей, а она – ему с тех самых пор, как он впервые забрался через окно-люк в Зеркальную страну. До сих пор это не имело для меня никакого значения – я даже убедила себя, что это неправда.

– Прекрати! Оставь меня в покое! – При этом я вцепляюсь в него изо всех сил, до боли, и держусь так крепко, словно Росс – единственная скала в бушующем черном море.

ЧАСТЬ II

Глава 19

john.smith120594@gmail.com

17 апреля 2018 года в 05:50

Re: ОН ЗНАЕТ

Входящие

ПОДСКАЗКА 10. ЗА БЕРЛИНСКОЙ СТЕНОЙ

Отправлено с iPhone

* * *

Я в кафе «Клоун». Синяя Борода и Черная Борода тоже здесь. Они вытаскивают нас из шкафа, волокут в спальню номер три и вешают на крюки. Мы умираем, кричим в кромешной темноте как раненые пираты на залитой кровью палубе, и наши тела бросают акулам.

Я в Зеркальной стране, сижу, скрестив ноги на пушечной палубе «Сатисфакции», и смотрю на Эл. Мы в одинаковых клетчатых сарафанах и накрахмаленных белых блузках. Если б не Росс, сидящий между нами на корточках, то можно подумать, что мы смотримся в зеркало. Как будто одна из нас настоящая, а другая – лишь отражение. В руке у него лист белой бумаги, исписанный красными и черными чернилами, – План.

«Вместе мы справимся, ясно? – говорит Росс. – Ведь нас трое».

Энни подмигивает мне из-за штурвала. «Иногда приходится быть храброй, даже если ты – последняя трусиха».

Я на кухне, сижу за столом. На тарелке омлет на тосте и каша, слишком горячая, чтобы есть. В старом дымоходе застряла птица. Она царапается и бьет крыльями. Рука дрожит, я промахиваюсь мимо рта, мама сжимает губы в ниточку. «Не чавкай, Кэтриона!» Дедушка сидит, положив большую ногу на свободный стул, запрокидывает голову и хохочет, но руки у него дрожат еще сильнее, чем у меня. Он смотрит на Эл, стоящую на пороге. «Не ешь стоя, девонька. А ну садись, черт бы тебя побрал!» Эл глядит на меня и ухмыляется. Я притворяюсь, что ничего не вижу. «Можно мне чаю?»

Берлинская стена – это черная штора кладовой. Эл всегда была Алеком Лимасом, героическим шпионом, пришедшим с холода, а мне приходилось играть на другой стороне вместе с клоунами, изображая Джорджа Смайли с его жестоким «Цирком», и вести Алека навстречу гибели. Страничку из дневника я обнаруживаю в подогнутом и подшитом крае шторы.

4 сентября 1998 года

Сегодня за завтраком все делали вид, что все как обычно. Наверное, даже я, хотя мне было страшно как никогда.

А мама, дедушка и Кэт все такие: передайте соль, налейте мне чаю, торопитесь, пора в школу... А я такая: ну как вы можете вести себя как обычно? Неужели вы не слышите? Неужели вы не видите? Неужели вам не страшно? ОН же ВЕРНЕТСЯ!

Ничего я конечно не сказала. Похоже, мы все об этом думали, и никто не мог сказать вслух. На случай, если он и вправду вернется.

После завтрака я затащила Кэт за Берлинскую стену, прикрыла ей рот рукой и прошептала на ухо: ЭТО ДОЛЖНО СЛУЧИТЬСЯ СЕГОДНЯ!!

Так и будет. Неважно, что она говорит. Неважно, насколько нам страшно. Таков наш ПЛАН. Так мы договорились.

Я стою за пыльной занавеской в кладовой, с трудом дыша сквозь липкую руку Эл. Вокруг нас шепчутся и выются призраки.

«Это должно случиться сегодня».

«Нет, – думаю я, – НЕТ!»

«Да!» – заявляет Эл.

Я чувствую ее улыбку под своей ладонью, словно мы поменялись местами, и она стала мной, а я – ею. И когда я убираю руку и отдергиваю штору, то все стены в холле и кухне свежевыкрашены в уродливый малиново-красный цвет. Протяжно ухает сова, раздается топот ботинок и крик: «Беги!» Колокольчики начинают звенеть все сразу. Шум стоит оглушительный. Деревянная доска содрогается, колокольчики мотаются вправо-влево, в темноте сверкают язычки в форме звездочек. Я вижу луну.

«Проснись! – кричит Эл моим голосом, нашим голосом. – Проснись, черт бы тебя побрал!»

Я упала с табуретки и лежу на полу кладовой. В руках и ногах тяжесть, живот скрутило от голода, и в то же время меня тошнит. Голова раскалывается. Так вот на что похоже горе... Или это вина? Так вот что чувствуешь, лишившись половины себя...

Беру телефон, нажимаю «ответить». Экран расплывается, сколько бы я ни моргала.

«Ответь мне! Давай встретимся и все обсудим. Или оставь меня в покое!»

Росс стоит возле кухонного окна и смотрит в мокрый сад. Дождь стучит по крыше, по трубе дымохода, по водосточному желобу. Услышав мои шаги, Росс оборачивается. Прошлой ночью я настояла на том, чтобы спать отдельно, и проворочалась до утра, скучая по его дыханию на щеке, по его объятиям. Сегодня я даже смотреть на него не могу.

– Заварка перестояла, – говорит Росс, дрожащей рукой поднимая чайник. Крышечка позвякивает. – Сейчас сделаю новую.

– Не стоит, – говорю я, забирая у него чайник. – Сойдет и так.

Наливаю в кружку, делаю большой глоток.

– Кэт. – Росс садится со мной рядом, берет за руки. Я пытаюсь убедить себя, что прикосновение его теплых пальцев не помогает, ничуть не заполняет пустоту в груди. – Прошу, не отгораживайся от меня!

Вырываю руки, сую их между бедрами.

– Я должна ее увидеть.

Росс содрогается от отвращения.

– Зачем?! ДНК...

– Ты же сам говорил, Эл к суициду не склонна, – напоминаю я. Меня поддерживает лишь упрямая убежденность в том, что я непременно почувствовала бы ее уход, сразу поняла бы, что ее больше нет. Вчерашний жуткий, мучительный припадок вызван лишь шоком и стыдом.

– Может, это вышло случайно... – Росс снова берет мои руки и прижимает их к груди. Я чувствую, как учащенно бьется его сердце. – Может, это был несчастный случай. Может, она просто хотела, чтобы я заметил, как ей плохо.

В его глазах стоят слезы. Я снова вырываю руки, Росс встает и отворачивается. Я смотрю на кафель перед плитой, на потемневший стык между плитками. Натянута улыбаюсь; того и гляди, губы лопнут.

– В детстве я читала в дедушкиной энциклопедии про одно племя. Оно жило где-то в Южной Америке и много веков умудрялось не попадаться на глаза остальным людям.

– Кэт...

– Если член этого племени совершал проступок или его подозревали в чем-то плохом – неважно, будь то банальная ложь или убийство, – все племя собиралось в центре деревни в круг, загоняло его внутрь, и он не мог ни спрятаться, ни убежать. И тогда они начинали говорить этому человеку о нем самом только хорошее. О его добрых делах, о его качествах, умениях и так далее. Они повторяли это без остановки, пока человек не начинал их слышать, не начинал им верить.

Голос срывается, глаза жгут непролитые слезы, руки подергиваются, мечтая обнять Росса. Мне хочется ощутить теплое, крепкое тело, почувствовать его в себе. Но больше всего мне хочется взглянуть в зеркало и увидеть там Эл. Вернуться на холодный пляж и сказать, что я никуда не уйду. Не дать ей отпустить мою руку – неважно, насколько мне больно и сколько бы раз она меня ни отталкивала.

Глава 20

На пороге в ярких лучах утреннего света стоит Мари с большим букетом белых калл. По щекам ее текут слезы.

– *Je suis désolée. C'est affreux. Je suis tellement désolée*^[7].

Я беру цветы. От резкого, специфичного запаха у меня начинают слезиться глаза, щиплет в носу.

– Спасибо, Мари.

– Я знала... Я знала, что она...

– Простите, не могу пригласить вас в дом – я собралась уходить.

Она удивленно разглядывает мою джинсовую куртку. Сегодня я не в силах даже смотреть на серое кашемировое пальто сестры, висящее на вешалке позади меня.

– Росс дома?

– Нет. – Я почти уверена, что она это прекрасно знает. Наверняка выждала, пока он выйдет в магазин, и только тогда решилась прийти.

Мари склоняется и пристально глядит на меня совершенно сухими глазами.

– Вы спрашивали у него про угрозы мне?

– Мари...

– Вы в опасности! – Она хватается меня за запястье. – *Comprenez vous?*^[8]

– Прекратите, Мари! – Я вырываю руку.

Она качает головой, достает из кармана телефон и протягивает мне.

– *Regardez*^[9]. Вот что он пишет мне за неделю до исчезновения Эллис!

«Держись от нее подальше, не то пожалеешь».

Вроде бы это номер Росса, но я отталкиваю телефон и пытаюсь закрыть дверь.

– Мне сейчас некогда! Я должна...

– Вы в опасности! – Мари упирается, хватается меня за руки. – *S'il vous plaît!*^[10]

В приступе ярости я швыряю цветы, отталкиваю Мари и захлопываю дверь.

– Кэтриона...

Я пытаюсь запереть замок, а она все хватает меня, куда-то тащит – в общем, мешает, как может. Мне хочется закричать, броситься бежать и не возвращаться никогда.

– Кэтриона, послушайте! Вы...

– Я еду в морг! – отчаянно кричу я на всю улицу.

Мари закрывает рот и отступает, безвольно опустив руки.

Чувствуя на себе любопытные взгляды соседей, я сбегая по ступенькам, вылетаю за калитку и спешу к автобусу номер сорок девять, который как раз подъезжает к остановке.

* * *

Городской морг – уродливое бетонное здание, вклинившееся между красивыми викторианскими домами. Логан стоит, прислонившись к двойным дверям возле большого гаража с металлическими воротами-рольставнями. Увидев меня, он расправляет плечи и слегка улыбается. Я пытаюсь побороть очередной приступ удушья, закусив губу и вонзив ногти в ладони.

– Привет, Кэт.

Рядом с ним висит табличка: «Городской морг Эдинбурга». Золотые буквы, полированная поверхность, в которой я вижу свое отражение. Зажмуриваюсь и перевожу взгляд на небо. Оно белое и тяжелое – того и гляди, посыплется снег.

– У вас кровь.

Логан проводит ладонью по моей щеке, теплый шершавый палец чуть царапает кожу. Я отворачиваюсь и закусываю губу.

– Ерунда.

Он кивает, опускает руки.

– Логан! – Рэфик появляется в дверном проеме. Волосы собраны в аккуратный конский хвост, взгляд пристальный. Я вспоминаю ее вчерашние слова: «Мне очень жаль, Кэтриона. Это точно она. Это Эл». – Вы нужны в участке.

Логан кивает, потом с вызовом шагает ко мне и пожимает руку.

– Берегите себя, ладно? Мой номер у вас есть.

Рэфик придерживает двери, я прохожу внутрь. Комната ожидания выкрашена в бежевый цвет, там очень тепло и пусто.

– Присядьте, – велит инспектор. – Вы точно уверены, что хотите ее увидеть?

Я киваю, не чувствуя ни малейшей уверенности.

Она вздыхает.

– Не передумаете, если покажу вам результаты экспертизы ДНК?

Что же тут думать? Впрочем, посмотреть на результаты я тоже хочу, поэтому снова киваю.

Рэфик достает телефон и протягивает мне.

ВЫДЕЛЕНИЕ ДНК

Образцы для исследования:

ИН 1551204: Зубная щетка с мягкой щетиной, принадлежащая Эллис Маколи (дата рождения 01.07.86) [Забор произведен 04.04.18]

ИН 1551205: Щетка для волос, принадлежащая Эллис Маколи (дата рождения 01.07.86) [Забор произведен 15.04.18]

Образец родственника:

ИН 1551206: Буккальный мазок идентичной сестры-близнеца Кэтрионы Морган [ИЛ 1551_201] (дата рождения 01.07.86) [Забор произведен 15.04.18]

Джейн Доу [\[Ш\]](#) [ИЛ 1551_200] образцы:

Частичное омыление лица и верхней части тела; ДНК, извлеченная из бедренного костного мозга.

Выделение ДНК проведено отдельно из всех образцов. Генетические характеристики определены с помощью однолокусного анализа ПЦР.

Результаты подтверждены повторной проверкой исходных образцов. Все лабораторные анализы и интерпретации проведены в соответствии с рекомендациями Комиссии по ДНК Международного общества судебной генетики.

Заключение:

Основываясь на анализе и биостатистической оценке его результатов, доказано, что Джейн Доу [ИЛ 1551_200] на 99,9999 % является Эллис Маколи (дата рождения 01.07.86), г. Лейт, Уэстерик-роуд, д. 36.

Кэтриона Морган [HID1551_201] (дата рождения 01.07.86) на 99,9999 % является генетически идентичной сестрой умершей.

Судебный эксперт:

Доктор Иэн Паттерсон, бакалавр медицины и хирургии, бакалавр медицинских наук (доп. квалификация), член Королевской коллегии патологов, Главный судебный патологоанатом факультета судебной медицины Королевской коллегии врачей (Великобритания).

Северо-Лотианский отдел уголовного розыска

Перечитываю дважды, трижды, пока не начинает рябить в глазах. Возвращаю телефон инспектору, рука дрожит.

– Мне нужна копия. – Я пытаюсь говорить уверенно, но голос тоже меня подводит. В ушах – белый шум, словно я под водой.

– Конечно, – Рэфик кивает.

– Я все равно хочу ее увидеть.

– Мне кажется, это очень плохая идея. Если...

– Я должна! – Заставляю себя посмотреть на Рэфик. Она хмурится, губы сжаты, в глазах тревога. – Прошу вас!

Наконец инспектор кивает.

– Кэтриона, потом вам придется ответить на несколько вопросов. Это важно.

Сердце стучит так громко, что кровь оглушительно шумит в ушах, и я едва слышу Рэфик.

* * *

Она ведет меня к двери с надписью: «Помещение для посетителей», словно мы пришли на экскурсию в старинный помещичий дом или замок. За ней – коридор и еще двери: «Помещение для допроса», «Помещение для консультаций». Я молча иду вслед за Рэфик, стараясь ни о чем не думать.

Мы проходим мимо двери с табличкой «Ритуальный зал», но не успеваю я спросить у Рэфик, что это такое, как она открывает соседнюю, с надписью «Смотровая».

Внутри – приглушенное освещение, ненавязчивая обстановка. Неожиданно для госучреждения. Узнав, что водолазы подняли тело, я навоображала себе невесть чего: стерильная комната с белым кафелем

и металлическими ящиками для хранения трупов, стальными столами с большими сливными отверстиями, как в сериалах «Место преступления» или «Безмолвный свидетель». Рэфик предлагает мне присесть, ее голос звучит приглушенно. Кресло – мягкое и бежевое. На стенах висят акварельные пейзажи, напоминающие о приемном покое больницы, где я сидела почти тринадцать лет назад. Смотрю по сторонам, старательно избегая завешенного синей шторой окна на противоположной стене.

В дверь стучат, и я подпрыгиваю от неожиданности. Как хорошо, что можно больше не сидеть и не отводить взгляд в сторону...

– Кэтриона, – говорит Рэфик, – это доктор Клэр Макдаф.

Доктору за пятьдесят, и росту в ней футов пять, не больше. Короткие густые волосы песочного цвета, очки в зеленой оправе и заботливая улыбка. Как ни странно, она в джинсах и свитере. Я ожидала увидеть костюм хирурга, шапочку для душа, перчатки, специальную резиновую обувь – короче, весь набор спецодежды.

Я жму протянутую руку и в середине энергичного рукопожатия слышу:

– Здравствуйте! Аутопсию вашей сестры проводила я.

– Правда? – бормочу я, с трудом сдержав возглас: «Здорово!»

Наконец доктор Макдаф отпускает мою руку.

– Я понимаю, почему вы здесь, однако смотреть на тело настоятельно не рекомендую. В качестве старшего следователя по делу детектив-инспектор Рэфик присутствовала на вскрытии и знает о причинах моего возражения. – Она поднимает руку, не давая мне перебивать. – Тем не менее детектив также уведомила меня об обстоятельствах дела, и я вас понимаю. Прежде чем получить мое согласие, внимательно послушайте, что я скажу.

– Хорошо.

– Обычно, когда мы находим тело в заливе Форт, это происходит потому, что газы, образовавшиеся в ходе разложения, выталкивают его на поверхность. Однако ваша сестра пробыла под водой целых тринадцать дней, и, помимо обычных процессов гниения, тело подверглось ряду других трансформаций и травм. Вы должны об этом знать и понимать, что именно вас ждет, прежде чем я разрешу ее увидеть.

Впервые со звонка Логану я в полной мере осознаю, что впереди – самое худшее зрелище в моей жизни. И хотя с самого утра меня бьет нервная дрожь, сейчас она внезапно стихает.

– Когда тело находится в воде достаточно долго, оно подвергается естественному консервирующему процессу, известному как омыление. В результате образуется адипоцир, или жировоск, и бóльшая часть тканей становится похожей на воск – они мягкие, хрупкие и сильно деформированные. – Доктор смотрит на меня. – Представьте старую свечу или кусок мыла на веревке.

– Ладно, тут все ясно, – вмешивается Рэфик, кладя мне руку между лопатками. – Разве обязательно вдаваться в такие подробности?

– Она должна знать, о чем просит, – строго замечает доктор Макдаф и пристально смотрит на меня. – Голова, особенно лицо, обычно страдает больше всего. Поэтому для опознания мы почти всегда полагаемся на ДНК. Губы Эллис, уши, нос и гортань подверглись колонизации съедобных морских хищников и были частично ими разрушены. Повреждения довольно значительные.

Понятия не имею, кто такие «съедобные морские хищники», но спрашивать не хочу.

– Ясно.

– Кэт, – говорит Рэфик, медленно глядя меня по спине. Глаза у нее такие черные, что зрачков не видно, между бровями залегли две глубокие складки. – Вы слышите? Смотреть на тело бесполезно. Вы не узнаете свою сестру. Я настоятельно рекомендую – точнее, мы обе, – чтобы вы отказались.

Я отшатываюсь подальше от заботливых рук и встревоженных взглядов. Мне больше нравилось, когда она была холодным роботом, называвшим меня Кэтриона. Ее внезапная доброта здорово пугает.

– Я хочу ее увидеть!

– Ладно, – соглашается доктор Макдаф. – Подождите здесь, я велю санитарам ее привезти.

Она уходит, и я судорожно вздыхаю.

– Кэт...

– Я уверена! – восклицаю я дрожащим голосом.

Рэфик сжимает мое плечо и подходит к шторе. На панели выключателя рядом с дверью загорается зеленый огонек.

Надолго задерживаю дыхание и никак не могу вдохнуть воздуха. Дрожу, шею и лопатки свело судорогой. Нижняя губа пульсирует от боли, я чувствую вкус крови.

– Я уверена.

Рэфик коротко кивает и медленно отодвигает штору, за которой – хорошо освещенная комната. Закрываю глаза, снова открываю. Я должна знать! И тогда я вижу тело...

Волос нет – скальп совершенно лысый. Сверкающий, кремового цвета, в складках. Первым делом я думаю об алтарной свече, оплившей и разошедшейся асимметричными волнами. Нос – просто дыра, черный лабиринт синусовых ходов. Век нет, глаз нет. Зубы скалятся в безгубой усмешке. Под ними – восковая серая шея и синяя хирургическая простыня, из-под которой виднеются черные стежки сшитого разреза, идущего от ключиц вниз. Пытаюсь представить тело под тканью, такое плоское и неподвижное...

Наконец отшатываюсь от окна, и Рэфик ведет меня к двери. Теперь я вовсе не против ни ее прикосновений, ни внезапной доброты. Ноги подгибаются, инспектор притягивает меня к себе, и мы вместе опускаемся прямо на кафельный пол. Я изливаю весь скопившийся ужас и стыд, разражаясь всхлипами, криками, рвотными позывами, и пачкаю ее аккуратный черный пиджак.

* * *

– Возьмите.

Беру чашку из рук инспектора. Чай слишком горячий и сладкий, но я все равно пью. У нее в кабинете холодно. Дорогу от морга до полицейского участка я не запомнила. Меня тошнит, голова раскалывается, глаза так опухли, что я почти ничего не вижу.

– Вы уверены, что справитесь? Может, вам нужен доктор или...

– Как она умерла? Я и не спросила...

Рэфик смотрит на меня и разводит руками.

– Мы точно не знаем. У нас одни гипотезы, доказательств нет. Самые очевидные причины смерти – утопление или гипотермия, но... Ткани легких сильно повреждены, крови не осталось, поэтому подтвердить ничего нельзя.

«Съедобные морские хищники», – вспоминаю я и вижу черный провал носа, дыры на месте глаз...

– Зато в костном мозге Эл мы обнаружили высокий уровень диазепама, флуоксетина и оксикодона.

Вспоминаю флаконы с таблетками за зеркалом в ванной.

– Достаточно, чтобы ее убить?

– Полной уверенности у нас нет. Время, в течение которого токсины откладываются в костях, нельзя определить точно, к тому же в костном мозге их, как правило, находится больше, чем в образцах крови. – Рэфик подается вперед. – Оксикодон – опиоид, его прописывают как сильное обезболивающее, и он эффективнее морфина. Врач Эл никогда не назначал ей ничего подобного. Вы не в курсе, были ли у вашей сестры проблемы с наркотиками? Не принимала ли она их для развлечения – например, на вечеринках?

– Нет, конечно, нет! – Я не могу поверить, что Эл принимала опиоиды или валиум. Ей даже пить не нравилось! Сестра никогда не рисковала, чтобы не утратить над собой контроль. Смотрю на стол Рэфик, на фото улыбающегося мужчины в медицинском халате. – Значит, ее убили таблетки?

– В той или иной степени они поспособствовали ее смерти.

Вспоминаю, как стояла на холодном мокром камне, смотрела на восточный волнолом и каменные дома, на белогривые волны высокого прилива и ровную гладь Северного моря. Я думала о том, что сюда мы когда-то убежали из дома, а потом отсюда исчезла Эл. Я ошиблась. Все это время она была здесь, под порывами ветра, под дождем и серыми волнами, в черном подводном мраке залива.

– Когда вы поднимете яхту? – наконец спрашиваю я. – Для экспертизы или как там это называется? Ведь кто-то вынул сливную пробку и просверлил в корпусе дыры, снял мачту и...

– И вывел из строя гальюн, – добавляет Рэфик таким тоном, что я сразу понимаю: она вовсе не на моей стороне. – В результате тот впускал воду, а не сливал.

За окном тягостный белый день, виднеются готические и стальные башни, вдаль – поросшие зеленью холмы. Я делаю глубокий вдох, словно собираюсь нырнуть в воду.

– Эл себя не убивала! Она ни за что не покончила бы с собой.

– Вы это уже говорили, однако в две тысячи пятом...

– Черт побери, да она вовсе не собиралась тогда с собой кончать! Эл просто хотела напугать Росса и заставить меня уехать! Она приняла ровно столько парацетамола, чтобы угодить в больницу и... – Я умолкаю и пытаюсь взять себя в руки. – Росс тоже не верит, – добавляю, впрочем, без прежней уверенности. – Мы этого так не оставим, даже не рассчитывайте! Эл убили! Я точно знаю.

Рэфик не напоминает, что недавно я утверждала, будто Эл жива, но это читается в ее взгляде.

– Послушайте, – говорит она, – ни Бюро по расследованию происшествий на море, ни Министерство охраны окружающей среды Шотландии не станут финансировать подъем яхты. Это не коммерческое судно, и мы уже знаем, как...

– Значит, вы оставите ее там гнить?

– Иногда департамент уголовного розыска получает средства на дальнейшее расследование убийства, только это не наш случай.

Уверенность в ее голосе так бесит, что хочется швырнуть что-нибудь в стену.

– А как же открытки? Эл угрожали, да и мне тоже! Мне прислали еще, могу показать. В сарае я нашла ее каяк! И я получала...

Рэфик качает головой, поднимает руку.

– Вряд ли открытки связаны с тем, как погибла Эл. Мы их внимательно изучили и проверили всех подозреваемых, которых смогли назвать Росс с Эл. Непосредственной угрозы жизни открытки не обещали. В любом случае их автор пытался навредить Россу, и мы занялись им. Выяснилось, что супруги Маколи не ладили. Возможно, Эл или Росс встречались с кем-то на стороне. Люди обожают совать нос в чужие дела.

Я потрясена, расстроена, загнана в угол. Столько дней я переписывалась с Эл по электронной почте, злилась на нее, а теперь выясняется, что на самом деле это была Мышка... Если Росс прав и открытки тоже от нее, то я должна сообщить инспектору. Мышка наверняка причастна! Судя по письмам, она с самого начала была в курсе происходящего. «Я кое-что знаю. Он не хочет, чтобы это узнала ты. Эл мертва. Я могу тебе помочь». А как же сообщение от Росса на телефоне Мари? «Держись от нее подальше, не то пожалеешь...»

– Кэтриона! – Рэфик берет меня за руки. – Выслушайте, прошу вас. Предыдущая попытка Эл покончить с собой, ее депрессия и таблетки,

которые она принимала на момент исчезновения, оставленный дома кошелек, телефон, паспорт, обнаружение яхты совсем в другом месте, нежели она говорила служащему клуба, – все это свидетельствует либо о несчастном случае, либо о суициде. Вероятно, мы так никогда и не узнаем, что именно с ней произошло. Мне очень жаль, правда!

У меня просто голова кругом. Если расскажу Рэфик про письма, то придется рассказать и про Зеркальную страну, и про дневник Эл. Мне придется рассказать ей и о том, что случилось четвертого сентября девяносто восьмого, а я не могу.

Мне хочется встать и выбежать вон. Расследование должно продолжаться, однако Рэфик всеми силами пытается его свернуть. Если я ничего не предприму, то навсегда останусь с этой свинцовой тяжестью в груди, с ужасной пустотой на сердце, в которую канет все, что было в моей жизни исключительного. Я больше не смогу чувствовать себя особенной, одной на сто тысяч детей, редкой, как совиный козодой или калифорнийский кондор. Я больше не смогу лежать в постели с температурой и одновременно летать, ощущать дуновение ветра, щекотку листьев и веток, ужас падения, боль удара о землю, чудо узнавания. Я больше не смогу быть половинкой целого, перестану помнить о днях, часах, минутах, которые оставались до того, как мы едва не слились в одно существо, как песок и известняк сплавляются в стекло. Не хочу, чтобы внутри осталась лишь невыносимая пустота! Не хочу смириться с тем, что всю жизнь прожила во лжи, что мы с Эл вовсе не особенные, что сестра умерла, а я этого даже не почувствовала, что я смогу выжить одна в этом огромном мире...

Я снова плачу. Кашляю, рыдаю, свернувшись калачиком на полу и вцепившись в ножки стула, как ребенок.

Анна права. Я все сделала неправильно! Я подвела Эл. Хуже того, я предавала ее всеми возможными способами: встречалась с ее парнем, ненавидела, не верила, бросила ее... Много лет думала о сестре лишь плохое, в то время как сама трусила и сбежала. И я даже не могу добиться для нее правосудия! Просить прощения уже не у кого...

* * *

Рэфик даже не пытается меня успокоить. Она ждет, пока не утихнет горе, потом помогает мне сесть на стул и достает из ящика стола бутылку виски.

Я выпиваю залпом, и она тут же наливает еще. Меня трясет, тело скручивают судороги.

– Эл всегда хотела, чтобы ее кремировали... – шепчу я.

– Готовиться к похоронам еще рано, – заявляет Рэфик. – Сначала окружной прокурор должен изучить наш отчет и заключение судмедэксперта, проводившего вскрытие, и дать свое заключение. Если Эл хотела быть кремированной, то это возможно лишь с одобрения прокурора.

– Почему? Если это несчастный случай или, как вы говорите, самоубийство, то зачем...

– Независимо от того, что мы знаем или думаем, нужно собрать все доказательства и изложить их должным образом, как полагается при рассмотрении любого дела. – Она смотрит мне прямо в глаза. – К тому же в данном деле есть некие нестыковки. Я назвала бы их необычными обстоятельствами.

Я выпрямляюсь.

– Какие такие обстоятельства? Почему вы не говорили об этом раньше?

И вдруг я снова ловлю на себе тот самый пристальный взгляд, которым инспектор смотрит на меня уже несколько дней.

– Сейчас существует множество способов установления личности, но мы всегда следуем одному и тому же протоколу: личные вещи, особые приметы, визуальное опознание, стоматологический статус, ДНК. – Рэфик смотрит мне прямо в глаза. – В случае с Эл, как сказала доктор Макдаф, разложение тела и прочие повреждения настолько серьезные, что особые приметы и визуальное опознание невозможны.

У меня снова перехватывает дыхание, как в морге, и я не могу ни вдохнуть, ни выдохнуть.

– Я знаю, Кэтриона, для вас это очень травмирующий опыт, но мы с вами хотим одного и того же: закрытия дела. Поэтому нужно разобраться с этими... нестыковками.

Я молчу. Рэфик подается вперед и едва не касается меня.

– Кэтриона, помните, я хотела задать вам несколько вопросов?

Я не киваю, хотя и помню. Мне ясно, о чем будут эти вопросы. Мне ясно, что стоит за ее косыми взглядами и многозначительными паузами. Инспектор долго ждала своего часа, и вот я попалась.

– После того как водолазы подняли личные вещи погибшей, мы занялись также ее зубным статусом. Кэтриона, как вы думаете, что мы обнаружили?

Я нервно сглатываю.

– Мы вообще не обнаружили никаких зубных карт Эл. – Рэфик невесело улыбается. – Я поручила Логану собрать более подробную информацию, пока идет исследование ДНК. Самые общие сведения: место рождения, родители, школа. И знаете, что мы нашли, Кэтриона?

Голос все еще добрый, но слова она чеканит.

Я ухитряюсь помотать головой.

– Ничего. Мы не нашли ровным счетом ничего. – Я закрываю глаза. – Потому что до пятого сентября девяносто восьмого года ни Эл, ни вас словно и не существовало.

Глава 21

Мы с Эл сидим, скрестив ноги, на кровати в кафе «Клоун». Эл – в блестящих панталонах на подтяжках в горошек, я – в клетчатом комбинезоне и оранжевом парике. Наши лица набелены, мое раскрашено, как у грустного Дики Грока, у Эл – ярко-красный рот как у жутковатого весельчака Пого.

Мы с Эл сидим за пластиковым столиком в американском кафе пятидесятих годов. Пьем черный кофе и кушаем пончики. Пого развалился рядом с нами, Дики Грок стоит у фритюрницы. Музыкальный автомат играет *Teddy Bear, Love Me Tender, Blue Moon of Kentucky*^[12]. Я шепчу Эл: «Когда нам можно будет уйти?» Потому что на самом деле мы с ней не клоуны, и они могут об этом догадаться. Клоуны – умные и страшные и совсем не похожи на людей. Это отдельный вид. Всем известно, что клоуны ненавидят людей. Огромная красная ухмылка Эл говорит: «Еще рано». Эл больше пугает Зубная Фея, а все знают, что Зубная Фея ужасно боится клоунов.

А вот Синяя Борода – нет.

* * *

В кафе слишком жарко, людно, шумно. Гул голосов, скрип стульев, скрежет кофейных зерен в кофемолке и громкое шипение пара. Я смотрю в запотевшее окно во всю стену: по улице плывут зонтики, спешат по своим делам укутанные в плащи прохожие.

– Подумать только, снег в апреле! – ворчит Рэфик, усаживаясь и придвигая ко мне большую чашку капучино и три пачки печенья «Бурбон».

Я грею руки об чашку. За столиком позади нас вскрикивает ребенок и оглушительно орет младенец.

– Поешьте, – уговаривает Рэфик.

В животе камнем лежит тошнота. Начинает плакать еще один ребенок.

– Никогда не хотела своих детей, – признается Рэфик, закатив глаза. – Не считая странного дня в две тысячи шестом. А потом – тик-

так, и мои часики встали навсегда, слава богу!

Я молчу, глядя на нее. Инспектор ставит чашку на стол и сцепляет руки в замок.

– Послушайте, я вовсе не хочу причинять вам еще больше страданий, и все же мы должны кое-что прояснить. – Она умолкает. – У вас с сестрой нет ни свидетельств о рождении, ни больничных записей. Первый официальный документ, в котором вы упоминаетесь, – отчет констебля Эндрю Дэвидсона, датированный пятым сентября девяносто восьмого года. В нем говорится, что вы убежали из дома и вас обнаружил некий Питер Стюарт шестидесяти шести лет, проживавший в доме десять по Мердаик-плейс. И когда мы с Логаном изучили этот отчет поподробнее, знаете, что показалось нам еще более странным?

Горячая чашка обжигает кожу.

– Мистер Питер Стюарт нашел вас в гавани Грантон.

Пальцы покалывает, словно я все еще чувствую тепло Эл, ее крепкую хватку. Запертый в гавани ветер с Северного моря пронизывает меня до костей, вздымает волны, гремит мачтами и буями. Вместо белого неба, с которого сыпется снег, я вижу багряный рассвет, расплзающийся по водной глади как кровоподтек. Как кровь – кислая, темная и проворная.

– В двенадцать лет вы обе появляетесь в гавани Грантон буквально из ниоткуда. Вы отказываетесь сообщить о себе что-либо, кроме имен. Вас никто не заявляет в розыск и не ищет, причем у обеих есть травмы, указывающие на физическое насилие. Ваших имен нет ни в одной книге записей актов гражданского состояния. Вас не существует!

Инспектор снова умолкает, откидывается на спинку стула и ждет. Я молча сижу и смотрю в окно. Метель усиливается.

– Итак, что же случилось дальше? Социальная служба отправила вас в приют, где не задавали лишних вопросов, и у вас началась новая жизнь?

Еще как задавали! Просто мы отказывались отвечать, а потом, когда стало ясно, что нас не удочерят, нам помогли оформить документы. Мама всегда твердила, что наша фамилия – Морган. В честь короля пиратов, который нас бросил. В честь отца, которого мы никогда не видели. Я смотрю, как хлопья снега исчезают, коснувшись мокрого тротуара.

– Ладно, Кэт. Давайте начнем вот с чего: почему у Эл нет стоматологической карты?

Я закрываю глаза и пытаюсь унять дрожь.

– Она боялась зубных врачей.

– Ясно.

– Эл всегда трепетно относилась к гигиене. Мама нас приучила. Еще в Роузмаунте Эл отказывалась ходить к зубному. – Я сглатываю. – Похоже, с тех пор ситуация не изменилась.

– Почему?

Мимо нашего столика проходит женщина с орущим младенцем, который пытается высвободиться из слинг-шарфа у нее на груди.

– Зубы нам выдерживала мама. Ну, вы знаете, как это делают все родители. – Я бросаю взгляд на Рэфик, но она смотрит на меня без всякого выражения. – Если зуб шатался, она обвязывала его ниткой, другой конец прикрепляла к ручке и захлопывала дверь. Обычно это помогало. Если же зуб держался крепко, мама просто вынимала его плоскогубцами.

Рэфик хмурится.

– Молочный зуб?

– Как правило. И потом пару раз, когда мы уже подросли. Если зуб был совсем дырявый или начинался абсцесс.

– О боже!

– Родители иногда так делают.

– Нет, Кэт, не делают.

Вспоминаю крики Эл. Я стучу в запертую дверь ванной, чувствуя ее страх, боль, беспомощность. Я помню, каково это – полный рот крови, которую сплевываешь не один день. Я помню ужас, который тебя охватывает, стоит слышать скрип ящика в кухонном шкафчике, где лежат плоскогубцы с загнутыми кончиками.

– Мама боялась клоунов. – Я пытаюсь рассмеяться и давлюсь кашлем. – Она много чего боялась, но клоуны буквально вселяли в нее ужас. Наверняка у этой фобии есть какое-то название, только я так и не удосужилась посмотреть. В общем, Эл придумала вот что: если у одной из нас болел зуб, мы наряжались в клоунов, чтобы мама не могла... Ну, вы поняли. Дедушка счел это отличной забавой и купил нам костюмы. Он твердил, что мама слишком боится всего, и мы вслед за ней станем такими. – Раздается громкий треск, и я внезапно осознаю, что сижу,

хрустя суставами пальцев. – Мы рисовали на зеркале в ванной предупреждение – рожицу клоуна, – потом надевали костюмы, раскрашивали лица и прятались в комнате для гостей; мы называли ее кафе «Клоун». Иногда даже по несколько дней – пока не проголодаемся, не захотим пить или пока нам не надоест. И мама никогда туда не заходила.

– О боже... – повторяет Рэфик.

– Мама не виновата. – Я вспоминаю ее измученное, не улыбочное лицо, ее бесконечные сказки, истории, уроки, предупреждения. – Она просто... тревожилась за нас. Хотела, чтобы мы были в безопасности. И она, и дедушка. Зачем вам все это знать?

– Почему она не водила вас к зубному? Что делала, если вы чем-нибудь болели?

Я вспоминаю, как лежала в постели и гадала, можно ли умереть от гриппа. Вспоминаю черно-синюю лодыжку Эл после того, как та свалилась со Старины Фреда. Когда нога зажила, на ней остался узловатый бугорок, и мы с сестрой перестали быть совершенно одинаковыми.

– Ждала, пока мы поправимся.

– Мама с дедушкой никогда не водили вас к врачу, верно? Просто не могли – у вас сестрой не было документов. Поэтому и с зубами сами справлялись... А как насчет школы?

– Мы получали домашнее образование – мама была прекрасным учителем. – Вспоминаю кладовую, оклеенную обоями с оранжевыми и желтыми нарциссами, деревянную парту у окна, выходившего на задний двор и сад. «Буря», «Граф Монте-Кристо», «Джейн Эйр», «Скрюченный домишко». Помню, как мы лежали в Башне принцессы, и мама рассказывала нам про Белоснежку и Алоцветика, Синюю Бороду, Черную Бороду и короля пиратов.

– Вас держали взаперти?

– Нет. Нет! – И тут я вспоминаю кривые гвозди, вколоченные в каждый подоконник, замок на красной двери, который без ключа не откроешь. Порывисто встаю, громко чиркнув задними ножками стула по полу.

Рэфик хватается меня за руки и усаживает обратно.

– Вам разрешали выходить на улицу?

– Да, мы играли на заднем дворе...

– А за пределами ограды?

– Нет, но...

– Вы когда-нибудь виделись с другими людьми, кроме мамы и дедушки?

– Да! – Первым делом я вспоминаю не про Росса или Мышку, а про Ведьму: высокую, тощую, полную черной злобы.

– С кем? – Блеск в глазах Рэфик – единственный признак того, что она вовсе не так спокойна, как хочет показать, и меня это пугает. Я точно знаю, какое имя она ожидает услышать.

Я трясую головой и снова пытаюсь подняться, только ноги не слушаются.

– Где был ваш дом, Кэт?

Я не могу пошевелиться, у меня стучат зубы.

– Кэт, все хорошо. Попробуйте расслабиться. – Рэфик кладет ладони на стол между нами, делает глубокий вдох. – Ладно, скажу сама. Нам известно почти все, но кое о чем остается лишь догадываться.

Я молчу и смотрю в никуда.

– В сентябре девяносто восьмого я была простым тупоголовым констеблем, работала в Ист-Энде Глазго. Тогда там ничего особо интересного не происходило, как и здесь, полагаю: сплошь наркотики и пьянство. Однако после того, как мы с Логаном прочли отчет от пятого сентября, мой коллега, который работал тогда в Лейте, кое-что вспомнил. Утром пятого сентября поступил анонимный звонок от неизвестного юноши, направившего офицеров по адресу на Уэстерик-роуд. Это всего в трех милях от гавани Грантон. И когда полиция прибыла на Уэстерик-роуд, тридцать шесть, и наконец проникла в дом, то что же они обнаружили?

Я ничего не отвечаю.

– Они обнаружили два трупа, мужчины и женщины. Убийство и самоубийство, как сочли тогда. – Инспектор смотрит на меня, ожидая ответа. Я изо всех сил пытаюсь себя не выдать. – Я заинтересовалась этим юным анонимом и велела Логану проверить всех, кого опрашивали в связи с тем делом. И представьте мое удивление, когда всплыло имя Росса Маколи, жившего в соседнем доме, под номером тридцать восемь! – Она умолкает и смягчает тон, которым, видимо, пользуется на допросах. – Вот что мне известно, Кэтриона. Хотите расскажу, о чем я догадываюсь?

Я отрицательно мотаю головой.

– Я всего лишь хочу прояснить ситуацию. Прошло почти двадцать лет, вы с сестрой были детьми. Причем детьми, у которых выдалось весьма тяжелое детство. – Она смотрит на меня, ожидая возражений. – Похоже, полиция даже не связала вас с происшествием на Уэстерик-роуд, тридцать шесть. Кстати, в первом отчете из гавани Грантон Питер Стюарт заявил, что на одной из девочек был окровавленный свитер. В то же время констебль Дэвидсон свидетельствует, что Питер Стюарт был в стельку пьян, и следов крови на девочках не обнаружили. Кроме того, судя по обыску в доме тридцать шесть, там жили только жертвы. В результате загадка девочек-близнецов, возникших из ниоткуда и никому не нужных, со следами побоев, так и осталась загадкой. А теперь молодую женщину, у которой есть сестра-близнец, проживавшую по тому же самому адресу, где произошло убийство и самоубийство, находят мертвой после того, как она вышла на яхте из той же самой гавани... Возможно, я немного опережаю события, и все же я давно не тот тупоголовый стажер-констебль и точно знаю: совпадения иногда случаются, но не в таких же количествах!

Я пытаюсь вдохнуть и не могу. Пытаюсь заговорить и не знаю, что сказать.

Рэфик смотрит на меня с жалостью, откидывается на спинку стула и улыбается.

– Вряд ли вы в чем-то виновны, Кэт. Тем не менее я должна выяснить, как все было, потому что кто-нибудь непременно докопается до истины. И когда это произойдет, защитить вас смогу только я. Чтобы, так сказать, подвести под этим делом черту, придется многое объяснить. Итак, назовите мне имена двух человек, которых обнаружили мертвыми в доме номер тридцать шесть по Уэстерик-роуд.

Я не могу усидеть на месте – мне хочется сбежать, спрятаться. Мне хочется, чтобы все поскорее закончилось. Мне хочется рассказать ей...

– Наверное, вы и так уже знаете. Зачем...

– Так нужно. Я думаю, вы обе были там. Я думаю, вы с Эл там жили и стали свидетелями их гибели в ту ночь. Поэтому и убежали. Мне нужна правда, причем от вас. Вы их знали?

– Да, – шепотом отвечаю я. Раздается детский плач, шипение пара, ножки стульев скребут по полу, сердце колотится в груди. Пахнет

промокшими плащами и зонтиками, кофе и пончиками. За окном падает снег, небо белое, тротуары мокрые и скользкие, по улице спешат укутанные с головы до ног прохожие. Рэфик смотрит на меня блестящими глазами. Теперь я понимаю, что за пристальным взглядом всегда таилась неподдельная забота. Инспектор тянется к моим кулакам и крепко сжимает их в руках.

– Назовите мне имена, Кэт.

Я сглатываю, смотрю на нее до тех пор, пока все остальное не меркнет.

– Нэнси Финли и Роберт Финли, – шепчу я, но имена звучат очень громко.

– Ваши мама и дедушка?

Нет, думаю я. Зубная Фея и Синяя Борода.

Глава 22

Дома в кои-то веки пусто. Стоит зловещая тишина, повсюду теснятся воспоминания. Я стою в прихожей и смотрю на закрытые двери, на дедушкины часы, на столик с телефоном, на темную изогнутую лестницу, на зеленые и золотистые лучи на мозаичных плитках, на черную занавеску, за которой прячутся кладовая и вход в Зеркальную страну. Я разглядываю тарелки на стенах: вьюрки, ласточки, малиновки на ветвях с листьями, на голых ветвях, на заснеженных ветвях. Так и слышу мамин голос: «Есть такая птичка, называется великолепный золотистый куррэ, и она самая умная из всех пернатых. Куррэ расправляет крылышки и улетает далеко-далеко. Потом садится на новом месте и начинает новую жизнь, словно прежде ничего и не было. Как гусеница, которая превращается в бабочку. Единственное, что птичка знает и помнит, – то, что есть здесь и сейчас. Не будь как я, Кэтриона. Будь как она! Никогда не бойся летать».

Я прислоняюсь к стене, чтобы не упасть. Все это время я притворялась, что двенадцать лет назад улетела, что двенадцать лет назад моя жизнь началась заново. Но это ложь. Никуда я не улетела, потому что постоянно помнила, кем была, и воспоминания, которые я взяла с собой, составляли лишь половину целого. Все доброе, хорошее и волшебное превратилось в печаль и укус; оно преследовало меня гораздо в большей степени, чем наш дом с призраками. Снова войдя через красную дверь, я испытала вовсе не страх, не ужас, не предчувствие беды. Я освободилась из-под гнета и испытала необычайное облегчение. И этим я обязана правде!

Другая правда в том, что мне нужно выпить, причем немедленно. На кухонном столе – полупустая бутылка дешевой водки, бокал и записка.

«Кэт, я скоро вернусь. Решил немного побыть один. Прости, что не смог поехать с тобой. Люблю, целую».

Я сажусь, наливаю себе водки.

Другая правда в том, что я думала, точнее, была совершенно уверена в том, что Эл жива. В том, что это не ее тело. В том, что сестра

спаслась. В том, что синий каяк «Гумотекс» в сарае оставила она. И дело вовсе не в ненависти или обиде – просто это была правда. Некоторые черпают силу в мужестве, стойкости, надежде. Росс прав: я всегда искала ее в отрицании.

Еще одна правда. Дедушка был худшим и лучшим из всех, кого я знала. Качаю головой. Полуправда. Выпиваю еще, смотрю на доску с колокольчиками, на выгоревшие буквы и цифры. «Я хочу, чтобы ты вспомнила. Я хочу, чтобы ты захотела вспомнить». Не хочу вспоминать, но придется. То, как я предавала Эл – лгала, тайком встречалась с Россом, ненавидела ее, убежала, – всего лишь симптомы, а не сам недуг. Я предала сестру решительно и бесповоротно, когда стала отрицать наше прошлое, забыла его и сделала вид, что ничего и не было.

«На любом судне найдется свой поганец, а если его нет, то поганец – ты». Дедушка носил огромные бакенбарды, от него пахло трубочным табаком, он громко смеялся, обнажая удивительно белые зубы, и пользовался слуховым аппаратом, который ничуть не помогал. Старый морской волк, бальзам от маминых бесчисленных фобий. Дедушка любил солнце и оранжевый «Тик-так», проводил лето напролет в саду, плетя с нами венки из маргариток или строя крепости из подушек под лестницей. К нему всегда можно было прийти за утешением, за лаской, за поддержкой. «Не горюй, девонька, никто у нас пока не помер. А все остальное – такая ерунда!»

Но Синяя Борода был тираном. Синяя Борода любил ночь и темный ром. Он хвастался, что утопил своего старого приятеля Ирвина ради того, чтобы получить свободу, страховку, дом, полный тьмы и призраков. И он забил длинные гвозди в окна – окна с маленькими стеклышками и толстыми рамами, с решетками внутри, – чтобы всё и вся в доме принадлежало только ему одному. Синяя Борода бранился и нес чушь, гонялся за нашей матерью с кочергой по всему дому, называл нас мелкими паршивками, и весь дом содрогался от ужаса. Синяя Борода обожал, когда его ненавидели и боялись; ему безумно нравилось быть нашим худшим кошмаром.

Я стою и смотрю на кафель перед кухонной плитой. Не могу и думать про слова Рэфик – убийство и самоубийство. Зато могу вспоминать, как все было раньше. Не каждую ночь, но часто. А потом все чаще и чаще, пока передышки не кончились...

Вспоминаю, как лязгал и поворачивался замок на красной двери, словно на камерах в Шоушенке. Снова и снова, привычно и обыденно. «Бывалый моряк не покинет порт в пятницу». Вместо этого он отправится в Миссию и будет пить ром на суше. И всякий раз, когда дедушка закрывал красную дверь, оставляя нас взаперти, мама посылала нас в прихожую – слушать колокольчики. Сама она ходила по дому, дергала за шнуры в разных комнатах и заставляла меня с Эл записывать карандашом, откуда они раздавались. Потом стирала наши каракули, и в следующую пятницу учения продолжались. Не было это ни игрой, ни проверкой наших телепатических способностей! Мама учила нас различать звонки, чтобы в случае опасности предупредить, где именно находится Синяя Борода.

А потом мы много часов носились по лестницам, по коридорам, прятались под столами и кроватями, в шкафах и буфетах, в Зеркальной стране. Мы с Эл смеялись и перешептывались, наши сердца бились быстро и весело, потому что эти учения были всего лишь мамиными тренировками, то есть ненастоящими. Мы готовились вовсе не к пожару, не к внезапному налету противника, не к ядерной войне. «Бегите скорее! Он идет!» Мы готовились к возвращению Синей Бороды.

После заката мы с Эл лежали в постели, держась за руки, и боролись со сном. В иные ночи не происходило ничего, и мы просыпались под щебет птиц в лучах солнца. Но если в темноте раздавался протяжный звонок, то мы вскакивали, уже одетые, и ждали следующего. Узнать кухню легче всего, потому что там нет своего колокольчика, и мама дает два коротких звонка в гостиную. Хорошо, если так, потому что в кухне – его запасы рома. Мы тихонечко спускались по лестнице, замедляя шаг возле подножия. Мама всегда старалась закрывать дверь, где бы они ни находились: мы слышали ее голос, высокий и дикий, как звонок в Тронном зале, как смех чужака, и быстренько огибали дубовый столб, мчались мимо Берлинской стены, мимо оранжевых и желтых нарциссов, прямо к посудному шкафчику. Отыскивали свои фонарики и освещали синеву, зелень и желтизну Острова, закрывали задвижку и ползли в темноту. В Зеркальную страну. В такие ночи мы всегда поворачивали на восток – к широкой палубе и высоким мачтам «Сатисфакции» – и ждали, что капитан Генри придет нам на помощь, сражаясь с фрегатами и бригантинами, в

оглушительном грохоте пушек и мушкетов, криков умирающих и в реве шквалистого ветра.

Иногда по ночам – все чаще и чаще – Синяя Борода хотел нас, а не маму. Колокольчики звонили слишком часто и быстро. Он отключал свет, с тяжелым металлическим лязгом опуская рычаг на щитке, и мы видели лишь Мертвые огни, которые искали нас, ревели наши имена, настигали нас. Иногда он брался за кочергу, иногда за ремень с массивной пряжкой, а чаще всего ему хватало кулаков. В такие ночи мама не просто предупреждала нас об опасности – она нас спасала. Наутро мы делали вид, что ничего не случилось. Этого требовал Синяя Борода. И мама. И Зеркальная страна...

Меня трясет. Я очень замерзла. Помню, как скрючившись сидела в шкафу в кафе «Клоун», сама не своя от ужаса. Потому что кафе «Клоун» не способно защитить нас, как Зеркальная страна. Там можно только спрятаться, спастись – нельзя... На лестнице раздается грохот ботинок, он все ближе. Дверца открывается, мертвенный свет фонаря бьет в лицо, дедушка ухмыляется во весь рот. Запах табака и рома. Огромная рука хватается меня за волосы. Огромная рука хватается Эл за плечо, и я слышу, как буквально стонут ее кости. «Ну все, теперь я прибью вас обеих, паршивки неблагодарные! – Хитрый прищур, оценивающий взгляд. – Или, может, вам уже пора начать отрабатывать свой хлеб?»

Я помню мамин голос, пронзительный и высокий: «Нет! Не смей! Они же еще дети! Лучше возьми меня!» Мы с Эл вцепились друг в друга и плачем, надеемся, молимся, чтобы он взял ее, и вжимаемся в заднюю стенку шкафа, мечтая спрятаться еще глубже, исчезнуть совсем.

В густой, звенящей тишине я слышу, как открывается калитка. Моментально прихожу в ярость и несусь сломя голову, готовая на все, лишь бы спастись от правды, обрушившейся на меня словно лавина, ужасный оползень, огромная волна – высокая, широкая и ослепительно яркая. Бегу по прихожей, распахиваю дверь настежь и вижу на коврике открытку с моим именем, написанным большими буквами. Вылетаю на крыльцо и бросаюсь вниз по ступенькам.

Мари застывает, и ужас на лице придает ей сходства с уродливым ребенком. Она приходит в себя быстрее, чем я, захлопывает калитку и бежит через дорогу к Пряничному курятнику.

На этот раз я действую не раздумывая. Мари уже закрывает дверь, но я вламываюсь к ней, скрежеща зубами. Она вскрикивает, дверь поддается, и я влетаю в дом.

Соседка пятится по крошечной прихожей в сторону кухни, потом прислоняется к столешнице, тяжело дыша. Она поднимает взгляд, и в нем читается вызов. Мари косится на большой нож со стальной рукояткой и снова на меня. Наверное, ее стоит опасаться.

– Зачем вы подбрасываете эти дурацкие открытки? – Мари сжимает губы, и я через силу подхожу к ней ближе. – Чего вы добиваетесь?

Мари складывает руки на груди.

– Я не хотела, чтобы Росс навредил вам. – Она со вздохом опускается на стул, и печаль в ее глазах бесит меня до невозможности. – Присядьте, Кэтриона, – велит она. – Присядьте, и я все вам расскажу.

Я устала делать, что мне велят, и продолжаю стоять.

– *D'accord*^[13]. – Она снова вздыхает и распрямляет плечи. – Меня зовут вовсе не Мари Бернар. Я не из Парижа. В девяностых я заплатила кучу денег, чтобы приехать сюда из Демократической Республики Конго. – Она смотрит на меня. – Я любила свою страну, очень любила. Ее девиз – «*Justice, Paix, Travail*»^[14]. Я очень тяжело трудилась, чтобы жить здесь, и когда смогла переехать, то обрела мир. Осталось только позаботиться о справедливости.

– При чем здесь справедливость?

– Я помогаю людям. Точнее, женщинам. – Она опускает взгляд на изуродованные шрамами руки. – Анна заметила у Эл синяки. Мы видели, как меняется ее характер, привычки, как в глазах появляется страх. Муж пытался контролировать каждый ее шаг.

– И только поэтому вы решили, что Росс ее истязает? Да как вы посмели...

– Нет. – Женщина закатывает рукава блузки, обнажая шрамы, которые тянутся выше локтей, растягивает в стороны ворот, демонстрируя обожженную кожу на шее и ключицах. – Вот почему. То, что случилось со мной в Конго, говорит само за себя.

– Росс вовсе меня не истязает, – заявляю я уже менее запальчиво. Похоже, эти отвратительные шрамы пригасили мой гнев.

Мари улыбается.

– Эллис поначалу говорила то же самое.

Я качаю головой.

– И сколько раз вы уже это проделывали?

Она задирает подбородок.

– Много.

– Зачем вы запугиваете жертв насилия? Разве это им помогает?

В улыбке Мари проскальзывает жалость, и мне хочется отвесить ей пощечину.

– Увы, другого обращения они не понимают.

– Эл так и не узнала, что это были вы?

– Она его боялась.

– Я вам не верю!

– Она хотела бежать с моей помощью, потом передумала. Сказала, что не может, но объяснять ничего не стала.

– Мари, черт бы вас побрал! Я вам не верю.

Она сжимает губы и складывает руки на груди.

– Вы сами видели его сообщения. Я просто хотела, чтобы она была в безопасности.

– С ней ваш гениальный план не сработал, так какого черта вы решили, что получится со мной?

Она снова улыбается, и в этой улыбке проглядывает безумие. Обожженная кожа на лице натягивается, глаза становятся хитрыми.

– Открытки предназначались не вам.

– Что?!

– Послания были для него. Я хотела дать понять Россу, что все знаю. И про ее убийство, и про то, что он собирается убить вас.

И тут я вспоминаю слова Рэфик о том, что прямых угроз жизни Эл или моей в открытках не было. Она ведь тоже считает, что послания предназначались Россу!

– Вы хоть сами понимаете, насколько безумно...

– Насилие боится лишь огласки. – Мари пожимает плечами, встает и направляется ко мне. Я поспешно пячусь к открытой двери.

– А больше вы ничего не делали?

– *Que veux-tu...* [\[15\]](#)

– Вы за мной следили?

Мари смотрит на меня с недоумением.

– Нет. А что...

– Я вам не верю!

Лицо ее проясняется.

– Я солгала лишь насчет своего имени и места, откуда приехала.

Все остальное – чистая правда!

Мари тянется ко мне, и я едва сдерживаюсь, чтобы ее не ударить.

– Росс меня вовсе не истязает!

Она опускает руки.

– Это пока.

– Мне очень жаль, что так случилось с вами. – Голос дрожит, и я отворачиваюсь. Если не уйду сейчас, то наговорю того, о чем буду жалеть. – Мари, помощь нужна вам, а не мне. Оставьте в покое нас с Россом, иначе я сообщу полиции, чем вы занимаетесь. Учтите, это не пустая угроза – я так и сделаю!

Решительным шагом перехожу улицу, поднимаюсь на крыльцо, беру открытку и захлопываю дверь. Под тонким конвертом просвечивают черные буквы: «Удачи».

Глава 23

Иду на кухню и сую открытку на самое дно мусорного ведра. Пытаюсь успокоиться, заставляю себя присесть. Смотрю на бутылку водки, на записку Росса. Ладно, раз уж решила взглянуть правде в глаза, надо идти до конца. Наливаю двойную порцию, выпиваю половину.

С точки зрения логики, это не имеет смысла! Он ее любил. Зачем причинять ей боль? Если Эл завела интрижку, они могли просто расстаться. У Росса хорошая работа, и денег больше, чем у Эл. В любом случае жить в этом доме-мавзолее ему никогда не нравилось.

А если он вел себя жестоко и пытался ее контролировать... Я допиваю водку и вспоминаю объятия, поцелуи Росса, его прикосновения, ласковый призыв в глазах. Синяки на руках я даже не беру во внимание – они получены во время секса, причем хорошего. Да что там, просто великолепного! Конечно, неприятно думать, что и с Эл он занимался тем же самым и в тех же позах, но тут уж ничего не поделаешь: люди постоянны в своих предпочтениях. Такова его страстная натура. Я помню, как Росс горевал и злился, когда береговая охрана прекратила поиски. «Что я буду делать без нее?»

Если Росс вел себя жестоко и пытался ее контролировать, то почему Эл от него не ушла? В памяти всплывает дедушкина ухмыляющаяся рожа... Эл всегда была сильнее меня: она не прощала и не забывала ничего. Если б Росс ее обижал, она бы ушла. Если Мари, Вик и Мышка правы и Росс именно таков, как они утверждают, то он убил бы ее в порыве страсти, в ссоре, как любой другой склонный к насилию муж. Он не стал бы придумывать хитроумный план и топить ее вместе с яхтой в заливе Форт. Да и как бы ему это удалось? Рэфик подтвердила, что в момент исчезновения Эл он находился в Лондоне. И из гавани Грантон она вышла одна. Как мог Росс, никем не замеченный, добраться до нее, одолеть, затопить лодку и вернуться на берег, в то же время выступая на конференции? Не говоря уже о том, что он боится воды и не умеет плавать...

Впрочем, не все так просто.

В сарае лежит каяк «Гумотекс». Если б некто планировал утопить свою жену в заливе Форт вместе с яхтой, то наверняка заявил бы, что

боится воды и не умеет плавать. Вспоминаю заполненные документы для признания человека умершим, и как Росс настаивал, что не знаком с Мари.

Удивительно, как я могла забыть про Мышку! Я позабыла все плохое, что случилось в этом доме, и ей пришлось приложить огромные усилия, чтобы заставить меня вспомнить. Нужно ей написать. Нам обязательно нужно встретиться, потому что я не знаю, чему теперь верить и что думать.

Наливаю еще водки. Самое подозрительное – то, как ведет себя Росс. Хотя я стараюсь игнорировать уколы ревности, возникающие при упоминании «убитого горем красавца-вдовца», рыдавшего на берегу моря, мне довольно сложно поверить, что это тот же самый мужчина, который провел в моей постели всю последнюю неделю, шепча мне на ухо всякие нежности и признания в любви. Вероятно, вина или даже раскаяние бывают похожи на горе.

Отставляю водку в сторону. Толку от нее – ноль. «Я пытался утопить свои печали, но эти гады отлично плавают». Голова становится тяжелой, в теле появляется гибкость. Я встаю, держась за стол, чтобы не упасть.

«Бога ради, Кэтриона, почему ты такая никчемная?» Я вовсе не никчемная и не беспомощная! Целыми неделями я пыталась выглядеть как Эл, думать как Эл, быть как Эл, потому что не хотела быть сама собой. С этим все ясно. Однако я боюсь не себя, вернувшейся в этот дом, а той себя, которая когда-то жила здесь. Той, которая боялась всего – падать, бегать, летать, смотреть правде в глаза.

И тогда я иду наверх, крепко держась за перила. На пороге Джунглей Какаду медлю: кто знает, когда вернется Росс... Распахиваю дверь в нашу старую детскую и внезапно обнаруживаю, что она совершенно изменилась. Ни деревянных жалюзи, ни обоев с тропическим лесом, ни золотистого покрывала. Вместо старого дубового шкафа и туалетного столика здесь стоят антикварное бюро со стулом и белый платяной шкаф. Обои бежевого цвета, на полу – роскошный ковер. Это единственная комната во всем доме, которая изменилась до неузнаваемости.

Я подхожу к бюро и начинаю рыться в ящиках. Понятия не имею, что ищу, и натываюсь лишь на чистые блокноты и открытки, скрепки, конверты, десятки шариковых ручек.

Зря я столько выпила! Пол начинает вращаться, и я хватаюсь за столбик кровати, чтобы не упасть. Сознание становится вязким, мысли текут медленно. Смотрю на двуспальную кровать, внезапно ослепленная слишком ярким образом Эл и Росса вместе. У прикроватного столика замечаю кожаный саквояж и с радостью отвлекаюсь на него. Вожусь с тугими пряжками. Внутри какие-то бумаги и толстая пластиковая папка. По всей длине корешка золотыми буквами напечатано «Саутваркский университет», сверху – сине-красный герб. Вот удача!

ПСИХОЛОГИЯ ПСИХОФАРМАКОЛОГИИ: ПСИХОАКТИВНЫЕ
ПРЕПАРАТЫ: ХОРОШАЯ И ПЛОХАЯ МЕДИЦИНА;

ЭФФЕКТИВНОСТЬ И БЕЗОПАСНОСТЬ ПСИХОАКТИВНЫХ
МЕТОДОВ ЛЕЧЕНИЯ

2 АПРЕЛЯ, 09:00—3 АПРЕЛЯ, 16:00, 2018

САУТВАРКСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, СЕНТ-ДЖЕЙМС-РОУД,
ЛОНДОН

Просматриваю расписание конференции, аннотации докладов, список участников. Вспоминаю слова Росса: «Когда я вернулся, она уже часов пять как пропала», – и нахожу страницу с контактами. Первым номером значится телефон и электронный адрес профессора Кэтрин Вард, заведующей кафедрой фармацевтики и фармакологии.

Сажусь на кровать, достаю телефон, выхожу в интернет и завожу новый почтовый ящик. Когда не удастся зарегистрировать его на ДИ Кэйт Рэфик, я добавляю букву «эм» в качестве среднего инициала. Понятия не имею, как подделать адрес электронной почты, к тому же я слишком пьяна, чтобы пытаться это выяснить прямо сейчас. Надеюсь, профессор Кэтрин Вард не удивится тому, что детектив-инспектор полиции использует сервис *Gmail*. Мне плевать, поймают меня или нет. Если я нарушаю закон, то и черт с ним. Я должна узнать правду! Письмо короткое: прошу подтвердить факт посещения Россом конференции и сообщить, когда он прибыл и отбыл. Нажав «Отправить», я тут же об этом жалею.

А затем начинаю новое письмо к адресату *john.smith120594*.

«Мышка, я знаю, что Эл мертва. Прости, что не поверила тебе. Прощу, давай встретимся!»

Поднимаюсь с кровати, уже не так сильно шатаюсь, и убираю папку в саквояж. Возвращаюсь на лестничную площадку. В доме все еще непривычно тихо. Волосы на руках встают дыбом, кожа зудит: я смотрю на темный коридор между кафе «Клоун» и Башней принцессы. За матово-черной дверью в самом конце – спальня номер три, комната Синей Бороды. Она притягивает меня, совсем как в детстве манила высота – головокружительное предвкушение падения. И вдруг телефон в кармане начинает вибрировать. Я протяжно вскрикиваю, выуживаю его и отвечаю не глядя.

– Кэт! Слава богу, ты наконец ответила!

– Чего тебе надо, Вик? – голос еще дрожит, но я уже чувствую себя глупо.

– Я... – Он долго молчит. – Я услышал про Эл, и...

– Ничего, – говорю я. – Спасибо. Я...

– Нет! Ты не понимаешь... – сигнал прерывается, раздается шипение и рев. – ... кое-что тебе сказать... Я не знаю... – слова заглушает рев сирены, потом звучит гудок.

– Вик, я тебя не слышу. Где ты?

– А ты где?

Стоя в лучах золотистого света, падающего с Уэстерик-роуд, я медленно кружусь на месте.

– Я наверху.

– Кэт, послушай... – его голос исчезает, потом врывается в трубку. – ... должна уйти!

– Почему? – Я перестаю двигаться, но стены продолжают кружиться.

– ...не могу. Прости! Мне так... ты должна мне поверить!

– Почему? – Желудок сжимается, и я отвлеченно гадаю, не стошнит ли меня прямо сейчас.

– Кэт... – На заднем фоне раздаются крики, рев проезжающей мимо большой машины, наверное, грузовика. – ... меня слышишь? Ты должна скорее уйти из этого дома!

И тут он исчезает. Я остаюсь одна в тишине под стеклянным шаром, свисающим с потолка, перед закрытыми дверями в узком темном коридоре. Одна в доме. Качаю головой и спокойно спрашиваю:

– Куда же мне идти?

И вдруг я ощущаю мощный рывок и оказываюсь в Зеркальной стране. Мне больно, горло охрипло от крика, и я стою на четвереньках в темноте. Шторм отшвырнул нас с главной палубы на оружейную, он яростно ревет и не дает Эл дышать.

Нет, не так.

На четвереньках стоял дедушка. Он оттолкнул меня так сильно, что я ударилась головой о палубу и искры из глаз посыпались, но при этом я продолжала видеть покрасневшее лицо Эл, выпученные глаза, дедушкины руки на ее шее, капающий с носа пот. Я продолжала слышать крики мамы: «Оставь их в покое!» Она тоже охрипла, потому что это была ночь после кафе «Клоун» и комнаты Синей Бороды, последняя ночь в Зеркальной стране. Последняя ночь нашей первой жизни.

Я пытаюсь вырваться, вернуться обратно – и тут мама с криком проносится сквозь меня, словно призрак. Она встает позади дедушки, поднимает над головой здоровую руку, в которой держит кормовой фонарь с «Сатисфакции». Дедушка оборачивается, смотрит на нее с усмешкой, подмигивает и говорит: «А ну-ка опусти, девонька». Мама не слушается. Она бьет его фонарем прямо по макушке. Снова и снова, пока звук не перестает быть твердым, коротким и белым, пока он не становится мягким, длинным и медно-темным.

– О боже!

Я стою на четвереньках на верхней площадке лестницы и дышу тяжело и быстро, как после пробежки. По спине бежит холодный пот.

Дверь в холл открывается, потом захлопывается, и я поспешно встаю. Голова кружится, стены вращаются.

– Кэт? – окликает Росс. – Ты наверху?

Я сглатываю, хватаюсь за перила. Опьянения как не бывало. Я чувствую себя больной, я взбудоражена и совершенно трезва. Головокружение возвращается, я стараюсь не обращать на него внимания. Оно не имеет ко мне ни малейшего отношения, как и тот страшный, мокрый, мягкий звук.

Росс ждет у подножия лестницы. Я выхожу в холл, и он бросается мне навстречу, крепко обнимает.

– Привет, блондиночка!

И мне ничего не остается, кроме как позволить ему меня обнять, вдохнуть его запах всей грудью, почувствовать, как исчезают тяжесть,

страх и неуверенность. Я ненавижу себя за это, я боюсь сама себя, но ничего не могу поделать.

Росс сжимает меня в объятиях, потом отстраняется и гладит по щеке. Он снова плакал – глаза красные, лицо мокрое, волосы растрепаны ветром.

– Я гулял, – признается он. – Просто ходил кругами.

В горле ком. Все, что говорили Мари и Вик, все, что я думала, подозревала, старалась утопить в водке, – все обращается в прах, когда он стоит передо мной и смотрит на меня так, как не смотрел никто и никогда. Росс знает – точнее, всегда знал, – что происходило в этом доме, и все же смотрит на меня как ни в чем не бывало!

Поверить не могу, что он обижал Эл. Да в это даже полиция не верит!

И я чувствую свою вину... За то, что хотела его, была с ним, сомневалась в нем. За то, что я сделала ради этого. Мне горестно за двух детей, над которыми измывались, пока они не перестали понимать, что происходит. За то расплавленное, блестящее, изъеденное морскими гадами тело под синей хирургической простыней в городском морге Эдинбурга. За сестру, которая держала меня за руку, когда мы засыпали, и всегда делила со мной боль, кошмары и хрупкую надежду. За нашу бедную, замученную, безумную маму, стоящую на коленях над телом дедушки. Рот перекошен, глаза черные, холодные, спокойные и яростные.

– Что с тобой, Кэт? – спрашивает Росс и качает головой. – Черт, дурацкий вопрос...

– Сегодня очень тяжелый день, – говорю я. Такое чувство, будто утренний разговор о затерянном африканском племени произошел несколько недель назад.

– Прости, что я... – он моргает. – Знаю, это действительно она, только я думал...

В его глазах – надежда. Вряд ли можно так искусно притворяться.

– Это Эл... – я хватаю его за руки, вцепляюсь изо всех сил, но Росс даже не морщится. – Она была...

– Успокойся, все хорошо. Прости меня, прости!

По щекам Росса бегут слезы, и они такие же настоящие и горькие, как мои. Не знаю, кто из нас первым начинает целовать, кто срывает одежду, кто требует, кто отдает. Росс входит в меня прямо на лестнице,

и я смотрю на высокий потолок и зелено-золотистый свет, обнимаю Росса, ощущаю его в себе, а в спину и бедра впиваются холодные и твердые ступени.

И я кончаю так сильно, что вскрикиваю. Я забываю.

Куда же мне идти? Росс – все, что у меня осталось.

Глава 24

Я стараюсь быстро пройти мимо «Колкохуна», но тут дверь распахивается, и Анна кричит:

– Погодите!

Я замираю и невольно оглядываюсь. Анна плачет, громкие уродливые всхлипы мешают ей говорить.

– Поверить не могу! Неужели она погибла?! Мне очень, очень жаль...

Продавщица порывисто лезет обниматься, и я обнимаю ее в ответ, надеясь, что она отвяжется. Сейчас мне трудно общаться с людьми, принимать соболезнования, отвечать на вопросы. Наконец Анна меня отпускает, шмыгает носом, делает пару глубоких вдохов и утирает залитое слезами лицо. От левого глаза к виску тянутся черные полосы.

– Вчера я была сама не своя от горя, – признается Анна, понизив голос и пристально глядя мне в глаза. – Зато теперь... теперь я знаю, что должна пойти прямиком в полицию!

– Анна...

– Послушайте, я должна! Я обязана сообщить им, как она боялась. Я обязана сообщить им про синяки! Мари сказала, что Эл собиралась уйти от Росса. – Я начинаю протестовать, и она поднимает руки. – Ведь именно так и бывает, понимаете? Жена хочет уйти, и муж ее убивает!

– Анна, я не могу...

Она хватает меня за локти.

– Надо было проявить настойчивость и помочь ей! – Хватка Анны становится невыносимой. – Кэт, Эл хотела бы, чтобы я помогла вам! Бегите, спасайтесь!

Я отшатываюсь, впиваясь ногтями в ее пальцы, пока те не разжимаются.

– Делайте, что считаете нужным, Анна. – Мой голос дрожит, ноги покалывает от панического желания пуститься бегом. Вместо этого я отворачиваюсь и ухожу. – Мне некогда.

Я заставляю себя идти вперед, не обращая внимания ни на ее крики, ни на желание пуститься бегом.

В парке совершенно пусто, но по телу бегут мурашки от знакомого ощущения, что за мной следят. Я оборачиваюсь, оглядываю пустую парковку. Ни Анны, ни вообще никого.

Надеваю капюшон и продолжаю идти мимо все тех же деревьев, кренившихся от ветра, как и много лет назад: яворов и вязов, в которых прячутся черные, распухшие призраки жертв чумы. Мимо каменных домов, где притаились убийцы детей, следившие за нами из всех углов.

Дедушка намеренно расставлял эти мины-ловушки, чтобы нам никогда не захотелось уйти из дома. Как и все насильники, он переусердствовал: к тому времени, как мы с Эл пересекли Линкс, то давно устали бояться и поняли, что он – лжец. Уэстерик-роуд, тридцать шесть, был местом не менее пугающим и опасным, чем прочие места, но мы его любили, несмотря на страх и ложь, несмотря на горячий, металлический запах крови на нашей коже. Я всегда отделяла дедушку от Синей Бороды, это казалось таким естественным и необходимым! Гораздо труднее и болезненнее – соединить их воедино, принять, что худший кошмар детства когда-то был моим самым дорогим и любимым человеком, не считая, конечно, Эл. Сейчас я горюю о нем с новой силой; такое чувство, словно я потеряла дедушку дважды, или хуже того – словно он вообще никогда не существовал.

Перед тем как свернуть на Лохинвар-драйв, я оглядываюсь. Лодок на берегу стало еще больше, и я едва протискиваюсь к воде. Ветер с залива Форт ледяной, как всегда, зато сегодня не очень сильный: толкотня и грохот причаленных яхт звучат приглушенно. Наконец я останавливаюсь, делаю глубокий вдох и выдох и смотрю на каменистый склон, на грантонский волнолом, на крошечный, приземистый островок Инчикит на северо-востоке, на желтое пятно маяка, на темную воду за ним, на фарватер, по которому проплывают большие суда. Смотрю долго-долго, пока на Бернтайленд не опускаются тучи и ливень не начинает хлестать по моей больной голове.

Раздается звуковой сигнал – пришло сообщение от Росса.

«Мне нужно появиться на работе, потом заеду купить чего-нибудь к ужину. Есть пожелания? Целую».

Я не отвечаю, хотя ничего плохого Росс не написал. У него есть работа. Нам нужно питаться. Мы не умерли. Впрочем, услышав очередной сигнал, я недовольно морщусь.

john.smith120594@gmail.com

18 апреля 2018 в 14:55

Кому: Мне

Re: ОН ЗНАЕТ

Входящие

У ТЕБЯ МАЛО ВРЕМЕНИ.

ВСПОМНИ, ЧТО ПРОИЗОШЛО 4 СЕНТЯБРЯ, ТОГДА ВСЕ ПОЙМЕШЬ.

ТЫ УЗНАЕШЬ, ЧТО НУЖНО СДЕЛАТЬ.

Отправлено с iPhone

Не узнаю! Я и так вспомнила все – каждую чертову подробность, – и до сих пор понятия не имею, что я должна понять и что мне делать.

«Хватит загадок! Это не игра, мы не в Зеркальной стране! Выкладывай, что знаешь – встретиться со мной и все Расскажи! Или оставь меня в покое!»

Я отправляю свой ответ и иду к дороге. Дождь усиливается. Небо так потемнело, словно уже сумерки. Я с трудом пробираюсь мимо лодок на берегу. Ржавые корпуса покрыты ракушками. Они пахнут морем, его обитателями, которые там жили и умерли. По телу пробегает дрожь. Позади раздается шум, я оборачиваюсь и бью наотмашь по ближайшей яхте, сбивая костяшки. Поскальзываюсь на мокром бетоне и падаю на землю, раскинув руки и ноги. Поворачиваю голову, стараясь расслышать хоть что-нибудь сквозь шум дождя, и вдруг в узком проходе между лодками вижу кожаные ботинки с металлическими вставками. Над ними – синие джинсы.

Я отползаю, пытаюсь найти опору на скользкой земле. Наконец мне удается встать. Я тяжело дышу, едва переводя дух, но бежать не собираюсь. Хватит, я и так всегда убегала от опасности! Осторожно обхожу яхту, прячась в черной тени, потом с криком бросаюсь на противника, молочу его руками и ногами.

Меня хватают в охапку, я царапаюсь и вырываюсь. Наваливается тяжесть, но я не чувствую ни злости, ни агрессии противника. Я вонзаю в него ногти, бью коленом снова и снова.

– Хватит! Хватит!

Вик, пошатываясь, пятится к свету и успокаивающе поднимает ладони.

– Ты! – кричу я, сама не своя от ярости и от облегчения.

– Кэт, прошу, хватит!

Передо мной стоит промокший до нитки Вик. Вид у него несчастный, по лицу стекают капли. Я останавливаюсь, хотя во мне клокочет ярость. Мы стоим в темноте под дождем, сверля друг друга взглядами, и тяжело дышим.

– Давно ты за мной следишь?

– Кэт, я...

– Давно, Вик? – кричу я. Меня теперь просто не унять – я должна выяснить все до конца.

Он смотрит в землю.

– С тех пор, как ты вернулась из Америки.

– Да откуда ты вообще об этом узнал, мать твою? – спрашиваю я, хотя на самом деле надо бы поинтересоваться, зачем это ему. И тут меня охватывает внезапное подозрение. – Ты знаешь Мышку? Вы это вместе подстроили?

Хотя Вик мотает головой, вопрос его ничуть не удивил, поэтому я лишь убеждаюсь в своем подозрении.

– Значит, вы знакомы. Какого черта...

– Кэт, я должен...

– погоди! Мари тоже замешана? Вот зачем ты звонил вчера? Вы все заодно!

Вик делает шаг вперед.

– Я должен тебе кое-что рассказать.

– Валяй!

Он судорожно сглатывает и смотрит мне прямо в глаза.

– Мышка – это я.

– Что?!

Он отводит взгляд.

– Прости! Мышка – это я. По крайней мере, я притворялся ею и посылал тебе письма по электронке.

Я отшатываюсь, качаю головой.

– Ничего не понимаю! Зачем?

– Эл попросила.

– Покажи телефон! – Я мотаю головой, все еще отказываясь поверить. – Покажи телефон, Вик. Сейчас же!

Он достает из кармана джинсов айфон, вводит пароль и неохотно протягивает мне. Дрожащими руками открываю почту, размазывая капли дождя по экрану, и прямо наверху вижу:

Кэт Морган

Хватит загадок! Это не игра, мы не в Зеркальной стране!

– О господи!..

Вик тяжело вздыхает.

– Эл сказала, что это ради твоей безопасности. Если с ней что-нибудь случится, ты вернешься и... Я согласился, хотя решил, что у нее паранойя... Я знал, что она боится Росса, но мне и в голову не приходило... – Он умолкает и закрывает глаза. – Когда Эл пропала, я понял, что обязан исполнить ее просьбу. Теперь она мертва, и я...

– Ты пытаешься убедить меня, что в случае смерти Эл – точнее, гибели от рук большого и страшного мужа, от которого она почему-то не могла уйти, – моя сестра попросила тебя следить за мной и угрожать?! – Я чертовски зла, и это помогает не думать ни о чем, не чувствовать ничего.

– Я тебе не угрожал.

– У вас был роман? – Других причин мне просто в голову не приходит.

– Я любил Эл. – В глазах Вика столько нежности, столько обожания, что мне снова хочется его ударить.

– То есть да?

– Я уже говорил: между нами ничего не было.

– О чем именно Эл тебя попросила?

– Следить за тобой, убедиться, что все хорошо. Отправлять письма по электронке, которые она прислала мне перед... перед исчезновением. В определенном порядке и в означенное время. – Вик прочищает горло. – Отвечать на любые твои вопросы одно и то же: что Эл мертва, что я – Мышка, что мы не можем встретиться, что ты должна вспомнить события четвертого сентября. Честное слово, я понятия не имею, что все это означает!

– Ладно. Значит, ты не в курсе, что именно я должна вспомнить и какого черта мне делать?

Вик мотает головой с несчастным видом.

– Эл твердила, что это касается конца вашей первой жизни и что он знает.

По спине пробегает холодок. Я слышу стук двери в кафе «Клоун», потом дверцы шкафа. Ржавый визг кормового фонаря с «Сатисфакции», уже не твердый, короткий и белый, а мягкий, протяжный и темно-коричневый.

– Зачем?

Вик смотрит на меня с недоумением.

– Что – зачем?

– Зачем ему ее убивать?

– Потому что она хотела уйти.

– Тогда почему не ушла? Почему не обратилась в полицию?

– Не знаю. Лучше б она так и сделала!

– Какого черта ты не сообщил полиции?

– Еще как сообщил! Я позвонил копам после того, как Эл пропала.

Рассказал им, что она боялась его, боялась, что он с ней что-нибудь сделает. Я рассказал им...

– Нет! Полиция тебя даже не упоминала, Вик. Я знаю о твоём существовании лишь потому, что ты следил за мной две недели!

– Я не назвался...

– Думал остаться в стороне?

– Ничего ты не понимаешь! Эл заставила меня пообещать, что я вообще не стану разговаривать с полицией. Она сказала, что Росс может на меня ополчиться. На него мне плевать, просто я боялся, что копы сочтут меня причастным...

– Ты и так причастен!

Вик вызывающе расправляет плечи, сжимает челюсти и смотрит на меня, но в глазах – стыд.

– Эл заставила меня пообещать, Кэт.

– Ясно. – Я больше не могу на него смотреть и перевожу взгляд на мокрый ржавый корпус лодки, на отслаивающуюся краску. – Как насчет Мышки? Она знала, что происходит? Она причастна?

– Понятия не имею, кто она такая, – признается Вик. – Эл сказала, что если я притворюсь ею, то это поможет тебе вспомнить.

– А Мари? Ты с ней знаком?

– Нет, клянусь!

– Ты бывал в доме? – Я думаю не только про странички из дневника, фонарь, пиратский код, прикрепленный к потолку Зеркальной страны, но и про каяк в сарае, шепот на ухо, ощущение того, что на Уэстерик-роуд, тридцать шесть, я никогда не оставалась одна.

– Конечно, нет!

– Это ты оставил на могиле моей мамы розовые герберы?

– Да. Эл...

– Тебя попросила, – перебиваю я. Вид у него такой несчастный, что во мне снова вспыхивает ярость. – Всего неделю назад ты стоял здесь, в гавани, и утешал меня! Мне полегчало, ты мне понравился... И ты плакал!

– Кэт, я...

– А когда я сообщила тебе, что не считаю Эл мертвой, потому что она шлет мне письма по электронке, ты покачал головой и промолчал! И ты думаешь, будто я поверю тебе теперь?

– Неужели ты не поняла? – расстроенно спрашивает Вик. – Эл знала: именно так все и случится! Она знала, что он ее убьет, и он убил. Она знала, что ты вернешься, и ты вернулась. Она знала, о чем ты будешь спрашивать. Она знала, что полиция посчитает ее гибель несчастным случаем... Кэт, я говорю правду! Ты должна мне поверить.

Я ему не верю. Вик любил Эл, это видно. Он действительно переживает и верит в то, что говорит, однако я вижу и еще кое-что в его глазах, в языке тела. Притворяться я умею превосходно – куда лучше, чем Вик, – и узнаю лжеца даже с закрытыми глазами. Дело не только в чувстве вины или в обязательствах перед Эл. Вик хотел шпионить за мной, потому что так ему казалось, будто Эл не мертва. Она живет в письмах, которые он посылает, и во мне – в глазах, в лице, в голосе. В том зеркале, что я вечно ношу с собой. Я – его последняя связь с ней.

Как же ей удастся продолжать манипулировать нами? И мной, и Виком, и Россом, и полицией... Причем никто и понятия не имеет, зачем ей это нужно!

– Сегодня же отправлюсь в полицию, – решает Вик, глядя на свои ботинки. – На этот раз сделаю заявление и сообщу все, что рассказала мне Эл. Напрасно я вообще...

– Еще остались?

– Что?

– Ты отправил все сообщения?

– Да.

– Вик!

Он опускает плечи.

– Только одно.

– Показывай!

Вик тянется к телефону. Впервые с начала нашей схватки я замечаю, что по моему лицу струится вода, стекает по носу и подбородку, лупит по голове. Дождь барабанит по мачтам и металлическим корпусам яхт, шелестит по бетону, по асфальту, по дереву. Громче всего он бьет по глади залива: звук острый, глубокий и звучный, подобный старому воспоминанию, забытому страху, рывку – жесткий, резкий, настоящий.

– Вот, – говорит Вик, протягивая мне телефон.

Я долго смотрю на него и жду, пока он поднимет свой взгляд.

– В полицию не ходи. Еще рано. Если понадобится, пойдем вместе. Сначала мне нужно найти последнюю отгадку, ладно? – Вик кивает, и я делаю глубокий вдох. Ладно, Эл. Последняя так последняя, и все.

john.smith120594@gmail.com

Re: ОН ЗНАЕТ

Черновики

Кому: Кэт Морган

ПОДСКАЗКА 11. ЕДИНСТВЕННОЕ МЕСТО ЗА ПРЕДЕЛАМИ
ЗЕРКАЛЬНОЙ СТРАНЫ, ГДЕ ТЫ БЫЛА КРАСНОЙ, А НЕ БЕЛОЙ.

Отправлено с iPhone

Глава 25

Я прихожу в себя на заднем дворе. Промокла до нитки, зато голова больше не пульсирует от боли. Давно я не чувствовала себя такой бодрой и в ясном сознании. Лишь сделав несколько кругов, понимаю, что происходит. Пинаю серебристые и серые камешки, подтягиваю старый рыбацкий комбинезон и марширую по тюремному двору за Энди Дюфрейном, и я – его приятель и сокамерник по имени Ред, то есть «красный». Вот что Эл имела в виду!

Подхожу к первому уродливому постаменту, заглядываю в бетонный вазон. Он пустой и надежно закреплен – с места не сдвинешь. Второй вазон едва не опрокидывается, стоит его толкнуть. Под ним лежит конверт в целлофановом пакете на zipлоке. Беру письмо, ставлю вазон обратно и поднимаюсь в буфетную. В кухне наливаю себе водки, хотя и так много выпила, и сажусь за стол. Наверное, лучше бы пойти в кафе «Клоун», ведь Росс может вернуться в любую минуту, но мне ужасно не терпится прочесть письмо, потому что на конверте каракулями Эл выведено: «Белоснежке».

Достаю конверт из пакета, разрываю. Внутри – лист бумаги в линеечку, мелко исписанный.

Дорогая Кэт!

Возможно, мне следовало начать с извинений или спросить, как ты жила последние двенадцать лет. Впрочем, ты знаешь меня достаточно хорошо, чтобы не ждать таких формальностей. Итак, приготовься, перехожу к главному.

Он собирается меня убить. Если ты читаешь эти строки, то ему это удалось и я уже мертва.

Если подумаешь, что невелика потеря, то я пойму. Если подумаешь, что так мне и надо, то спорить не стану. Когда-то я тебя ненавидела, и ты наверняка возненавидела меня в ответ. Наверное, ты считаешь меня лгуньей, но это письмо – единственная возможность убедить тебя в том, что сейчас я говорю чистую правду.

Все началось с любви или того, что я приняла за любовь. Ты ведь знаешь, каким он был – вряд ли это можно забыть... Он преобразался, направляя на тебя все свое внимание, и ты буквально

купалась в лучах его любви. Затем на смену ей пришла ревность, удушение и тотальный контроль. Все мужчины – пираты, помнишь? Хороших Прекрасных принцев не бывает. С ним я чувствовала себя такой маленькой, такой ничтожной... Я благодарила его за заботу, потом за презрение, за гнев. В первый раз, подняв на меня руку, он проплакал целую неделю. Во второй – меньше дня. В третий уже я извинялась перед ним. Я не понимала, что он во мне нашел, но теперь до меня дошло. Он знал, что делал со мной Синяя Борода. Он знал, что я слабее тебя. Он с самого начала знал, что я никуда от него не денусь.

Через несколько лет после свадьбы наш старый дом выставили на аукцион. Как я ни умоляла, он все равно его купил. Он был готов на все, лишь бы снова запереть меня в этой тюрьме. Заставил меня описать обстановку в мельчайших подробностях, и все, что он покупал и расставлял по местам, делало мою тюрьму еще теснее, еще надежнее.

Ты любила дедушку больше, чем я, ты обожала слушать мамини сказки, твое воображение всегда было богаче моего: если тебе что-нибудь не нравилось, ты просто делала вид, что его нет вовсе. Думаю, поэтому ты и забыла конец нашей первой жизни и никогда его не вспоминала. Раньше мне казалось, что это к лучшему.

Я могла бы рассказать тебе прямо сейчас, что случилось в ту ночь, когда погибли дедушка и мама. Я могла бы поклясться, что это правда, и ты, возможно, поверила бы или даже вспомнила, как все было. Впрочем, вряд ли. Не нужен психолог, чтобы понять: твои воссоздающие фантазии гораздо сильнее подавленных воспоминаний. И единственный способ их разрушить – возвращать тебе память о настоящих событиях по кусочку, подсказка за подсказкой, пока не вспомнишь правду сама. Иначе ты не согласишься...

Ты наверняка сердилась на меня за охоту за сокровищами. Я спрятала странички из дневника и написала подсказки. Когда меня не станет, мой друг, который уважает мои желания, отправит их тебе по электронной почте. Прости за эти выкрутасы, прости, что я велела ему притвориться Мышкой. Она заявила к нам в прошлом году совершенно внезапно, и, вместо того чтобы радоваться ее возвращению и возобновить нашу дружбу, я до чертиков испугалась, что она разозлит Росса и он выместит все на мне. Да, я ужасная трусиха. Наверное, притворяться Мышкой в письмах – тоже

проявление трусости, но я поступила так намеренно. Мне казалось, что меня ты слушать не станешь в отличие от нее. Прости, если письма или странички из дневника тебя напугали. Впрочем, так и было задумано. Я хотела, чтобы ты вспомнила, что случилось в ту ночь, когда погибли дедушка с мамой. Я хотела, чтобы ты вспомнила, что совершил Росс.

Я кое-что спрятала в Серебряном кресте. Мне осталось передать тебе лишь этот предмет и это письмо. Ты должна поверить им! Ты должна поверить мне! Не знаю, что он задумал, только вряд ли случившееся будет выглядеть как убийство, ведь он – прирожденный пират.

Я все время думаю о тебе! Когда ты уехала, я проплакала целые сутки, я плакала много недель. А он обнимал меня и говорил, что все хорошо, потому что мы есть друг у друга. Ему всегда было выгодно разделять тебя и меня. Я много раз хотела с тобой связаться, но не стала этого делать. Я знала, что без нас тебе лучше. Я знала, что иначе он отнимет у меня те немногие вольности, которые еще оставались – живопись, волонтерскую работу, друзей. И яхту! Он согласился купить яхту, не сообразив, что я воспользуюсь ею, чтобы ускользнуть. Поэтому я и назвала ее «Побег». Если ты нашла письмо, то помнишь, как сильно мне нравилась эта история. Любой шанс на спасение лучше, чем ничего.

Я не прошу о доверии, это бесполезно. Я каждый день сожалею о том, что натворила. Мне не следовало позволять ему распоряжаться ни нашей первой, ни тем более второй жизнью! Помни, ОН ЗНАЕТ. Помни ПЛАН. Серебряный крест. МЕСТО ПОМЕЧЕНО КРЕСТИКОМ.

Вспомни их, и ты вспомнишь все остальное. Ты узнаешь правду. Ты узнаешь его. Ты согласишься мне. Ты будешь в безопасности.

Прости!

С любовью, Алоцветик

Я перечитываю письмо снова и снова, провожу пальцами по строчкам Эл. Ее почерк, ее голос. И все же меня не покидает ощущение фальшивости происходящего. Слишком все аккуратно, слишком по сценарию. «Если ты читаешь эти строки, то я мертва», – услышав подобную фразу, Эл презрительно закатила бы глаза. Что за чушь она тут написала! Я пытаюсь представить, как Росс избивает ее, и не могу. Это все равно что представить, как он бьет меня. Быть такого не может!

Впрочем, по словам Росса, именно Эл захотела вернуться сюда, именно она обставила дом точь-в-точь как прежде. И я понимаю, насколько нелепо и фальшиво это звучит. Разве сестра захотела бы вернуться в дом, который целых двенадцать лет был нам тюрьмой? Туда, где царили смерть, страх и темнота...

Тем не менее, если Эл действительно боялась Росса и старалась защитить меня, то почему бы просто не рассказать мне то, что я позабыла? Ведь сейчас ко мне вернулись все подавленные воспоминания. Я помню все, что случилось в нашей первой жизни, включая ту ночь, когда мама проломила дедушке череп кормовым фонарем с «Сатисфакции». Что там еще вспоминать?

Голова раскалывается. Серебряный крест! Мне известно, о чем идет речь, но я никак не могу вспомнить...

Допиваю водку, встаю. В одном Эл точно не ошиблась. От этой мысли мне становится холодно и страшно. Сестра думала, что умрет, – и вот теперь она мертва.

* * *

Я стою в узком коридоре, ведущем в спальню номер три, и тщетно пытаюсь нащупать на стене выключатель. Заставляю себя шагнуть в темноту, раскинув руки. Морщусь, коснувшись двери в самом конце. «Не входи! Нам туда нельзя!» Единственная комната в доме, где я не была никогда. Мама об этом хорошенько позаботилась – мы с Эл боялись даже взглянуть в ту сторону. Вспоминаю мамины крики, звук хлопнувшей двери. Дедушка тоже боялся и иногда стоял в дверях Машинного отсека, глядя через площадку, – весь дрожит, рот полуоткрыт, глаза пустые. Стала бы Эл что-нибудь прятать в комнате Синей Бороды? Не знаю, но я обязана проверить.

Коснувшись ручки, замечаю, что быстро бормочу себе под нос: «Он приходит только ночью, он приходит только ночью», – и заставляю себя прекратить. Все жены Синей Бороды заканчивали жизнь на крюках, заржавевших от крови. Все, кроме последней. Ее спасло то, что она преодолела страх и заставила себя заглянуть в единственную комнату, которую он велел не открывать. Я поворачиваю ручку и толкаю пыльную дверь.

В комнате Синей Бороды нет окон. Отчасти я это подозревала, потому что ее внешняя стена – улочка в Зеркальной стране, и все же темнота застает меня врасплох. Я нахожу выключатель, зажигаю свет и наконец отваживаюсь войти.

Спертый холодный воздух, запах старой краски. В углу стоит кожаное кресло, обычная лампа. Остальное прикрыто простынями. Я оглядываю все уголки, словно ожидаю обнаружить трупы жертв Синей Бороды или услышать мамины крики, бьющиеся о стены, проникающие через доски пола в кладовую, в буфет, в расстилающийся под ним океан...

«Кэт, соберись!»

Прохожу в глубь комнаты, сдергиваю простыни, кашляю от пыли. Под второй обнаруживаю большой деревянный ящик. Сердце подпрыгивает. Это же наш сундук с сокровищами с «Сатисфакции»! Черные кожаные ремни и золотой от ржавчины висячий замок, к счастью, незапертый.

Встаю на колени, поднимаю крышку и морщусь от громкого скрипа петель. Внутри лежат старые простыни. Я начинаю вынимать их и складывать в стопку на полу. Пальцы натыкаются на что-то твердое, и я испуганно отдергиваю руку.

«Ну же, Кэт!»

Лезу обратно, вынимаю последнюю простыню. На дне два предмета: большой и маленький. Один – дрель с синей ручкой и насадкой кольцевой пилы в цилиндре, другой – черная резиновая пробка с круглой железной ручкой.

Я сажусь на пятки, закрываю лицо руками. Вряд ли Эл спрятала бы их в этой жуткой комнате. Мне сразу становится ясно, что именно я обнаружила.

Вспоминаю Логана, его вкрадчивый голос. «Мы нашли доказательства того, что яхта затонула не сама по себе».

Смотрю на кольцевую пилу и сливную пробку. Это – сокровища, точнее, трофеи.

На лестнице темно. Единственный источник света – молочно-красная викторианская лампа в прихожей. Я спускаюсь на ощупь, перила холодят ладонь. Старый дом продолжает спать, и его лязгающие, скрипящие жилы похожи на скрытую карту черных дорог и медных проводов, на тайны, запертые в комнатах и в комодах, на океаны, на полуночные миры огня, ярости и веселья.

Прохожу мимо кухни, смотрю на отражение в зеркале над телефонным столиком. Открываю дверь в гостиную и с облегчением выдыхаю.

Теплая комната залита золотистым светом. Огромные шторы от потолка до пола задернуты, скрывая дождь и ночь, в камине потрескивают поленья, и на бутыльно-зеленых плитках играют блики огня. На пристенных столиках и на стойке бара «Пуаро» горят свечи, отражаясь в зеркалах и полированной мебели. Совсем как на Рождество – не хватает только восьмифутовой пихты, которая сверкала бы огоньками и роняла иглы, наполняя комнату запахами зимнего леса.

Воссоздающие фантазии. Я думаю об этих словах, пока они не расплываются у меня в голове, пока не начинаю видеть Синюю Бороду, преследующего нас с фонарем. Из проломленного черепа пирата хлещет кровь, и он заваливается на палубу «Сатисфакции».

Росс встает с дивана и настороженно улыбается.

– Ты в порядке?

– Да.

Он быстро оглядывает комнату.

– Я не слишком перестарался?

– Нет, ну что ты!

Я не могу заставить себя войти и мнусь на пороге.

– Ты уверена, что с тобой все в порядке? – У Росса между бровями снова появляется глубокая складка, и мне хочется провести по ней пальцем, стереть без следа.

– Да. – Заставляю себя шагнуть ему навстречу.

– Присядь, – просит он, сжимает мою холодную руку и отходит к бару.

Я сажусь, смотрю в мерцающем свете камина на силуэт с узкими бедрами и широкими плечами, с густыми выющимися волосами. Рука тянется к карману джинсов, где лежит письмо Эл. Его присутствие и утешает, и пугает. На бирюзовых плитках бара «Пуаро» стоят бокалы с

хересом – золото в хрустале, два вместо четырех. Эл действительно рассказала ему все.

– Аперитив, – говорит Росс, ставя бокалы на освещенный свечами кофейный столик, и я вспоминаю романтический уголок в итальянском ресторане.

От Росса исходит тепло и знакомый запах с нотками сосны и мускуса. Мое сердце бьется часто и слишком громко.

– Твое здоровье! – торжественно объявляет он.

Не успевает стихнуть низкий, мелодичный звон бокалов, как я выпиваю все залпом. По телу разливается приятное тепло. Надо бы спросить, как прошел его день, как работа, как самочувствие, но я не могу себя заставить.

– Все будет хорошо, Кэт! – шепчет Росс, сжимая мои ледяные пальцы. – Главное, что мы есть друг у друга.

Я закрываю глаза и чувствую прикосновение теплых губ к виску.

Глава 26

Я сижу за кухонным столом, Росс стоит перед маминой плитой. В окно стучит дождь, завывает ветер, запертый в саду между высокими каменными стенами. Хотя в кухне жарко и влажно, я дрожу от холода.

Беру бокал шираза, налитого Россом, и ставлю обратно, даже не пригубив. От запаха говяжьего фарша накатывает тошнота. Голова болит, мысли вязкие, мутные. Мне очень тревожно, сердце то и дело пропускает удар, потом отчаянно бьется, стремясь наверстать упущенное. Возможно, от горя или от потрясения, ведь за короткое время произошло столько всего: гибель Эл, признание Мари, откровения Вика, письмо Эл. К тому же я наконец вспомнила, что случилось в этом доме. Нужно расспросить Росса про находки в комнате Синей Бороды, еще раз уточнить про Мари и про Вика. И обязательно следует поскорее покончить со всеми обвинениями Эл, но я не могу...

Росс накрывает крышкой кастрюльку с чили и возвращается к столу; садится рядом со мной так близко, что я вижу серебряные искорки на радужке его глаз.

– Я хочу кое-что с тобой обсудить... Кэт, да ты как ледышка!

Смотрю на свои ладони в его руках. Я и не заметила, как он их взял.

– Все в порядке, – заверяю я.

Росс начинает растирать мне пальцы и согревать их своим дыханием.

– Наверное, сейчас не лучшее время для подобного разговора, и все же... Я решил продать дом.

– Прямо сейчас?!

– В ближайшем будущем. – Голос у него мягкий, словно уговаривает норовистую лошадь. – Сразу, конечно, не выйдет. Эл не оставила завещания, к тому же сначала ее следует признать умершей. – Пытаюсь выдернуть руки, он их удерживает. Интересно, откуда Россу известно про завещание? – Я знаю, как это звучит, Кэт, и понимаю, как тебе тяжело. Я знаю... – Он умолкает и закусывает губу.

– Ничего, все образуется. – Как нелепо, что мне до сих пор хочется его утешить, провести пальцами по складке между бровей, по темным

кругам под глазами...

– Останься со мной, Кэт.

– Что?!

Росс смотрит на меня так пристально, что я даже моргнуть не решаюсь.

– Будь со мной рядом всегда, Кэт! Понимаю, сейчас не лучшее время, но я тебя люблю. Не так, как любил Эл, совсем иначе. – Росс прикрывает глаза, словно от боли. – Лучше.

Даже не знаю, что сказать.

– Конечно, многие нас осудят. И все же, если ты будешь со мной, я готов с этим мириться. Мы можем остаться здесь, пока не продадим дом, или уехать куда-нибудь – куда угодно, как захочешь. Решать тебе. Я люблю тебя, Кэт! Ты мне нужна. – Он берет мое лицо в ладони, гладит по щеке. Пальцы у него дрожат, глаза сияют. – Ведь Эл любила нас обоих и хотела бы, чтобы мы были счастливы.

Я не знаю, действительно ли сливная пробка и кольцевая пила – те самые. Нужно обратиться к Логану и Рэфик, показать им все, провести экспертизу. Ведь речь идет о Росссе! Ни стыд, ни горе не дают мне забыть о том, что иногда Эл бывала весьма жестокой. Она права: я не доверяю ей, причем давно. Сестра до сих пор дергает нас за ниточки. Письмо может оказаться очередной ложью, как и послания по электронной почте от лица Мышки.

Кто-то из них двоих лжет. Не может быть, чтобы оба говорили правду. Часть моей жизни, мои убеждения – ложь. Параллельная вселенная, в которой любимый человек – чудовище, где отражение в зеркале – лживо. Вспоминаю фразу из дневника Эл: «Кэт думает, если притвориться, что чего-то не было, то его и не будет». Я больше не хочу так жить. Я больше не уверена ни в чем, и мне страшно. В двенадцать лет я убежала от мамы и бабушки, от нашего дома. В девятнадцать я убежала от Эл и Росса, от своего разбитого сердца. Теперь я бежать не собираюсь – и наконец выясню всю правду!

Закрываю глаза, и в комнате становится холоднее, ярче. Пахнет подгоревшими яйцами и тостами. В дымоходе бьется застрявшая птичка. «Не чавкай, Кэтриона». Мама горбится, прижатая к груди рука висит на полотенце, обвязанном вокруг шеи, на макушке розовая проплешина размером с кулак. В знакомом бабушкином хохоте проскальзывает ужас: «Не ешь стоя, девонька. А ну садись, черт бы

тебя побрал!» Шепоток серебристого, трепетного страха. «Что-то приближается. Оно уже близко».

Я открываю глаза. Росс смотрит на меня с тревогой и нетерпением.

– Где ты пропадала?

Я качаю головой, беру бокал с вином. Делаю глоток и содрогаюсь.

– Думала об этом доме, о дедушке. – Росс садится прямее. – О том, что он делал. Как пил, как избивал нас.

– Зачем ворошить прошлое? Теперь это не важно. – Он гладит меня по щекам и осторожно улыбается. – Поэтому мы должны продать дом и уехать, поэтому мы...

– Росс, я столько всего вычеркнула из жизни! Я позабыла очень многое из того, что случилось здесь, что случилось с нами... Разве это не важно?

– Кэт, твой чертов дед помер двадцать лет назад! Важно совсем другое. – Он снова берет меня за руки. – Мы с тобой, к примеру. Я не понимаю, зачем...

Я отстраняюсь и порывисто встаю. Ножки скрипят по кафелю, стул заваливается назад, и Росс едва успевает его подхватить. Я невольно съеживаюсь, и тут в его глазах появляется такая боль, что я отворачиваюсь, не в силах этого вынести.

– Вдруг я ошибалась? Вдруг случилось такое, чего я пока не вспомнила? Вдруг я притворилась, что этого не было вовсе? – Я дрожу, но в голове немного проясняется. Росс выглядит смущенным и сердитым. Конечно, ему не понять, ведь я пытаюсь отделить свои фантазии от правды, от ответов на ужасные вопросы, которые я так и не отваживаюсь задать... И все же это должно случиться сегодня!

Налитые кровью глаза Эл, ее ужасная улыбка...

«Это должно случиться сегодня!»

Росс трясет меня, крепко вцепившись в предплечья.

– Кэт, очнись! Что с тобой?

– Перестань! Все в порядке.

Росс не отпускает.

– Господи, ты уверена? Я уж подумал, у тебя припадок...

Возможно, мне пора остановиться. Зачем вспоминать то, что столько лет хранилось в глубинах памяти? Впрочем, я забыла слишком многое. Внезапно я понимаю: избегать всего, что пугает, включая даже

самые худшие события прошлого, вовсе не нормально. Как странно, что я не задумывалась об этом раньше!

Мама вытаскивает из-под кровати черный рюкзак, выбрасывает на пол просроченные консервы. «Бога ради, Кэтриона, почему ты такая бестолковая? Это очень важно!» Она стучит костяшками по парте, поддерживая непрерывный гул страха, обреченности. «Смотри, слушай, учись». Оранжевые и желтые нарциссы на обоях, высокий голос мерно читает нам «Повесть о двух городах», «Мотылька», «Человека в железной маске», «Шпиона, пришедшего с холода», «Графа Монте-Кристо», «Побег из Шоушенка».

«Не будь, как я. Никогда не бойся летать!»

– Боже мой! – Я плюхаюсь на стул и зажимаю рот рукой. Беру бокал, но пальцы дрожат так сильно, что я не могу сделать и глотка.

– Кэт, какого черта происходит? Тебе плохо?

Не аварийные припасы, не уроки английского, не сказки, не выдумки. Не паранойя, не жестокость, не бредовые идеи. И даже не попытка выжить в одном доме с чудовищем!

Росс смотрит на меня в упор.

– Что?

Все это – звенья одной цепи, все это – ПЛАН! «Это должно случиться сегодня» – в последнюю ночь нашей первой жизни. Полоса золотистого цвета на ковре в прихожей, скрежет и поворот ключа в дверном замке в ту пятницу. Тишина, темнота, и скорее вниз по лестнице с рюкзаками на плечах! Мама застегивает пуговицы на наших пальто, лицо морщинистое и осунувшееся, левая щека темная, распухшая, глаз заплаыл так, что стал узкой щелкой посреди черноты синяка. Она обнимает нас здоровой рукой и спрашивает: «Готовы?»

– О боже, – ровным голосом повторяю я, сама не своя от нахлынувшего ужаса. Мы так и не покинули этот дом. Мы так и не смогли убежать от того, что здесь случилось. Мы должны были готовиться к побегу. Вот в чем заключался ПЛАН! – Побег... Мы же готовились к нему всегда!

– Кэт...

Я смотрю на стоящие дыбом волоски у Росса на руках. Он сидит прямо – весь внимание.

– Так вот в чем дело! В ту ночь, когда они погибли, четвертого сентября, мы с Эл собирались бежать. Ты и мама знали, вы нам помогали. Таков был ПЛАН, верно?

Росс оседает, протягивает руки ладонями кверху и берет меня за запястья.

– Конечно, да.

Я слышу странный звук, прорывающийся сквозь шум дождя и ветра. Зловещий, низкий и протяжный, как уханье совы.

Мы стояли в кухне, рядом с этим самым столом, в лучах лунного света. Нерешительные, нетерпеливые, взбудораженные, напуганные яростной настойчивостью мамы. Даже тогда мы не знали, что происходит. Мы понятия не имели, чем обернется для нас побег.

Уханье совы. Я посмотрела на Эл, она – на меня. Мама нахмурилась, начиная что-то подозревать.

«Нам кое-кто помогает», – призналась Эл.

Кое-кто, кому мы можем доверять, хотела добавить я, но не стала. Мама всегда твердила, что Прекрасным принцам доверять нельзя. К тому же Росс был нашим секретом с самого начала.

«Крик совы – это опасность, мама! Он значит – беги!»

И мы побежали.

– Ты стоял на стреме, – говорю я.

Росс резко бледнеет. Долго смотрит в окно на черную дождливую ночь, так не похожую на жутковатую, залитую лунным светом тишь четвертого сентября девяносто восьмого, и встает. Плечи напряжены, на шее проступили жилы, челюсть подрагивает от нервного тика. На меня он старается не смотреть.

– Говорю же, Кэт, я люблю тебя! Я хочу быть с тобой! Я думал, мы поговорим об Эл, а тебя интересует только этот дом и твой чокнутый дед! – Росс вскакивает и бежит к двери. – Побуду наверху, потом вернусь, и мы обсудим все как нормальные люди, ясно?

И он уходит, тяжело топая по ступеням. Грохочет гром, и я подпрыгиваю от неожиданности. Бедро вибрирует, я спохватываюсь и дрожащей рукой пытаюсь достать из кармана телефон. Звонящий вешает трубку. Номер незнакомый. И тут приходит эсэмэска. «Перезвоните срочно! Рэфик». Я слушаю голосовое сообщение, оно дублирует текстовое, хотя голос звучит так напряженно, что мне становится страшно. Детектив-инспектор Рэфик никогда не

разговаривала со мной таким тоном. Она встревожена и, вероятно, даже напугана.

Нужно ей перезвонить, но я чувствую, что близка к разгадке. Я стою на краю бездны и уже готова в нее шагнуть. Это случится сегодня!

В почте непрочитанное письмо от адресата *ProfessorCatherineWard@southwarkuni.com*. Профессор ответила. Свет в кухне мигает, я смотрю, как грузится сообщение, и пытаюсь не обращать внимания на колотящееся в груди сердце, на свои медленные, мутные мысли.

Здравствуйте, детектив-инспектор Кейт Рэфик!

Большое спасибо за письмо. Я только сейчас вернулась из трехнедельной поездки в Арктику и как раз собиралась с вами связаться. Мои коллеги невольно ввели следствие в заблуждение, когда сообщили вам, что доктор Росс Маколи не покидал конференцию до ее окончания в 16:00 третьего апреля. На самом деле он уехал вечером второго числа, точнее, в 17:45.

Насчет времени я уверена, потому что из-за плохой погоды мой рейс в Берген перенесли – у меня была всего пара часов, чтобы покинуть университет, собрать вещи и доехать до Гатвикского аэропорта. Я видела, как доктор Маколи кладет свой чемодан в багажник и выезжает с парковки. Я знакома с доктором Маколи лично – в прошлом году он делал доклад на симпозиуме в Глазго.

Приношу свои глубочайшие извинения за то, что сообщила вам эти сведения так поздно! Я увидела в новостях, что пропавшую женщину нашли, но ее гибель не сочли подозрительной. Надеюсь, мое упущение не имеет большого значения, и я готова ответить на любые вопросы. Ниже вы найдете номера моего личного и служебного телефонов.

*С уважением,
Кэтрин Вард*

Конечно, профессор права. Это вообще ничего не значит. Раздается еще один раскат грома, и оконная рама дрожит. Я сглатываю. Итак, он солгал. И мне, и полиции. Не зря я ей написала, хотя нечто подобное я и предполагала...

Молния освещает кухню ярким белым светом, и я моргаю. Мне кажется, что я заметила в саду кое-что, чего там быть не должно. Дом беспокойно стонет, пробуждаясь от спячки. Я слышу, как наверху ходит Росс; старые половицы скрипят, словно желая меня предупредить. Я встаю, натыкаюсь на стол. Голова кружится, перед глазами мелькают черные точки. Хватаюсь за стул, чтобы не упасть, роняю его, но стук приглушенный, словно под водой. И лишь когда я ушибаюсь бедром об стол, в ушах раздаются хлопки, и я снова начинаю слышать шум непогоды и звуки старого дома. Опираюсь ладонями о стол, перевожу дыхание и жду, пока твердость дерева не передастся и мне.

Смотрю на бокал с вином. В неверном мигающем свете оно выглядит красным, как застарелая кровь. До меня доходит, что я уже много дней ощущаю непривычную заторможенность и сплю по двенадцать часов подряд. Росс столько раз смешивал коктейли и наливал вино, стоя спиной ко мне у бара «Пуаро»! Початая бутылка водки на кухонном столе. Чай, который он всегда заваривал заново, потому что старый якобы перестоял. Токсикологический анализ Эл. Таблетки в шкафчике в ванной. Логан сказал: «Наверное, они так или иначе связаны с ее смертью». Лондонская конференция «ЭФФЕКТИВНОСТЬ И БЕЗОПАСНОСТЬ ПСИХОАКТИВНЫХ МЕТОДОВ ЛЕЧЕНИЯ»...

Я бросаюсь к раковине, выплескиваю вино и пью воду из-под крана до тех пор, пока желудок не становится твердым и полным, а в голове не проясняется. Еще одна вспышка молнии и рокот грома. Оглядываюсь на окно с решетками в раме, в которое и ребенку не вылезти. В подоконник вколочены длинные кривые гвозди. Росс сказал: «Мне они не мешают. Я решил, что так безопаснее для Эл, когда меня нет». Эл писала: «Все, что он покупал и расставлял по местам, делало мою тюрьму еще теснее, еще надежнее».

Возможно, это вовсе не те же самые гвозди, которые забил дедушка.

Я смотрю на кафель перед маминой плитой и наконец вижу, как по нему бежит темная кровь, скапливаясь в стыках.

Половицы над головой скрипят. «Опасность! Беги!»

И я бегу. Об остальном подумаю позже. Я несусь по коридору, не обращая внимания на предупредительное дребезжание тарелок с птицами. В прихожей быстро оглядываюсь. Вспышка молнии освещает

пустую лестничную площадку и витражное окно. Я бросаюсь к входной двери.

Заперта.

Я теряю драгоценное время, дергая замок снова и снова, хотя понимаю, что это бесполезно. Ключ всего один, и он у Росса.

Бегу по коридору обратно, оглядываюсь на пустую, исчезающую в темноте лестницу, залетаю на кухню и прикрываю дверь.

«Беги!»

Я бросаюсь в ледяную буфетную и никак не могу отыскать выключатель. При свете молнии вижу, что мой худший страх оправдался: ключ из замочной скважины исчез. Дергаю ручку, но дверь в сад тоже заперта.

Бежать некуда, Росс скоро вернется. Сначала нужно успокоиться, подумать и уже потом действовать.

Иду на кухню, поднимаю упавший стул. Достаю телефон и перезваниваю Рэфик.

– Я в доме, – сообщаю, когда включается автоответчик. Не успеваю сказать еще что-нибудь, как раскат грома сотрясает дом, сигнал пропадает, и очередная молния освещает задний двор.

Уродливые постаменты с бетонными вазонами, мощный двор, прачечная с шиферной крышей, цепи на двери. И там, на голой стене, виднеется огромная надпись, выведенная кроваво-красными буквами.

...Эл вскрикнула, глядя в окно и указывая пальцем. Я помню ее отражение в темном оконном стекле, округленный в ужас рот. Лунный свет серебрил тени яблонь, прогулочного двора, высоких тюремных стен и два слова, намалеванные уродливым красным цветом.

ОН ЗНАЕТ

Я буквально оцепенела от страха.

И тут в замке повернулся ключ. С грохотом, тяжелым и звонким, как отпирались тюремные камеры в Шоушенке...

Раскат грома, свет гаснет, и я с визгом роняю телефон. Опускаюсь на четвереньки, шарю по полу, и тут с низким гудением снова загорается свет.

– Кэт?

Я замираю. Телефон лежит под столом. Бросаюсь за ним, вскакиваю на ноги.

– Ты в порядке?

Скрип-скрип, тишина. Он наверху лестницы.

– Да, – дрожащим голосом отвечаю я.

Снова скрип, длинная пауза.

– Сейчас возьму фонарик, на случай если опять вырубится электричество, и спущусь к тебе. – Скрип. – Никуда не уходи!

Наигранная веселость почти не скрывает победных ноток в голосе. Очень странно, учитывая нашу ссору, особенно то, что сказала я, и то, чего не сказал он... К тому же Росс наверняка слышал мой испуганный крик.

Раздается звон, и я останавливаюсь как вкопанная. Низкий, звучный гул. На доске яростно раскачивается колокольчик. Тонкий жестяной фа-диез или соль-бемоль. Надпись «Ванная» едва видна за неистово болтающимся язычком в форме звездочки. Поднимаю взгляд на потолок. Какого черта Росс решил подергать за шнур в ванной? Смотрю на свое отражение в оконном стекле, черты лица искажены дождем. Звонит не Росс!

Напряжение в сети снова падает, свет мигает и гаснет, но я уже не кричу. Раскат грома сотрясает дом от потолка до пола, задний двор освещает ослепительно белая вспышка молнии. Я жду, что слова исчезнут, и отчаянно на это надеюсь, ведь тогда я – просто сумасшедшая, которая настолько увязла в мире фантазий, что не может отличить вымысел от реальности. И все же они никуда не деваются и отчетливо видны за миг до того, как сад снова погружается в темноту и в кухне загорается свет. Надпись на стене:

ОН ЗНАЕТ

...Мама истошно завопила, услышав ключ в замке. Она схватила Эл здоровой рукой, меня – покалеченной, оттащила нас от окна и вытолкнула в коридор. Мы не хотели уходить. Мама проводила нас до кладовой, к Берлинской стене. «Быстро в Зеркальную страну!» Ее перекошенное, в кровоподтеках лицо полно решимости, ногти больно впиваются в нас, ноги не скупятся на пинки – она никогда не боялась причинять нам боль. Взгляд через плечо – словно птица, готовая

клюнуть, готовая улететь. «Я его задержу, но надо спешить! Время пришло. Это должно случиться сегодня! Вам пора уходить. Бегите!...»

Теперь звонят сразу два колокольчика, неистово и в диссонанс друг с другом, их язычки болтаются как угорелые, доска трясется, с нее летит пыль. Спальня номер четыре и номер пять. Башня принцессы и Машинный отсек. Они звонят вместе, потому что оба находятся на одном конце лестничной площадки. Потом подключается спальня номер три: низкий и длинный звон, вливающийся в их гаснущее эхо. Он возвращается. Спотыкаясь, я выбегаю из кухни, свет мигает, и тут колокольчики снова меняются. Спальни номер один и номер два – Джунгли Какаду и кафе «Клоун». Он наверху лестницы. Я бегу в кладовую, откидываю штору. Совершенно неважно, что эти кроваво-красные слова – лишь подавленное воспоминание. Неважно, звонят колокольчики на самом деле или у меня в голове. Неважно, что уже более двадцати лет нет ни мамы, ни Синей Бороды, ни учебной тревоги. Это – предупреждение, которому я обязана внять. Гораздо в большей степени, чем мои фантазии или старые скрипучие половицы, колокольчики всегда были самой лучшей системой сигнализации этого дома, а Зеркальная страна – его убежищем.

Вслед за очередным раскатом грома раздается крик Росса. Не глядя в окно, я бросаюсь к буфету, поднимаю задвижку, ставлю табуретку, забираюсь внутрь. Свет мигает, и я включаю фонарик на телефоне, закрываю за собой дверцу. Глубокие тени приближаются и отступают, я с усилием отодвигаю два тяжелых засова. Понятия не имею, что делаю, но остановиться не могу и не желаю. Хотя бы раз в жизни я должна довериться себе! Открываю дверь в Зеркальную страну и тут слышу двойной звонок: Росс в кухне. Я замираю. Он снова кричит, уже ближе. Раздается нестройный, лихорадочный перезвон. Миг тишины, потом еще один звонок. Они звучат приглушенно, и все же старая мышечная память не подводит. Гостиная. Столовая. Места для поисков у него заканчиваются.

Я прикрываю дверь и больше ничего не могу поделать. Росс знает, где укрытие. И он прекрасно знает, что замков нет ни на дверце буфета, ни здесь, и подпереть их нельзя. Голова кружится; я машинально ищу руку сестры, которой давно уже нет. Вступаю в темноту, спускаюсь ступенька за ступенькой, думая лишь о том, что Росс уходил из прачечной через окно-люк, раскачиваясь словно шимпанзе. Шепчу

слова, которые пришли мне в голову на этом самом месте одиннадцать дней назад: «Я больше не ребенок!» Теперь я не боюсь ни взбираться наверх, ни падать...

Мы спускались по лестнице, цепляясь за стены громоздкими рюкзаками. Эл крепко держала меня за руку, лучи наших фонариков выписывали зигзаги. Над нами ревел дедушка. Вскоре мамины возражения перешли в крики. Стены сотряс мощный удар, и Эл потянула меня вниз. «Идем, идем скорее!..»

Высокий, деликатный звонок как при входе в старомодный магазин одежды. Видимо, кладовая. Единственный звонок, которого я ни разу не слышала, потому что дедушка никогда не заходил туда. Он думал, что это просто узкая, холодная классная комната. До последней ночи он даже не подозревал о существовании Зеркальной страны, не знал, что в прачечную есть еще один проход, который не заперт ни на замок, ни на цепь. Я бросаю беглый взгляд наверх, но темнота слишком густая, ступени слишком крутые. Надо спешить – Росс вот-вот будет здесь.

Глава 27

Я добираюсь до нижней ступеньки, нащупываю свисающий с потолка шнур и дергаю изо всех сил. На этот раз лампочка загорается не сразу, свет тусклый и неверный.

Когда за шнур дернула Эл, Зеркальную страну залил серебристый свет, и я уронила рюкзак, съездившись от мощного удара над головой, от которого завибрировали деревянные стропила. «Что нам делать теперь?» Это прозвучало по-детски, но мне было все равно, что подумает Эл. Она подтолкнула меня к границе между Шоушенком и «Сатисфакцией». «Сделаем, как велела мама. Идем же!»

Я бегу по проходу к прачечной, распахиваю дверь, свечу фонариком в поисках окна-люка. В потолочных перекрытиях – только глубокие тени и старая паутина. Ну где же ты?

На потолке – квадрат из светлых, новых досок. Люк в крыше исчез...

Я судорожно освещаю холодное помещение. На крюке, прикрученном к восточной стене, висит кормовой фонарь. Теперь-то я понимаю, что это другой. Тот, которым дедушке проломили череп, наверняка хранится в полиции вместе с остальными уликами. И все же, как и фонарь, найденный под кроватью в кафе «Клоун», он меня пугает. Я вспоминаю о грозящей мне опасности.

Бегу обратно в проход, свет фонарика упирается в кирпичную стену в самом конце. Я в ловушке! Мне тошно и страшно, голова раскалывается, желудок скручивает от яда. Зря я надеялась, что сразу придумаю, как отсюда выбраться, что Зеркальная страна мне подскажет. Теперь она превратилась в настоящую тюрьму...

Борясь с головокружением, я спотыкаюсь о трехколесную коляску. Фонарик выхватывает выцветший ярлычок с названием фирмы, и я сразу вспоминаю: Серебряный крест! Отодвигаю капюшон, и на заплесневелой подушке вижу открытку с дыркой от гвоздя в углу. Беру ее в руки, переворачиваю, узнаю почерк Росса. И тут раздается щелчок; тусклый свет гаснет.

В Зеркальную страну с громким стуком врывается Росс.

Он спускается быстро, слишком быстро, чтобы я успела спрятаться. Я прижимаюсь к стене под лестницей, вздрагивая от

грохота ботинок. Росс окликает меня по имени и сразу замечает, хотя из-за фонаря «летучая мышь» я не вижу его лицо. Вместо свечи в фонаре горит пропитанный керосином фитиль, и пламя плюется искрами.

– Какого черта ты сюда забралась? – удивленно спрашивает он, словно ничего не произошло. – Разве ты не слышала, как я тебя звал?

Я моргаю от слишком яркого света.

– Зачем ты выключил электричество?

– Это не я, оно отрубилось само. – Росс поднимает фонарь. – Пойдем отсюда, здесь такой колотун... Давай.

– Росс, зачем ты заколотил досками люк в крыше?

Керосин шипит, по желобам прачечной мерно стекает вода.

– Так безопаснее, – отвечает Росс, понизив голос. – Понимаешь, через него в дом мог залезть кто угодно.

Делаю вид, что поверила, и набираю полную грудь воздуха.

– Я знаю, что ты вернулся со своей конференции второго, а не третьего. – И еще я знаю, что это смертельно глупо! Если Росс виновен, то заводить разговор начистоту в замкнутом темном пространстве – полное безумие. Хотя, пожалуй, только здесь мне и хватит на это храбрости.

Долгая пауза.

– Ты меня проверяла? – Голос низкий, тон спокойный, даже слишком.

Я вижу лишь его силуэт. Если прикрываю глаза, под веками разливается золотое сияние керосиновой лампы. Но я чувствую его запах, я чувствую его близость.

– Я уехал раньше, потому что Эл умоляла меня вернуться. Ей было страшно, она нуждалась во мне. Бедняга стала настолько неуравновешенной, что я боялся, как бы она не наделала глупостей. – По стене прыгает тень – Росс пожимает плечами. – Подходящего рейса не нашлось, и я поехал на машине. Впрочем, до дома так и не добрался. Я не нашел в себе сил встретиться с ней, просто не смог. – Он издает звук, похожий и на смех, и на фырканье. – Ничего я с ней не сделал, Кэт.

– Зачем тогда солгал полиции?

– Запаниковал. Копы всегда подозревают мужа, а я уже тогда понял, что Эл больше нет и мой ранний отъезд воспримут превратно. –

Он снова то ли фыркает, то ли смеется. – И не ошибся – ведь даже ты мне не веришь!

Росс опускает фонарь, идет ко мне. Я заставляю себя не дергаться. Теперь я его вижу: запавшие щеки, взлохмаченные волосы. Это же Росс...

– Почему все двери заперты?

– Что?

– Зачем ты запер обе двери?

– Я вернулся с работы и обнаружил на лужайке перед домом двух репортеров, которые пытались заглянуть в окно гостиной. – Он всплескивает руками. – Если хочешь, я сейчас же все отопру! – Долгая пауза. – Господи, Кэтриона, ты пробралась сюда, чтобы сбежать через люк в крыше?! – с притворным удивлением восклицает Росс, и я чувствую себя полной дурой. – Неужели ты меня боишься?

Он отступает назад, запускает пальцы в волосы.

– Ты был здесь четвертого сентября, Росс. Ты нам помогал!

На этот раз меня заставляет подпрыгнуть вовсе не раскат грома, а резкий удар молнии прямо над домом. Так и вижу, как ледяные белые пальцы стремительно пробираются сквозь паутину, провода и тайные укрытия в землю под нашими ногами.

Росс сидел между нами на палубе «Сатисфакции», и Эл впервые поведала ему обо всем. О том, что мама сказала: теперь всегда будет как в ту ночь, когда дедушка нашел нас в шкафу в кафе «Клоун». Он избивал нас так сильно, что мама потеряла голос от крика, пытаясь его остановить. Синей Бороде наскучило мучить одну только маму, а мы выросли слишком быстро, несмотря на ее предупреждения. Больше спасти нас она не могла, и настала пора бежать. Мы должны были придумать ПЛАН.

– Кэт!

Я качаю головой, прижимаюсь ладонями к холодному камню за спиной. Вспоминаю пробник с красной краской в коробке из-под обуви.

– Это ведь ты написал «ОН ЗНАЕТ» на стене в ту ночь?

Росс вздыхает с досадой.

– Ладно, сама захотела. Да, это сделал я. В ту ночь я стоял на стреме, черт бы все побрал! Увидел, как старик возвращается из Миссии, и сразу вспомнил про банки с краской в прачечной. Кэт, я должен был вас предупредить!

– Ты ведь мог проникнуть в сад в любой момент?

– Что?!

– Раньше я думала, что ты появился из ниоткуда, словно супергерой. Якобы любовь к нам – точнее, ко мне – помогла тебе перелететь через стену или спуститься с крыши прямо в сад, чтобы нас спасти. – У меня из горла вырывается уродливый всхлип. – Теперь я все поняла!

Росс хмурится, недоуменно двигает челюстью.

– Ну да, я мог спуститься в сад с крыши. Разве это важно?

– Важно, потому что это – очередная ложь! Ты говорил нам, что можешь попасть в Зеркальную страну только через люк в крыше – ты хотел неожиданно появляться в нашей жизни, в нашем мире, когда удобно тебе. – Я смотрю на узкие черты его лица, на тени, вспоминая, как его преображает улыбка. «Не рассказывайте обо мне своей маме: она все испортит!» – Ты хотел оставаться нашей тайной.

– Кэт! – Росс неожиданно крепко хватает меня за руки, в глазах его сверкает гнев. – Почему ты сидишь в темноте и холоде, вспоминая события двадцатилетней давности? Я понимаю, последние несколько дней...

– Дедушка ни разу не возвращался из Миссии рано, – говорю я. – Никогда!

Росс выпускает мои руки.

– А в ту ночь вернулся.

– Почему? По пятницам он всегда засиживался допоздна. Откуда он узнал? Не от тебя ли?

– Кэт, ты серьезно?! Сперва обвиняешь меня в убийстве жены, потом говоришь, что я запер тебя в этом чертовом доме, а теперь – что? Думаешь, я был в сговоре с твоим двинутым дедом?

– Конечно, нет. – Какой в этом смысл? Никакого. Голова раскалывается, сердце колотится, мысли несутся все быстрее и быстрее.

Я пытаюсь протиснуться мимо Росса; фонарик случайно освещает кирпичную стену на противоположном конце прохода и черный крестик, нарисованный маркером в полуфуте от земли. Я опускаюсь на колени и трогаю ее пальцами, вспомнив письмо Эл: «МЕСТО ПОМЕЧЕНО КРЕСТИКОМ». Вот оно! Здесь висел портрет пиратского капитана Генри Моргана на фоне Острова, который написала Эл.

Мама знала, что в проулке между нашим и соседским домом есть запертая на засов дверь, которая ведет в палисадник без калитки. И еще она знала, что мне слабó вылезти через окно-люк и перебраться с крыши прачечной на стену между участками. Ей так и не удалось побороть мой страх высоты – ни уговорами, ни угрозами. Мы с Эл должны были уйти вместе, потому что не могли покинуть друг друга, пока живы. Но лучше всего мама усвоила то, чему научила всех нас Зеркальная страна: путь к спасению есть всегда! И этот путь лежал сквозь стену между нами и соседями.

У Энди Дюфрейна ушло двадцать семь лет на то, чтобы проложить туннель и сбежать из тюрьмы Шоушенк. Мама сказала, что у нас есть всего пара недель, однако нам следует соблюдать не меньшую осторожность, чем Энди. Мы верили ей безоговорочно и никогда не возражали. Эл ухватила за ПЛАН обеими руками и ногами, хотя бы для того, чтобы пойти по стопам своего любимого героя. А я сделала так же, как и всегда, – последовала за сестрой.

Мы использовали не геологический молоточек, а тяжелый молоток-гвоздодер, от которого болели руки и плечи. Устав, прислонялись к прохладным камням Зеркальной страны и слышали мамин ровный, спокойный голос, раздававшийся из кладовой у нас над головами – она делала вид, что читает нам вслух, учит тому, что мы уже усвоили.

Растущую дыру мы прятали за портретом Генри Моргана, осколки кирпича и цемента засыпали в картонные коробки и подставки от зонтиков на «Сатисфакции». Когда они наполнились, мама пришила потайные карманы внутри штанин наших тюремных роб. Энди Дюфрейн называл их «обманками»: длинные узкие мешочки, которые можно опорожнить, дернув за веревочку в обычном кармане, рассыпая доказательства своих раскопок по всему прогулочному двору Шоушенка. И мы тоже насыпали в «обманки» камешки и истолченные кирпичи, потом медленно брели через кухню и буфетную (если нам не везло, то мимо дедушки, закатывавшего глаза и восклицавшего: «Вот они опять, скованные одной цепью!») и спускались на задний двор. Там мы маршировали кругами, пиная серебристые и серые камешки, дергали за веревочки и незаметно рассыпали свои тайны, совсем как Энди Дюфрейн. День за днем, снова и снова, потому что мама слишком

боялась. Хотя дедушка, вероятно, не знал о Зеркальной стране и был глух как пень, назвать его дураком ни у кого язык не повернулся бы.

– Кэт, давай поговорим! Что происходит?

...Я сорвала капитана Генри со стены и замерла перед темной дырой. Эл ущипнула меня за руку, толкнула вниз. «Мы должны идти!» Потянувшись за рюкзаком, я оцарапала колени об холодную землю. И тут мы услышали жуткий звук: рычаг на электрическом щитке опустился, и лампочка погасла, оставив нас в крошечной темноте. Дверь в Зеркальную страну распахнулась, Эл всхлипнула. Задрожали ступени, раздался мамин вопль. Я полезла в дыру, понимая, что мы не успеем...

Рев, подобный горячему ветру, грому, буре, вырывающей с корнями железные деревья и баньяны, оползнию из грязи и камней. «И куда вы, мать вашу, намылились?» Удары кулаков, пинки, прерывистое дыхание. В кои-то веки я не чувствовала вообще ничего! Эл вскрикнула, схватилась за мое пальто и исчезла, выдернутая мощным рывком. И секунду, всего одну секунду, я продолжила путь без нее, протискиваясь к спасению, цепляясь за неровные края лаза волосами, руками, одеждой.

Но после этой секунды не было ни свежего воздуха, ни ночи, ни осенних запахов костра или гниющих листьев. Ни свободы, ни лаза. Пальцы скребли землю и обломки кирпичей, упираясь в препятствие, блокирующее ход с той стороны. Холодное, твердое и невероятно тяжелое. Я представила африканского слона в железной кольчуге, танк с орудийными башнями и черными цифрами на корпусе. «Ты не пройдешь!»

А потом меня затащили обратно в Зеркальную страну, ударив головой о камень. Ругань, громкий раскатистый смех. Мама лежит ничком и не шевелится, холодный луч серебристого света падает ей на волосы и окровавленный висок.

Мертвые огни! Синяя Борода наконец настиг нас...

– Что это было? – глухо спрашиваю я. – Ящик с песком? Мусорный бак?

– В смысле?

Закрываю глаза. Их жжет, хотя слез нет и в помине. Отталкиваюсь от садовой стены, встаю и заставляю себя посмотреть на Росса.

– Ты загородил выход в проулок возле своего дома. Придвинул что-то к лазу, и мы не смогли выбраться.

– Нет, конечно, нет! – с ужасом восклицает он. – Я всегда был на вашей стороне! Я сам ненавидел старого гада! Я вам помогал! Разве я мог причинить тебе вред?

– А как насчет Эл?

– Нет.

– Ты ее убил?

Росс хватается меня за руки.

– Нет! Какого черта ты городишь, ведь я любил – я люблю – вас обеих!

Я перевожу дыхание.

– Ты лжешь про события той ночи. Росс, я все знаю! Лаз заблокировали с твоей стороны! И если ты лжешь о том, что случилось тогда...

– Это все Эл! И этот чертов дом, будь он неладен! – Росс умолкает, отпускает мои руки. – Послушай, последние несколько дней – да что там, недель! – выдались тяжелыми. Поднимайся наверх, и мы обо всем поговорим, обещаю...

– Никуда я не пойду!

Именно здесь мне удастся вспомнить, здесь я снова становлюсь собой прежней. Пока Росс не настолько меня пугает, чтобы от этого отказаться.

Он поднимает ладони.

– Ладно, оставайся, если тебе так угодно. Я схожу наверх, отопру двери, потом принесу чего-нибудь выпить, и мы поговорим.

Я не отвечаю. Буря снаружи утихает, раскаты грома и треск молний отдаляются, дождь уже не барабанит, а тихо шелестит по крыше. Росс с улыбкой подходит ближе, целует в щеку. Кожа гладкая – неужели побрился специально для меня? Я содрогаюсь.

Он оставляет мне керосиновую лампу и удаляется по скрипучей лестнице.

Я достаю из кармана телефон. Сигнала нет, Рэфик не перезвонила. Мне следовало бы испугаться, особенно учитывая, что Росс обещал вернуться с выпивкой, но я не боюсь. Чувствую странное спокойствие, словно происходящее не имеет ко мне никакого отношения. Наверное, отчасти из-за того, что двадцать лет назад здесь осталась половина

меня. Прижимаю холодные пальцы к щеке и до сих пор ощущаю прикосновение Росса.

Из прачечной подмигивает Энни, стоящая на пороге в высоких сапогах с пряжками и в куртке из воловьей кожи с пуговицами из китового уса. «Иногда приходится быть храброй, даже если ты последняя трусиха!»

Вынимаю открытку из-за пояса, переворачиваю.

Эл, детка, слава богу! Я чертовски по тебе соскучился! Ты даже не представляешь, как давно я мечтаю с тобой встретиться! Я ведь чуть не умер от тоски! Не знаю, скучала ли ты. Не знаю, любишь ли меня хотя бы вполтину так сильно, как я тебя.

Письмо твое довольно прохладное, но я все равно ЧЕРТОВСКИ РАД! Я понимаю, почему ты не захотела разговаривать со мной в тот день возле Национальной галереи. Я понимаю, насколько он запудрил тебе мозги. На мой счет ты ошибаешься, но ты не виновата!

Давай встретимся, только я и ты! На этот раз обойдемся без Кэт. Я слышал, что на следующей неделе в Роузмаунте будет вечеринка, и знаю, что тебя пригласили (да-да, я знаю про все, что происходит в твоей жизни, ведь я тебя чертовски ЛЮБЛЮ!).

Отправь эсэмэской номер своей старой комнаты, там и встретимся в два часа. Всего разочек, а потом я оставлю тебя в покое, обещаю! Хотя это и разобьет мне сердце.

Прошу, приходи, детка! Приходи, и я покажу, как сильно ты мне нужна!

Люблю тебя, моя блондиночка!

Твой навеки,

Росс

P.S. Ничего не говори Кэт, иначе она все испортит!

На меня нападает истерический хохот. Я до сих пор помню посеревшее от ужаса лицо Эл над обнаженным плечом Росса, безмолвный упрек в ее взгляде. Дверь на лестницу распаивается, Росс начинает спускаться, и мой смех превращается в тревожное хихиканье.

«Это судьба, — думаю я, — чертова судьба!»

Глава 28

Через полгода после переезда в Лос-Анджелес я так и не оправилась от потрясения и все же считала, что поступила правильно. Однажды я встретила мужчину, чья кривая улыбка напомнила мне Росса. С момента знакомства не прошло и часа, как мы занялись сексом прямо на парковке возле захудалого ночного бара. Мы трахались так отчаянно, так лихорадочно, что я сама была в шоке. Я неделями гонялась за ним по Венис-Бич, полная безумных надежд. В конце концов он меня мягко отшил – пожалуй, гораздо более мягко, чем я того заслуживала, – и я рыдала у него на плече и умоляла хотя бы об одной ночи. Последней ночи, когда я смогу почувствовать. Последней ночи, когда я смогу притворяться... А Эл считала слабой себя, думала, что обречена с самого начала!

Росс возвращается в круг света, улыбается своей фирменной улыбкой и протягивает мне бокал красного вина. «Останься со мной! Я тебя люблю! Не так, как любил Эл, по-другому. Лучше!» Я беру вино, делаю маленький глоток.

ОН УБИЛ ЕЕ

ОН УБЬЕТ И ТЕБЯ ТОЖЕ

Одна открытка ничего не значит. Понятно, что Росс – чертов манипулятор, но это вовсе не делает его убийцей. В темноте фыркает Энни. Внезапный раскат грома заставляет меня вздрогнуть. Снова шумит дождь, в окне прачечной отражается серебристо-белая вспышка молнии. Я прижимаю руку к груди, слушаю, как колотится сердце. Ничего еще не закончилось. Я в самом эпицентре бури.

«Как насчет тебя, моя блондиночка? Ты меня любишь?»

Вынимаю открытку. Росс недоуменно моргает.

– Что это такое?

Я приближаюсь к нему медленно, как к дикому зверю, протягиваю открытку и снова отступаю. Смотрю, как он читает, как подрагивает мышца на его челюсти, как углубляется складка между бровями.

– Откуда она у тебя?

– Нашла прямо здесь.

– Здесь?! – Росс смотрит на меня. – Это неправда! Неужели ты ей веришь?!

Я ставлю бокал на землю.

– Почерк твой.

– Ладно. – Росс сминает открытку в кулаке. – Я сам хотел, чтобы она узнала про нас, поэтому и написал ей. Мне осточертело врать! Я хотел, чтобы Эл поняла, как сильно мы хотим быть вместе. Поверь, сейчас я прекрасно понимаю, какую ошибку совершил...

Он роняет открытку, подходит ко мне и одновременно с очередным ударом грома берет за руки, прижимается к моим губам и смотрит на меня так искренне и горестно, что я едва не забываю, зачем мы здесь.

– А потом она попыталась покончить с собой... Вот что я наделал! Эл умоляла, говорила, что я – единственный мужчина, которого она способна любить. Пообещала уничтожить всех нас, лишь бы не отдавать меня тебе. – Росс нежно проводит пальцами по моей щеке. – Кэт, она была не в своем уме и нуждалась в помощи. Ты ведь знаешь, я и так чувствовал себя ужасно виноватым!

– Конечно, знаю.

– Эл меня заставила, вот и все. На самом деле я всегда хотел быть только с тобой!

Расспрашивать его о письме Эл, об обвинениях Мышки или о сообщении на телефоне Мари смысла нет. У него на все один ответ: она не в себе, она бредит, ей нужна помощь.

Я отстраняюсь, и Росс встает между мной и лестницей.

– Что ты делаешь?

– Ухожу.

– Нет!

Росс складывает руки на груди, я пытаюсь протиснуться мимо него.

– Пропусти.

Он хватает меня, прижимает к себе, сует холодные руки под футболку, лижет и целует в шею.

– Росс, дай пройти!

Его руки лезут под бюстгальтер, большие пальцы прижимают соски, поцелуй становится болезненным.

– Хватит!

Конечно, он не подчиняется. Росс всегда поступает по-своему.

Внезапно я вспоминаю, как мы с Эл сидели в камере Шоушенка. Росс, охранник в нашем крыле, смотрит через проволочную сетку. Карие глаза, теплая улыбка. «Я отпущу вас, если пообещаете не убегать. Если пообещаете остаться со мной навсегда».

Я отшатываюсь, Росс снова тянется ко мне. Я бью его коленом в пах, он охает и смотрит на меня с изумлением. Я выворачиваюсь и запрыгиваю на первую ступеньку. Росс хрипло кричит мне вслед, лестница под ним содрогается, а я лечу наверх, наконец очнувшись.

Он ловит меня на предпоследней ступеньке; хватает за щиколотки, словно подкроватный монстр. Я пинаюсь, Росс лишь сильнее сжимает хватку, впиваясь в мои лодыжки. Я бессильно касаюсь двери Зеркальной страны, и тут он рывком стягивает меня вниз и волочит по лестнице. Углы ступеней больно царапают тело, от удара головой перед глазами мелькают черные точки.

...После того как дедушка выволок нас из лаза в стене, он дал нам достаточно форы, чтобы мы попытались убежать. Эл он поймал на лестнице. К тому времени, как она перестала кричать, мой взгляд затуманился от крови и паники. Я протянула руку, и сестра исчезла. Фонарь Синей Бороды освещал потолок, из темноты доносились крихтенье и шепот, перекрывавшие судорожный кашель...

Пот Росса – кислый. Я пытаюсь выбраться из-под его тела, глаза заливают слезы ярости. Мне нечем дышать.

«Я здесь!»

Голос сестры – не просто эхо, он обжигает ухо, он не менее настоящий, чем ругань Росса мне прямо в лицо.

...Спустившись вниз и увидев дедушкины руки на шее Эл, ее открытый рот и выпученные глаза, я закричала. Как жаль, что наши рогатки и дубинки остались запертыми в шкафу! Я ударила кулаком, как ковбой, и пнула ногой, как индеец-сиу. В бессильном ужасе я встретила взглядом с налитыми кровью глазами Эл и поняла, что мама права: я тренировалась слишком мало. Мне не хватит сил его остановить...

Я перестаю бороться с Россом, обмякаю и вдруг вижу белую карточку, прикрепленную к потолку черной изоляцией.

БЕЛОСНЕЖКА СКАЗАЛА: «МЫ НЕ ПОКИНЕМ ДРУГ ДРУГА НИКОГДА-НИКОГДА». АЛОЦВЕТИК ОТВЕТИЛА: «ДО ТЕХ ПОР,

ПОКА МЫ ЖИВЫ».

Наступает напряженная, густая тишина. Даже гроза сдает позиции.

– Она здесь.

– Кто?! – Голос Росса звучит неуверенно и слегка испуганно.

– Что ты творишь, Росс? – спрашиваю я, стараясь говорить как ни в чем не бывало.

Он смотрит на меня сверху вниз, закусывает губу. Между бровями снова появляется складка, и Росс опирается на ступеньку надо мной, нехотя переносит вес на руки, встает и поднимается по лестнице. Оборачивается, переводит взгляд с меня на потолок. Складка на лбу становится еще глубже. Мы не посвятили его в тайну нашего пиратского кода – Росс вообще не знает, что у нас был особый код. И ему точно невдомек, что означают эти слова: «Доверься мне! Доверяй мне, и больше никому!» Даже если тебе не хочется, это нужно сделать.

Дождь стучит по деревянной крыше, и я с тоской думаю о двери у Росса за спиной, о мокрой темноте улицы.

– Ты сорвал наш побег! Загородил дыру в стене и предупредил деда. Ты помог ему, а сам притворился, что печешься о нас!

– Нет, нет! – Росс в сердцах бьет кулаком по стене. – Детка, ты ошибаешься! Это неправда!

Он берет мое лицо в ладони, проникновенно смотрит в глаза, и это гораздо хуже, чем когда он бросался на меня как монстр из фильма ужасов и лез драться. Росс гладит меня по щекам, утирая слезы.

– Прошу, блондиночка! Я люблю тебя, ты ведь знаешь!

Я всегда вспоминала хорошего дедушку и плохую маму. А еще был зловредный, вздорный домашний тиран и мама, которая гладила дочерей по голове и повторяла, что должно родиться сто тысяч младенцев, прежде чем какой-нибудь матери повезет и у нее появятся такие необыкновенные дети, как мы. Я никогда не вспоминала о том, что случилось на самом деле. Вовсе не потому, что не вынесла бы правды о плохом дедушке и хорошей маме, но потому, что не вынесла бы правды о моем Прекрасном принце... Легче покрыть грязь, темноту и страх золотом и блестками, сверкающими гирляндами, запахами дров в камине и зимнего леса, чувствовать дивные прикосновения его рук, все то же лихорадочное нетерпение, все то же любовное безумие... Эл знала: если расскажет мне правду про Росса, я ни за что не поверю. Я

привыкла притворяться и лгать себе с тех самых пор, как покинула этот дом много лет назад.

...Эл уже обмякла, и тут я вспомнила о «резалке» в кармане. Самодельный нож из зубной щетки, как у героя Стивена Кинга. Я сомневалась, что у меня получится, пока не полоснула дедушку по горлу и он не испустил душераздирающий крик. Попятился и вытащил нож из шеи, заливаясь кровью. Я потратила бесценные секунды, дожидаясь, пока Эл снова начнет дышать. И тогда дедушка оскалился, клацнул зубами и бросился на меня. Я оттолкнула его, и он поскользнулся на луже собственной крови, дав мне достаточно места, чтобы спуститься с лестницы. Подхватив Эл, все еще державшуюся за горло, я помчалась обратно в Зеркальную страну. И вдруг поняла, что оглушительные крики, эхом летавшие по тесному коридору, – мои, а не ее...

– Тебя, только тебя, – твердит Росс. – Я всегда хотел только тебя, а она все испортила!

– Она здесь, – повторяю я, потому что знаю: это правда. Мне помог и дом, и Зеркальная страна, и сама Эл – моя сестра, мой друг. Ее запах, улыбка, мысли всегда текли параллельно с моими. Такое чувство, словно мир изменился с моно на стерео! Впервые за долгое время я осознаю, как мне ее не хватает, и хочется зарыдать, извиниться за все, что я натворила, умолять о прощении.

– Прекрати! – гневно бросает Росс, оглядываясь по сторонам, словно пытаюсь ее отыскать.

Я отступаю на каменные плиты Зеркальной страны, отпускаю перила. Я стала сильнее, храбрее.

– Черт возьми, да скажи ты наконец правду! – Иначе мы никогда отсюда не выберемся.

Росс молчит очень долго и наконец выходит из тени. Челюсти больше не сжаты, в глазах светится любовь, о которой я так долго мечтала. Свежевыбритая кожа выглядит розовой и слишком беззащитной – так и хочется провести по ней тыльной стороной ладони. Ведь это же Росс!

– Вы собирались уйти навсегда. – Он подходит ко мне, умоляюще протягивая руки. – Я бы потерял вас навсегда! Совсем как папа...

У меня перехватывает дыхание, дождь тоже прекращается, и наступает полная тишина.

– Он покончил с собой через пять лет после того, как мама забрала меня и ушла. Повесился на потолочном светильнике в моей старой детской. – Улыбка Росса ужасна, руки дрожат, и он подходит ко мне все ближе и ближе. – Я вас любил! Как бы вы жили без меня? Никто не позаботился бы о вас лучше меня, никто!

Я сглатываю. Похоже, для него мы с Эл навсегда сплавлены воедино, как песок и известняк. Росс делает еще шаг навстречу. И тут меня окутывает облако сладковатых духов Эл, а в ушах раздается ее громкий шепот: «Беги!»

Так я и делаю.

...Мы бросились на восток, в прачечную, но дедушка не отставал, изрыгая нам вслед проклятия. Камень сменился деревом – мы мчались по палубе «Сатисфакции», и ее доски визжали от ужаса. Он был все ближе и ближе. «Никуда вы не денетесь, мелкие паршивки!»

Я бросаюсь к корме и виднеющемуся на горизонте силуэту корабля Черной Бороды, к окошку в красной раме. Судорожно ищу, чем его разбить, и вдруг понимаю, что стеклышки здесь еще меньше, чем в доме...

– Ты не можешь уйти!

– Росс, перестань!

– Кэт, я никому не рассказывал про папу, даже Эл.

– Росс, ты меня пугаешь! Я не уйду, обещаю. Давай-ка лучше... –

Он продолжает наступать, и я испуганно пячусь. – Прошу, не надо...

– Я тебя не обижу! – запальчиво восклицает он.

В его глазах – страсть, дикая и необузданная, и я больше не верю, что это любовь. Ведь здесь мы с Эл впервые уплыли от него, оставив на коленях посреди Карибского моря. Бросили его в крови и слезах, а сами притворились, что не слышим отчаянных криков.

...Дедушка впечатал Эл в стену над кормой. Я взвыла, бросилась на него, получила локтем в живот и замерла, хватая воздух ртом. Он усмехнулся, оскалив зубы. Кровь струилась по его шее, обвивала ее как шарф, стекала на рубашку. «Не волнуйся, девонька! – захохотал он. – Мне совсем не больно». И я получила удар в висок, такой мощный, что у меня ноги подкосились...

– Росс, нет! Перестань! – Я съеживаюсь, отталкиваю его руки и гадаю, каково пришлось Эл, когда она пыталась от него уйти. И вдруг я вспоминаю, чем для нее все закончилось.

– Я тебя не обижу. – Росс хватает меня и сжимает так сильно, что трещат кости. – Я никогда тебя не обижу!

Интересно, он сам сознает, что утвердительно кивает головой?

Я продолжаю вырываться, хотя понимаю, что он гораздо сильнее меня. Росс удерживает мои запястья одной рукой, другой нежно проводит по плечу, по ключице. Я вздрагиваю и замечаю в его глазах огонек безумия. Борьба между тем, чего он действительно хочет, и тем, чем ему всегда приходилось довольствоваться. Рука скользит по моей шее, пальцы гладят кожу под ухом, сжимаются крепче и крепче, наконец большой палец ложится на горло и жмет так сильно, что я начинаю задыхаться. И тут безумие в его глазах вспыхивает ярче.

...Когда я пришла в себя, дедушка снова душил Эл. Ее глаза закатились, лицо посинело, пальцы слепо хватали воздух. Я побрела к ним, понимая, что все напрасно: мне ее не спасти...

– Я тебя не обижу. Я тебя не обижу, – успокаивающе бормочет Росс, сжимая мое горло все крепче и крепче, и жилы на его шее вздуваются от натуги. Я сползаю по холодной шершавой стене. – Я не убил ее, – все тем же ужасающе спокойным голосом заверяет он, и с носа капает пот. – Не убил.

Еще как убил! И вот-вот убьешь меня...

Голова наливается тяжестью, мои судорожные вдохи звучат в унисон со вдохами сестры. Зрение начинает гаснуть, по краям наступает чернота.

И тут Эл хватает меня за руку, щиплет. «Мертвые огни! – кричит она. – Мертвые огни!»

...Я пересекла палубу, хватаясь за все, что под руку попадет, словно мы угодили в карибский шторм. Стараясь не обращать внимания на дедушкино натужное пыхтение, я смотрела лишь на корму и на фонарь, висевший на ржавом крюке. Дедушка обернулся, и я подняла фонарь высоко над головой. Удивленная гримаса, ласковый голос: «Положи-ка эту штуку, девонька». И я едва не подчинилась, сама того не сознавая, как вдруг увидела ползущую к нам по палубе маму с залитыми кровью глазами. Она хрипло вскрикнула, увидев, что дедушка продолжил душить Эл.

«Оставь их в покое! Они же просто дети!»...

Я открываю глаза. Нет, Кэт! Скажи чертову правду!

...«Оставь их в покое! Они же твои дети!..»

Росс всхлипывает и разжимает пальцы. Я чувствую, как в легкие возвращается воздух, только это уже неважно. Я знаю, он не остановится. Так или иначе, он меня угробит.

Отползаю, хватаюсь за крюк и встаю. И тут начинают звонить все колокольчики сразу. Высокие и нестройные, низкие и протяжные – громко настолько, что содрогаются камни.

«Твои дети». Вот она, ужасная правда о нас. Мы не ковбои, не индейцы, не клоуны, не пираты, не заключенные. Мы – дети нашего дедушки...

...Фонарь в моих руках дрогнул, петли протяжно скрипнули. Я посмотрела на безжизненное тело Эл, на дедушкину макушку, на сгорбленные, напряженные плечи...

И я опускаю фонарь – мой Мертвый огонь – прямо на макушку Росса, ударив так же сильно, как когда-то дедушку. С той же черной яростью и ледяным ужасом. Снова и снова, пока все силы не покидают меня, пока звук не перестает быть твердым, коротким и белым, сменившись мягким, длинным и медно-красным.

* * *

Я долго выбираюсь из Зеркальной страны по лестнице, но, очутившись на пороге, обнаруживаю, что не могу уйти. Сажусь на верхнюю ступеньку, прислоняюсь к двери. Надо бы позвонить Рэфик, думаю я, и смотрю на тени Шоушенка, на поворот на восток, где стоит «Сатисфакция».

...Мама молчала долго. Она ужасно рассердилась. Тогда мне казалось, что на нас, теперь же я понимаю, что на себя. Ее план совершенно провалился. Она посмотрела на дедушку, потом опустилась перед ним на колени. Сперва я решила, что она хочет его оплакать или обнять, но мама толкнула тело на бок, словно мешок с картошкой. Из него вырвался вздох, и мы с Эл завизжали.

«Он мертв, – заверила мама и встала с колен. Оглядев раскрашенные стены и длинные камеры Шоушенка, она болезненно поморщилась. – Мы не можем оставить его здесь. Помогите затащить тело по лестнице».

Мы волокли его по ступенькам не менее получаса. К тому времени, как добрались до кухни, усталость выжгла шок дотла.

«Идите наверх, – велела мама. – Соберите свои вещи и книги, потом возвращайтесь в Зеркальную страну и запирайте их в шкафу со всем остальным».

Большую часть своих скудных пожитков мы снесли туда за несколько недель до того, как мама рассказала нам про ПЛАН. Еще одна игра, еще одна учебная тревога, в которой мы участвовали, как всегда, беспрекословно.

Когда мы спустились в Зеркальную страну с полными руками вещей, притихшие и серьезные, мама разбирала на части Шоушенк, складывая старые доски дощатого настила у внешней стены. У ее ног лежал молоток-гвоздодер.

«Придется замаскировать дверцу буфета, – хмуро сообщила она и посмотрела на нас. – Никто не должен знать, что вы здесь жили. Вам ясно?»

Мы кивнули, хотя ничего и не поняли. Едва ли мы думали о том, что будет после того, как проберемся сквозь дыру в стене, дверь без замка и палисадник без калитки. Когда мама выволокла последние доски в кладовую, она подбоченилась и кивнула в сторону буфета.

«Закрывайте дверь в Зеркальную страну. – Свирепо оглядела нас и утерла кровь с разбитого лица. – И не забудьте про задвижку».

Так мы и сделали, затем последовали за ней на кухню. Мама села за стол и положила перед нами ключ – дедушкин ключ.

«Вы должны сделать так, как мы договаривались. Отоприте входную дверь и скорее уходите».

«Теперь и ты можешь пойти с нами», – прошептала Эл.

«Мне придется тут все прибрать. Так и было задумано».

Она вздохнула, сняла с шеи перевязь из полотенца и принялась оттирать наши лица и руки от крови, как всегда грубо и эффективно. Мы знали, что лучше не жаловаться и тем более не плакать, к тому же боль наконец заглушила страх. Голова пульсировала в тех местах, куда дедушка ударил меня кулаком или швырнул об землю, и мозг казался слишком большим, чтобы помещаться в черепной коробке. Эл тщетно пыталась сглотнуть, в ее глазах стояли слезы. Мы не могли отвести глаз от лежавшего грудой возле плиты окровавленного тела, от темной крови, текущей по кафелю, по стыкам между плитками.

«Эл, на вешалке висит клетчатый шарф. Замотай им шею и не снимай. В ящике телефонного столика лежит пудра. Возьмите ее с собой и замажьте друг другу самые заметные синяки и порезы».

Мы стояли и смотрели на маму, сами не свои от потрясения и боли, пережитого ужаса и сожаления.

«Чего вы ждете?»

«А бабушка... – Я посмотрела на его лицо, на темно-красную кровь, струящуюся из пробитого черепа. – Бабушка – наш папа?»

Ее губы превратились в нитку, глаза сузились.

«Идите по маршруту на карте сокровищ, никуда не сворачивайте. Только в гавань, только к складу. Там всегда кто-нибудь есть, поэтому с вами все будет в порядке».

«Мама, – прошептала Эл. – Бабушка был...»

Я поморщилась, когда мама схватила меня за правую руку, Эл – за левую.

«Вы должны всегда держаться вместе, ясно?»

«Мы не покинем друг друга», – начала я.

«До тех пор, пока мы живы», – закончила Эл, вкладывая свою холодную ладонь в мою.

«Не доверяйте никому, не полагайтесь ни на кого. Кроме друг друга, у вас никогда и никого не будет!»

Мы кивнули, стараясь не заплакать.

«Помни, Эллис, ты – старшая, дегустатор ядов. Будь храброй, присматривай за сестрой. – Руки мамы дрожали, из раны на виске снова потекла кровь. – Помни, Кэтриона, не будь как я! Будь храброй. Всегда старайся видеть хорошее, а не только плохое».

И я кивнула, думая о полнящихся птичьим криком Джунглях Какаду, о всех ночах, в которые мы с Эл бежали в темноте под вспышками молний, под рев ветра и потоков воды, мимо теней, ощерившихся острыми зубами. На этот раз нас ждет то же самое, подумала я, хотя и знала, что будет по-другому.

Мама осталась на коленях, и черты ее ничуть не смягчились, но по избитому, распухшему лицу потекли слезы, падая на окровавленный ворот блузки.

«Никогда не забывайте, насколько вы особенные! – Она отпустила наши руки, закрыла глаза. – Теперь идите».

Я собралась возразить, и Эл крепче сжала мою руку.

«Идите же».

Мы не двинулись с места, и мамины глаза распахнулись, кулаки разжались, показывая ногти, рот сложился в тонкую, жестокую линию.

«Бегите!»

Полагаю, не так она хотела с нами расстаться. Ни слов прощания, ни слов любви – лишь грозный окрик. Мама знала, что мы подчинимся, ведь в иные моменты мы боялись ее больше всего на свете. С годами Эл и я сделались бесчувственными от ее злости, неодобрения и разочарования, как, наверное, и она сама. Так мама защищала нас, пыталась уберечь даже от малой толики страданий, выпавших на ее несчастливую долю. Ее любовь была жестока.

Лишь неделю спустя, уже в Роузмаунте, мы с Эл узнали из новостей, что мама покончила с собой. Убийство и самоубийство, вероятно, результат многолетнего насилия в семье, и номер горячей линии внизу экрана. Она приняла все дедушкины сердечные таблетки и легла с ним рядом на кухонном полу.

Последнее воспоминание о матери у меня такое: она стоит на коленях, загораживая дедушкино тело. Зубы стиснуты, на макушке розовая проплешина размером с кулак. Последние ее слова, эхом прокатившиеся по дому, сотрясшие толстые стены и высокие потолки, пока мы бежали со всех ног к кроваво-красной двери, были не менее ужасны.

«Не возвращайтесь сюда никогда!»

Но мы вернулись, причем обе. Мы не сдержали свои обещания: доверились чужому, покинули друг друга, все забыли...

Глаза печет от слез, из горла рвутся рыдания. Провожу пальцами по гладкой древесине двери, и хотя на ней остаются следы крови Росса, руки впервые за много недель не дрожат. Теперь я помню мамину карту сокровищ с черными дорогами и зелеными участками, длинным синим заливом и вулканом. Крестиком помечено место между стенами волнолома, большим деревянным сараем и ржавым краном. Там нас должен был ждать пиратский корабль, на котором мы отправились бы на Остров. Мама считала, что там мы найдем вторую жизнь, стоящую того, чтобы забыть о первой.

Я прислоняюсь к стене, смотрю на потолок. Дождь лупит как град, сильно и без всякого эха. Эл больше нет. Никого больше нет. И тогда я наконец начинаю плакать. Сжимаюсь в комок, обнимаю себя руками и

всхлипываю. И все горе, сожаления, ужас и стыд льются из меня потоком и растекаются по темным уголкам Зеркальной страны, оставляя лишь пустоту.

Глава 29

Первым меня находит Логан, трогает за плечо, и я вскрикиваю от неожиданности. Хорошо еще, что голос практически пропал. Логан сидит на корточках у порога Зеркальной страны, мокрые волосы липнут к голове. Больше он ко мне не прикасается, за что я очень ему благодарна. Он смотрит на меня совсем не как детектив-сержант, за что я благодарна вдвойне.

– Кэт, вы целы? Можете встать?

Наверное, могу, но отвечать не хочется. Я устала до изнеможения. То ли уровень адреналина в крови упал, то ли дают о себе знать подмешанные в вино таблетки.

Рэфик распахивает дверцу, отодвигает Логана в сторону, и шкаф заливает свет. Интересно, пришлось ли полицейским ломать входную дверь, чтобы прорваться в дом? Надеюсь, что да.

– Кэтриона, вы как? – Она окидывает меня долгим оценивающим взглядом. Детектив-инспектор никогда не забывает о своих обязанностях. – Где Росс?

Я сглатываю, и горло сжимается от боли.

– Вы пришли его арестовать?

Рэфик указывает на мою шею.

– Это он вас так?

Я киваю.

– Где он?

Я смотрю вниз на темную лестницу.

– Сначала нужно вытащить вас отсюда, потом и о Россе можно позаботиться. Логан, отведи ее в гостиную и поручи кому-нибудь за ней присмотреть.

Нет уж, тихонько сидеть в углу я не собираюсь! С трудом встаю, игнорируя предложенную руку Логана, и отступаю в Зеркальную страну.

– Черт! Логан, держи ее!

Я ловко уклоняюсь, и тогда Логан просто берет меня за руку. Видимо, слишком боится причинить мне боль, поэтому действует бережно.

– Ладно, можете остаться с нами, только держитесь позади.

Рэфик неодобрительно цокает языком, но не возражает. Я прижимаюсь к стене и пропускаю полицейских. Понятия не имею, что мы обнаружим внизу.

– Черт возьми, что это за место? – бормочет Рэфик, бредя сквозь мрак к золотистому кругу света, отбрасываемому фонарем Росса. Она застывает, оборачивается ко мне. – Значит, здесь вы...

Я коротко киваю, и она мрачнеет. Логан поднимает с пола фонарь.

– Налево, – шепотом указываю я.

Мы проходим мимо шкафа, мимо детской коляски с лейблом «Серебряный крест». Под ногами прогибаются половицы прачечной, и сердце ускоряет ритм. Не знаю, что надеюсь обнаружить и хочу ли увидеть Росса живым или мертвым.

Свет фонаря поворачивает влево и находит его. Росс прополз от кормы до оружейной палубы и каракулей Эл, выведенных мелом: «Ром» и «Припасы воды ЗДЕСЬ!», и больше не шевелится. Вдруг он вздрагивает и стонет так, что у меня сердце замирает. Поднимает взгляд, пытается встать. Левый глаз заплыл, рана над ним залита кровью.

Рэфик оборачивается ко мне.

– Это вы его так приложили?

Я киваю.

– Что происходит?

Я невольно отшатываюсь. У меня в голове не укладывается, что это существо говорит тем же голосом, что и мой Росс.

Рэфик обходит Логана, садится на корточки.

– Встать сможете?

Росс глядит на нее здоровым глазом.

– Думаю, да.

– Вашу рану осмотрит врач, – обещает Рэфик. – Логан, помоги-ка.

Я стою на палубе и наблюдаю, как они поднимают его на ноги. Росс пошатывается, прислоняется к стене прачечной, на которой нарисовано море и небо. Он смотрит только на меня.

– Что происходит, Кэт?

Рэфик отступает в сторону.

– Росс Маколи, я задерживаю вас по подозрению в нанесении телесных повреждений. Говорить вы не обязаны, и все, что вы скажете, будет использовано против вас в суде. Вы меня понимаете?

Росс дважды открывает и закрывает рот, трясет головой.

– Я ничего не сделал! – Он отталкивается от стены, и лишь хватка Логана мешает ему добраться до меня. – Кэт, скажи им! Ничего же не случилось! Мы просто немного поспорили, вот и все!

Я машинально касаюсь саднящего горла, и он резко хватает воздух ртом, как будто только сейчас заметил отметины у меня на шее. Росс в ужасе. Наверное, поднаторел в забывании неприятных для себя вещей не хуже, чем я.

– Еще как сделали, Росс. Полагаю, потрудились вы на славу. – В тоне Рэфик появляются опасные нотки. – Мы пришли сюда сегодня, чтобы задержать вас за то, что вы отвлекаете полицию от дел и препятствуете следствию. Мы полагаем, что вы дали ложные показания относительно того, где находились в день исчезновения своей жены.

Росс молчит.

– У меня состоялся очень интересный разговор с профессором Кэтрин Вард. – Рэфик бросает косой взгляд в мою сторону. – Она решила продублировать звонком свой ответ на электронное письмо, которое я, по-видимому, ей написала.

– Я не знаю, кто это, – заявляет Росс, но замешательство в его голосе сменяется опаской.

– Зато она вас знает. Профессор утверждает, что видела, как вы погрузили свой чемодан в машину и отбыли из Саутваркского университета на двадцать два часа раньше, чем сообщили нам.

– Нет, я...

– В данный момент мы проверяем записи с устройств автоматического распознавания номерных знаков и с уличных камер, чтобы проследить за вашими передвижениями. – Инспектор складывает руки на груди. – Еще у нас есть ордер на проверку ваших звонков третьего апреля. К счастью для вас, когда констебль Томпсон позвонил вам в восемнадцать тридцать, чтобы сообщить об исчезновении жены, телефон был включен. И как вы думаете, в какой соте вы находились?

– Я вел машину. – Вид у Росса встревоженный. Он больше не опирается ни на Логана, ни на стену. – Черт побери, я просто вел машину! – Он тычет в меня пальцем. – Я так ей и сказал. Спросите у нее сами!

– Мне не нужно никого спрашивать. Я знаю, что вы были в Эдинбурге.

– Эл позвонила мне и умоляла вернуться!

– Тогда почему вы сообщили констеблю Томпсону...

Логан вклинивается между ними.

– У него травма головы, шеф.

– Как я и обещала, – продолжает Рэфик, не сводя глаз с Росса, – ее осмотрят чуть позже.

– Я не знаю! – выкрикивает Росс. – У нас были временные трудности, я же вам говорил! Я просто хотел подумать, черт побери! Провел за рулем всю ночь, потом остановил машину и уснул. Вот и все! Я понял, что это покажется подозрительным, и запаниковал... Я не знаю!

– Второго апреля вам позвонили в семнадцать тридцать, только звонок был не от Эл, а из страховой компании, расположенной в Нью-Хэйвене. Логан связался со страховщиками и выяснил, что, скорее всего, это был ответный звонок, потому что днем ранее вы заполнили онлайн-заявку. Представляете, как мы удивились, когда узнали, на чем специализируется эта компания?

Лицо Росса сереет, и он дрожит всем телом. Несмотря на то что мое горло распухло и болит, а в груди ворочается чувство, похожее на ненависть, я едва сдерживаюсь, чтобы не броситься к нему с утешениями.

– Страхование от несчастных случаев на воде, – произносит Рэфик с сияющим видом. – Странное совпадение, не правда ли? Видимо, поэтому вы и не стали о нем упоминать. Решили, что даже такие тугодумы, как мы, сочтут подозрительным, что уже на следующий день ваша жена исчезла вместе с яхтой.

– Впервые слышу, – заявляет Росс. – Вы ошибаетесь, черт бы вас всех побрал!

Рэфик качает головой.

– Помните анонимный звонок, о котором я расспрашивала вас через два дня после исчезновения Эл? Вчера целых два свидетеля явились в участок и дали показания о том, что вы избивали Эл...

– Что?! Кто?

– Я не могу вам этого сказать, – отвечает Рэфик, но я сразу вспоминаю о решимости Анны, о черных потеках туши на ее заплаканном лице, и о презрительной улыбке Мари, когда я пригрозила сообщить о ней полиции, если она не оставит нас в покое.

Рэфик неспешно лезет в карман.

– Также у нас есть второй ордер – на обыск этого дома. – Голос ее смягчается. – Поэтому спрашиваю в последний раз: вы знаете, что случилось с вашей женой?

– Шеф, – напоминает Логан, – мы должны подождать, пока его осмотрит врач! – Он склоняется ближе и добавляет шепотом: – Мы не имеем права облажаться!

– Росс прекрасно знает, что с ней случилось, – громко говорю я, хотя мне даже смотреть на него больно. – Он знает, потому что убил ее!

– Нет!

Рэфик поворачивается ко мне и вопросительно поднимает бровь.

– У вас есть доказательства?

– Каяк в сарае. В комнате Синей... То есть в спальне в конце коридора я нашла сундук. – Я сглатываю, забыв про распухшее горло, и морщусь от невыносимой боли, перед которой меркнет даже перепуганный взгляд Росса. Подняв голову, смотрю на него без лишних колебаний. – Я нашла твои трофеи!

– Кэт! – Рэфик разворачивает меня к себе лицом.

– Там сливная пробка, – продолжаю я, чувствуя еще большую пустоту и печаль, – и кольцевая пила.

Росс издает звук, похожий одновременно на крик и на стон, и я закрываю глаза. Рэфик бросается вверх по лестнице.

– Что ты творишь, Кэт? – хрипло спрашивает Росс. – Как ты можешь...

– Росс, я советую вам молчать. – На лице Логана появляется страдальческое выражение. – Ради вашего же блага.

По деревянной крыше барабанит дождь. Боль теперь повсюду, не только в горле, и я пытаюсь абстрагироваться от всего: от страха, от ужаса, от растущих сожалений. «Думай об Эл, а не о нем! Думай об Эл», – твержу я себе.

К возвращению Рэфик мне удастся унять дрожь. Инспектор направляется прямо ко мне, не обращая внимания на Росса с Логаном.

– Есть что-нибудь еще?

Я слышу ровный стук полицейских ботинок по мозаичным плиткам, стоны лестничной площадки, визг колец на пыльной черной шторе. Я стою на палубе «Сатисфакции» и вспоминаю, как мы сражались со штормами и бригаantinaми. Мое дыхание становится все

более прерывистым, я смотрю вдаль, только вдаль. Туда, где раздаются крики умирающих, где трещат мачты, режут пушки и мушкетеры, где завывает шквал.

Достаю из кармана джинсов письмо, которое написала мне Эл, протягиваю инспектору.

Она вынимает из куртки латексные перчатки, читает письмо и ахает. Полицейский заглядывает через порог Зеркальной страны и громогласно сообщает: «Мэм, мы их нашли!» Лицо Рэфик озаряет невероятное облегчение, в нем даже проглядывает что-то свирепое.

Росс издает звук, похожий и на вздох, и на стон.

– Не смотрите на него, повернитесь ко мне! – рявкает Рэфик, но ее глаза сияют. – Еще что-нибудь есть?

– Он накачивал меня наркотиками. – Я указываю на бокал вина на полу. Мой шепот звучит едва различимо. – Думаю, Эл он тоже что-то подмешивал.

– Нет! – кричит Росс и бьется в руках Логана. – Она лжет!

Я больше не съеживаюсь ни от его криков, ни от проклятий. Защелкиваются наручники, Логан с кряхтением пытается оттащить Росса в сторону Шоушенка.

– Я не убивал! Я ее любил! Скажи им, Кэт! Скажи им, ты, лживая стерва! Это не я! Я любил ее! Я любил тебя! – Наши взгляды встречаются в последний раз. – Я ничего не сделал! Я ведь тебя отпустил!

Машинально касаюсь горла, и боль затмевает все остальные ощущения. Когда я снова открываю глаза, Росса уже увели.

– Все будет хорошо, – ласково говорит Рэфик, отрывая мою руку от горла и обнимая за плечи.

– Знаю, – шепотом отвечаю я. Потому что в Зеркальной стране возможно все что угодно. В Зеркальной стране ты в безопасности. Страх там совсем не страшный, ужас – ненастоящий, и спасение находится в каждой кости и жиле, в дыхании и в кирпиче. Взамен требуется лишь одно – быть храбрым.

И впервые за долгое время мне это удастся.

Глава 30

Я приезжаю слишком рано. Сажу за рулем старенького «Гольфа» Вика, наблюдаю через залитое дождем стекло, как заполняется парковка. В глаза словно песку насыпали – они болят от недосыпа и новой разновидности бесщадной тоски, которая поселилась у меня в груди. От нее мне никак не удастся избавиться. Я не могу притвориться, что ее не существует. Она отняла все, что поддерживало меня, помогало жить во время суда и двух месяцев после него, – мой гнев, боль, жажду мести и справедливости. Теперь все это превратилось в ничто. Высокая скала рассыпалась в прах, и ее смыло море.

Тюрьма выглядит современно и даже стильно, совсем не так, как я себе представляла. Вместо узких бойниц и мрачных башен Шоушенка – двухэтажное здание из светло-бежевого песчаника с большими окнами и серыми глянцевыми буквами над вращающейся дверью: «Тюрьма строгого режима Шоттс».

Я нервничаю, у меня сводит живот от страха, зато впервые за долгое время голова очень ясная. Уже две недели, как я бросила пить. В сентябре я каждое утро начинала с водки, чтобы заставить себя выдержать очередной день на процессе «Корона против Маколи», который слушался в Суде номер девять Высшего уголовного суда Шотландии. Обычно заканчивалось тем, что я пила в одиночку, закрыв шторы, хотя случались и проблески решимости. И за каждым из таких дней – репортеры, камеры, взгляды, шепот, интимные подробности, Росс – следовали длинные периоды полного беспометства. Знакомые фантазии составляли мне компанию в темноте, и я убеждалась, что суд – просто очередной сон, еще одно место в каменных застенках Зеркальной страны.

Я напилась и в тот день, когда жюри присяжных из семи женщин и восьми мужчин наконец вынесло вердикт. В здании суда было настоящее пекло, публики набилось столько, что яблоку негде упасть. Я спряталась ближе к последним рядам, но Росс меня заметил сразу. Он выглядел таким уставшим и осунувшимся, что я возненавидела себя за всколыхнувшуюся жалость и тоску по нему...

Я едва услышала, как большинством голосов присяжные признали Росса виновным в убийстве Эл, зато до меня отчетливо донесся его отчаянный, протяжный вопль. В зале заседаний воцарился хаос, и Рэфик потащила меня прочь от любопытных зрителей и репортеров.

Закрываю глаза. Не знаю, как выдержу все это, как встречу с ним лицом к лицу. Вспоминаю его ужасный вопль, пытаюсь быть храбрее, сильнее, лучше... Увы, я разучилась лгать самой себе.

Снова достаю из кармана потрепанное, измятое письмо, с которым не расстаюсь. На конверте почерком Эл написано «Кэт». Оно пришло спустя два месяца после вынесения приговора Россу. Через два дня после того, как Вик прислал мне эсэмэску и спросил новый адрес. На свои скудные сбережения я сняла комнатку на окраине Лейта, потому что каждый день среди зеленых лужаек, старых яблонь, серых облицовочных кирпичей и георгианских окон с решетками, медных колокольчиков, красных дверей и золотистого света превращался в пытку, причем пытку желанную, как токсичные любовные отношения или фантастический мир, населенный чудовищами и призраками. Впервые закрыв изнутри дверь съемной комнатки и сев на продавленную кровать, я расплакалась от облегчения.

Вынимаю письмо из конверта и подхватываю выпавший клочок бумаги, смотрю на первую и последнюю строчку: «Дорогая Кэт» и «С любовью, Эл», а между ними – ужасные слова. Когда я открыла письмо, внутри была записка от Вика: «Она велела мне не читать, так что не знаю, поможет ли это тебе или сделает только хуже. Вик».

3 апреля

Дорогая Кэт!

Это мое последнее письмо. Мне следовало написать тебе раньше, но я не знала как. Теперь откладывать дальше уже некуда.

Я солгала. Я лгала тебе слишком много раз – гораздо больше, чем следовало. Но знай, я шла на это только ради тебя.

Сейчас я действительно говорю правду...

Я смотрю на машины, на людей, на размытые бежевые и серые краски, открываю бардачок и кладу письмо внутрь. Моя тоска тяжела и жестока, однако чувство ответственности гораздо хуже, и страх – не серебристый, а черный и густой, как застывающий гудрон. Раньше я

думала, что люди, застрявшие в подвешенном состоянии, продолжают жить по привычке, потому что это легче, чем сдаться. Теперь же я знаю: у них просто нет других вариантов, нет выхода. Начинается прилив, и все, что ты можешь, – держаться на плаву и ждать, когда он уйдет.

Я беру клочок бумаги и кладу в карман джинсов. Открываю дверцу машины, выхожу. Передо мной гладкие каменные стены и широкие окна.

Дальше откладывать нельзя!

* * *

Я стараюсь не смотреть ни на служащего, проверяющего мои документы, ни на свои дрожащие руки, когда сдаю телефон и сумочку в камеру хранения, ни на охранника, когда прохожу через металлодетектор и соглашаюсь на личный досмотр. Зона ожидания для посетителей находится на втором этаже; я сажусь и опускаю взгляд на ковер нейтрального цвета. Наверное, никто все равно не знает, кто я такая или кого пришла навестить.

Приговор Росса вызвал большую шумиху. Его даже показывали по телевизору. Я смотрела одна, сидя дома в темноте, а в дверь ломились репортеры. Голос судьи напомнил мне мамин: высокий, раздраженный, безапелляционный.

«Мистер Росс Маколи, присяжные большинством голосов признали вас виновным в жестоком убийстве своей жены, Эллис Маколи. После нескольких месяцев или даже лет физического и психического насилия над ней вы тщательно спланировали и совершили убийство, которое пытались выдать за несчастный случай на воде. Я полагаю, что вы продемонстрировали умысел и проявили изрядное хладнокровие. Также я полагаю, что вы надеялись получить от ее смерти финансовую выгоду. Вы заявили о своей невинности, в содеянном не раскаялись. Учитывая эти отягчающие обстоятельства, о смягчении участи речи быть не может. В силу вышесказанного я приговариваю вас к пожизненному заключению за убийство Эллис Маколи».

Репортеры за мной больше не охотятся – суд и приговор давно забыты. К тому же Рэфик ошиблась: никто не обнаружил никакой связи

между нами и двумя двенадцатилетними девочками, которых нашли в заливе Грантон в девяносто восьмом году. И тем более никто не упоминал об убийстве и самоубийстве, произошедших в доме тридцать шесть по Уэстерик-роуд, разве что как о жутком совпадении.

Ловлю на себе взгляд старика с желтыми бакенбардами. Он усмехается, я смотрю в сторону. Охранник открывает дверь и манит меня пальцем. «Двенадцатый», – говорит он. Я нахожу свой стол, сажусь, сжимаю руки в замок. Я не хочу видеть Росса. Мне и в голову не пришло бы его навестить, но я должна.

Вводят заключенных. Я чувствую Росса прежде, чем вижу: по спине пробегает холодок, сердце трепещет. Он останавливается рядом со столом и ждет, пока я подниму голову. Выглядит Росс великолепно. Короткая стрижка, глаза ясные, чисто выбрит. В тот день, когда он давал показания, глаза у него были красные, лицо – осунувшееся и заросшее щетиной. Само очарование, ни в чем не повинный горюющий вдовец. Хотя на процессе я постоянно чувствовала на себе его взгляд, в тот день Росс даже не посмотрел в мою сторону.

– Привет, Кэт, – говорит он, нерешительно улыбаясь. – Рад тебя видеть. Не думал, что мы еще встретимся...

Я не собираюсь объяснять, зачем пришла. Не сейчас. Мне нужно вести беседу самой, не позволяя ему перехватить инициативу, пока я не сделаю выбор.

Росс с улыбкой садится, вытягивает ноги; я тут же скрещиваю свои в лодыжках и убираю под стул. Он откашливается, и я заставляю себя посмотреть ему в глаза. Если не отважусь – мне конец!

– Зачем ты здесь? – Росс смотрит очень пристально, в карих радужках мерцают серебристые искорки.

Опускаю веки, пряча слезы. Я горевала по нему, чего уж там...

– Пока не знаю.

Он подается вперед, и я чувствую его запах.

– Я хочу тебе сказать... Я должен извиниться за то, что случилось той ночью. – Росс сглатывает, и в горле что-то щелкает. – Прости, что сделал тебе больно, Кэт. Я думаю об этом каждый день и не виню тебя за выступление в суде, вообще ни за что не виню. Честное слово!

Я – главная причина, по которой он здесь. Из-за меня ни о каком смягчении приговора и речи не шло. Я стала лучшим свидетелем обвинения, и самым ужасным в моих показаниях было вовсе не то, что

я нашла или услышала, не оксикодон и диазепам, найденные в бокале вина и в моей крови, а тот факт, что мы с Россом занимались сексом. Я вытерпела дачу показаний, перекрестный допрос, устроенный адвокатом Росса, и даже презрение широкой публики, потому что иначе у обвинения не нашлось бы улик, кроме косвенных. Письмо Эл, ложные показания Росса, вещественные доказательства, данные сотового оператора, записи с камер наблюдения плюс завещание Эл, о котором Росс не знал (все досталось мне), – всего этого, вероятно, не хватило бы для вынесения обвинительного приговора. Зато секс с сестрой-близнецом жены буквально через пару дней после ее исчезновения убитому горем красавчику-мужу не простили. Давая показания, я видела, как негодуют присяжные.

– В ту, последнюю ночь в Зеркальной стране... Я бы ни за что... Все пошло кувырком, слушать меня ты не желала... – Росс энергично мотает головой. – Я же выпустил тебя, Кэт, выпустил! Ты знаешь, я...

– Не надо об этом.

Он сжимает губы и хмурится.

– Поверь, я ни за что бы...

– Не убил меня. – Говорить ровным голосом трудно, потому что я в это не верю. Впрочем, сам Росс верит. Видел бы он, как в его глазах плескалось безумие, как жилы на его шее вздувались от натуги, когда он меня душил! Мы верим лишь в то, во что хотим. Он улыбается. На подбородке – пятнышко засохшей крови. Интересно, Росс снова побрился для меня? Я даже не содрогаюсь. Ненависть к нему ушла, я над этим долго работала. Пожалуй, даже слишком долго.

Незаметно щипаю себя под столом и высоким, излишне громким голосом объявляю:

– Какая ирония, что это я навещаю тебя в тюрьме, а не наоборот.

Росс вспыхивает, его улыбка теряет уверенность. Он не знает, говорю ли я всерьез или шучу, смеяться ему или нет. Прежде я никогда не утруждала себя изучением его реакций, зато теперь мне кажется, что любой мыслительный процесс высвечивается у него над головой большими неоновыми буквами. Неужели ему всегда было так трудно притворяться обычным, нормальным человеком?

Внезапно до меня доходит, что нас могут прослушивать. Сердце тут же пускается в галоп, между лопатками стекает холодный пот. Росс смотрит на меня, и я призываю на помощь все свое спокойствие, весь

свой гнев, потому что это неважно, как и все прочее, – кроме выбора, который я должна сделать. Я смягчаю тон, понижаю голос, проникновенно смотрю ему в глаза.

– Я должна кое-что выяснить, Росс. И мне нужна правда.

Росс быстро оглядывает комнату для посетителей.

– Я уже сказал правду, Кэт.

– Тогда все станет проще.

Он моргает.

– И мы сможем начать все сначала?

– Я пока не знаю, что будет дальше.

– Ладно. – Еще одна улыбка. Увидев, что я колеблюсь, он подается ближе. – Кэт, я не убивал ее, клянусь! Я не убивал Эл!

– Речь сейчас не об этом. – Он не в силах скрыть ни удивления, ни облегчения. – Зачем ты накачивал нас наркотиками?

Росс отрицательно мотает головой. Я встаю и быстро иду прочь.

– Стой! погоди! – Его крик привлекает внимание ближайшего к нам охранника, со скучающим видом жующего жвачку. Росс показывает ему ладони и опускает голову на стол. – Прошу, Кэт, присядь. Я скажу тебе правду.

Я сажусь и жду. Наконец Росс поднимает голову; взгляд его затуманен.

– Я хотел, чтобы вы остались. Я всегда хотел, чтобы вы остались со мной!

– Неужели ты думал, что в трезвом уме мы не захотим?

– Знаю, я поступал скверно, но... Однажды утром мама проснулась и решила бросить папу. Меня это потрясло до глубины души! Как можно просто взять и уйти навсегда? – Росс зажмуривается крепко, словно ребенок. – Потом он покончил с собой, и я был в ужасе.

Он протягивает ко мне руки через стол, и я замечаю обгрызенные ногти.

– Когда у Эл началась депрессия, я испугался... Не знал, что мне делать. Вдруг она снова попыталась бы причинить себе вред? Я просто о ней заботился, хотел помочь! – Он придвигается ближе. – А с тобой... Я боялся снова тебя потерять – я чувствовал, что теряю тебя! Когда ты уехала в Америку, Кэт, то совсем обо мне позабыла!

– Почему ты хотел меня?

– Что?! – Росс опять приходит в замешательство, снова тянет ко мне руки, хотя вряд ли сам это сознает. – Потому что я тебя люблю, ты ведь знаешь!

Он удерживает мой взгляд, и я чувствую, что готова сдаться. Это же Росс! С усилием беру себя в руки и стараюсь не поддаваться.

– Тогда почему ты выбрал Эл, а не меня? Почему всегда выбирал ее?

Росс потерянно молчит, и неоновые буквы у него над головой мигают в панике: «Что она хочет от меня услышать?»

– Ты хотел ее больше? Любил больше, чем меня? Она нуждалась в тебе или же ты нуждался в ней? – Заставляю себя расслабиться. – Просто скажи правду, Росс! Не то, что я, по-твоему, хочу услышать, и не то, что ты считаешь правильным сказать. Правду.

Судя по блеску в глазах, Росс придумал ответ, который удовлетворит все три критерия: то, что я хочу, то, что правильно, и то, что есть правда. И он сияет, чрезвычайно гордый собой.

– Нет, Кэт, я не любил ее больше, чем тебя. Конечно, Эл мне очень нравилась, но с тобой все было иначе – легче, лучше... – Росс грустно улыбается. – Как ты сказала сама, я выбрал Эл, потому что она нуждалась во мне больше, чем ты. Я не мог ее бросить!

Я протяжно вздыхаю.

– Так и знала, что ты это скажешь.

В моем голосе звучат остатки гнева, который я больше не стараюсь скрыть. Росс отдергивает руки и больше не улыбается. Не сработал его идеальный ответ, и он это понимает.

– Кэт, наш разговор все больше смахивает на допрос. Я же говорил, что не убивал Эл. Я бы никогда такого не сделал! Если твои чертовы расспросы к этому и ведут, то скажу еще раз: я ее не убивал!

Я ничего не отвечаю и почти на него не смотрю. Но часть меня – маленькая девочка, которая так и не смогла усвоить, что любви нельзя доверять, – хочет его утешить, коснуться глубокой складки между бровями и разгладить ее.

Ободрившись, Росс выпрямляется на стуле.

– Смотри сама, Кэт. Если б я хотел ее убить, если бы продумал все в мельчайших деталях, как заявил чертов прокурор, то зачем портить себе алиби? Зачем уезжать с конференции при свидетелях? Зачем оставлять телефон включенным? И зачем разбрасывать по дому

чертовы улики? Сундучок с пиратскими трофеями – какая чушь! Прокурор все вывернул наизнанку, даже наши с тобой отношения. – Росс очень зол и не может не выплеснуть на меня хотя бы часть своего гнева. – А ты позволила ему это сделать! Ты ему помогла!

– Может, я ему поверила?

– Нет, не поверила! – Росс бьет кулаком по столу, заставляя меня подпрыгнуть от неожиданности, и тюремный охранник оглядывается. Росс поднимает ладони, кладет голову на стол, но в его взгляде нет и тени покорности. – Зачем мне это, Кэт? На черта мне вообще ее убивать?

Вспоминаю тот ужасный день под ивой, когда он держал мое лицо в ладонях и утирал мне слезы, а я умоляла его не бросать меня. Вспоминаю его босиком, в старых джинсах и футболке с концертного тура «Блэк саббат». Растрепанные волосы, родное лицо. Грязные, дивные слова, что он шептал мне во время секса: обещания, комплименты, надежды. Вспоминаю неистовство, с которым он держал меня в объятиях, трогал, целовал – словно больше ничего на свете не имеет значения; словно, кроме нас, больше никого не существует. Как мне хотелось, чтобы так оно и было!

И еще я вспоминаю о девочке, которая предпочитала верить в супергероев и сказочных злодеев, нежели жить в реальном мире, где люди способны ранить, оставляя шрамы. И эти раны – не забыть, не развидеть.

– Ты это делал, потому что в один прекрасный день мы могли бы снова от тебя уплыть, – говорю я. – Ты не хотел рисковать, поэтому лгал, манипулировал нами, накачивал наркотиками и разделял нас. Потому что ты – трус! – Вспоминаю Шоушенк. «Я отпущу вас, если пообещаете никогда не сбегать. Если пообещаете остаться со мной навсегда». – Ты живешь, ворую чужой воздух.

Смотрю на пластиковую крышку стола, на пятна и царапины.

– Ты выбрал Эл потому, что считал ее слабее меня. – Вспоминаю, как сестра лежала на больничной кровати: черные круги под глазами, белое как мел лицо, усталая и дрожащая улыбка. Нет, нельзя думать об этом, не то совсем расклеюсь. – У тебя отлично получается убедить женщину в том, что твое желание – это ее желание, ее идея, ее предательство. А потом, когда даешь ей от ворот поворот, – еще и в том, что она сама во всем виновата.

– Кэт, ты несешь полную дичь!

Этого голоса я раньше не слышала. Низкий, ехидный, резкий. Наверное, с ним Росс и родился.

– Хотя мама никогда с тобой не встречалась, она была единственной, кто тебя видел, кто знал, какой ты на самом деле. Она пыталась нас предупредить, но мы с сестрой выросли в темном мире, полном чудес, пиратов, ведьм и красных отравленных яблок. Поэтому и мечтали о коварном красавчике, о Прекрасном Принце, доверять которому ни в коем случае нельзя.

Лицо Росса меняется: под красивой, тщательно продуманной маской извивается и бурлит ярость. Моя решимость крепнет – мне нравится, когда он злится.

– Только ты вовсе не Прекрасный Принц, верно? Ты – совершенно другой персонаж, Росс.

– Какого черта...

– Росс, ты – Черная Борода!

Мама шипит нас, указывая на корабль, который всегда маячил на горизонте. «Прячьтесь от Синей Бороды, потому что он чудовище! Он вас поймает, женится, а затем развесит на крюках, и вы умрете! Берегитесь и Черной Бороды тоже, потому что он хитрый лжец! Как ни бегите, он всегда будет у вас на хвосте, а потом поймает и бросит акулам!»

Его глаза темнеют, рот кривится в делано-добродушной усмешке. Бурлящая ярость улеглась – я ее не стою.

– Кэт, наверное, тебе нужна помощь специалиста. Последние несколько месяцев выдались непростыми...

– Я сделала свой выбор, Росс. – Смотрю на него, стараясь сохранить в памяти каждую черточку, цвет и тень, все, что лежит на поверхности и под ней. Ведь это же Росс! Таким я и запомню его навсегда.

– О чем, черт бы тебя побрал, ты говоришь?

– Я не знала, что мне выбрать, но теперь поняла. – Сую руку в карман, вынимаю квадратик бумаги. Помедлив, кладу черную метку на стол и подталкиваю к Россу. – Я выбираю Наказание!

Он протягивает руку, потом отдергивает. На лице – полное недоумение и мука.

– Кэт, я не понимаю, что происходит! – По щеке Росса скатывается слеза и падает на внутреннюю часть запястья. Сердце болезненно сжимается, но я не поддаюсь. – Что это значит?..

Я встаю, кладу ладони на столешницу и склоняюсь к нему близко-близко.

– Это значит: сдавайся, Росс. Я вижу тебя насквозь!

Он поднимает взгляд, и я отшатываюсь, спотыкаюсь о прикрученный к полу стул.

– Вы – ведьмы, – говорит Росс, улыбаясь своей фирменной улыбкой: кривой и сексуальной, медленной и интимной; левый клык чуть заходит на соседний зуб. – Вы обе – невменяемые, долбанутые ведьмы! Вы сломали мне жизнь...

Меня покидают последние сомнения. Я улыбаюсь, и мне легко как никогда.

– Росс, ты выбрал не тех жертв!

И я иду прочь, направляясь к комнате для посетителей.

– Нет! – Росс вскакивает и бросается ко мне, цепко хватая за руку. Черт, теперь синяки останутся! – Ты не можешь меня бросить! Ты не посмеешь!

К нашему столику спешит высокий охранник, за ним еще два, хотя я не выказываю страха и не пытаюсь вырваться. Смотрю на Росса в упор, и он теряет присутствие духа. Лицо расслабляется, в глазах появляется мольба, выступают готовые пролиться слезы.

– Ты не можешь уйти! Ты не можешь меня бросить! Кэт, я ничего не сделал! Я не убивал ее!

Он тянет меня за руку, прижимает к себе. Пока к нам идут охранники, я не вырываюсь. На нас все смотрят, но я продолжаю глядеть только на него. «Росс, я так сильно тебя любила...» Я не осмеливаюсь думать об этом дольше секунды, потому что он и так забрал у меня слишком многое.

– Я не убивал ее, Кэт!

Закрываю глаза, прижимаюсь к его уху губами.

– Знаю, – говорю я и ухожу.

Росс беснуется, кричит и рыдает у меня в кильватере. Я не оглядываюсь. Закрываю за собой дверь и оставляю его гнить на крюке.

Снаружи дождь перестал и светит закатное солнце, озаряя тюрьму золотистыми лучами. Я стою посреди парковки, широко раскинув руки,

и смотрю в небо. Опускаю веки, и мир вспыхивает теплым красным светом.

«Я посмотрела на солнце, Эл, – думаю я, – и не ослепла!»

Глава 31

3 апреля

Дорогая Кэт!

Это мое последнее письмо. Мне следовало написать тебе раньше, но я не знала как. Теперь откладывать дальше уже некуда.

Я солгала. Я лгала тебе слишком много раз – гораздо больше, чем следовало. Но знай, я шла на это только ради тебя. Сейчас я действительно говорю правду.

И вот почему:

Помнишь ли ты, что расстроило меня больше всего в тот день, когда мы прочли в энциклопедии статью про капитана Генри Моргана? Мамина ложь, причем из года в год. Больше я уже ей не доверяла. Я перестала верить в нее, перестала верить в нас – и все из-за одной лжи.

Помнишь ли ты, что больше всего расстроило тебя? Вовсе не мамина ложь и не то, что Генри Морган не наш отец. Тебя расстроило, что он любил пытать людей, затягивая вокруг головы веревку с узлами до тех пор, пока глаза несчастных не вылезали из орбит. Королю пиратов не подобает так себя вести – ведь он отец, герой, мужчина. И ты сразу его позабыла. Ты не смогла смириться с правдой и поверила в ложь. А когда ты перестала со мной разговаривать – когда отказалась говорить о последней жуткой ночи в Зеркальной стране, – я от тебя отдалилась, потому что не могла видеть ничего, кроме правды. Она пожирала меня как смертельная болезнь, которую я не могла тебе передать. Я не хотела, чтобы ты вспомнила.

И вдруг объявился Росс. Это произошло задолго до нашей встречи в Национальной галерее. Много месяцев он ходил за мной, надоедал, умолял о прощении. Я видеть его не желала. Я возненавидела его в ту самую последнюю ночь. Увы, он был частью Зеркальной страны – всем, что от нее осталось, – и он это знал. И к галерее он пришел, чтобы я поняла: если он не может получить меня, то возьмет тебя. День труда в Роузмаунте стал лишним тому подтверждением.

Поэтому мне пришлось заставить его поверить, что меня он хочет больше. Мне пришлось заставить его думать, что я нуждаюсь в

нем больше, чем ты. Я симитировала попытку самоубийства (ты-то всегда знала, верно?), и он поверил. Для него это стало лучшим доказательством моей преданности. Я твердила себе, что поступаю так ради тебя – защищаю тебя от монстра, как ты когда-то защитила меня. Впрочем, вряд ли это была вся правда – по крайней мере, на тот момент. Потому что я все еще его любила.

Пожалуй, наш брак стал для меня наказанием, приговором. Об этом я тебе не солгала. Иногда Росс бывал злобным и жестоким, на следующий день – нежным и любящим. Я стала получать открытки с угрозами, с приказами бежать. Наверное, так он хотел свести меня с ума. Плюс наркотики в еде и питье. Он прячет их в своей тумбочке возле кровати. Каждое утро я просыпалась, мечтая о них так сильно, что не могла мыслить ясно. Они стали моими цепями, как и те маленькие «вольности», которые он мне позволял. В итоге ему удалось прогнать Мышку, ненадолго вернувшуюся к нам. А когда Росс решил, что у меня роман с моим другом Виком, то пригрозил выяснить, кто он, и убить. Он запретил мне заниматься волонтерством, угрожал запретить заниматься живописью, если я попробую связаться с Мышкой или Виком. Пообещал забрать мою яхту... Он даже заклеил обоями вход в Зеркальную страну! И я все ему позволяла, пока мне не захотелось умереть по-настоящему.

Конечно, он меня нашел. Промыл желудок, заставил ходить по чертову дому до тех пор, пока я снова не смогла видеть, слышать, плакать. И тогда он сообщил, что все еще поддерживает с тобой связь. Пригрозил, что если я опять попытаюсь наложить на себя руки, то он сделает с тобой все то же самое, что и со мной. И тогда я вспомнила статью из энциклопедии про капитана Генри Моргана. Я знала: ты попытаешься выжить, притворившись, что ничего не происходит, что твоя тюрьма – вовсе не тюрьма, а твой тюремщик – вовсе не монстр. И так будет продолжаться до самой твоей смерти... Вот и настоящий ответ на вопрос, почему я на это пошла. Нет во мне ни благородства, ни храбрости! Просто в конце концов он допустил ошибку. Мне не оставалось ничего иного, кроме как уничтожить его.

Вот тебе способ:

Как и Энди Дюфрейн, я люблю планировать. Вот тебе ПЛАН номер два:

Первый этап. Идею использовать «Побег» мне подал Вик, пусть и невольно. Он работает в страховой компании и специализируется на расследовании несчастных случаев или небрежности в обращении с прогулочными судами. Он рассказывал мне разные истории об умышленном вредительстве и о том, как их раскрыли. Вчера вечером я зашла к нему в офис; пока он делал кофе, подошла к свободному столу в другом конце рабочего помещения и позвонила Россу, умоляя его вернуться из Лондона поскорее. Перед этим я заполнила с нашего домашнего компьютера онлайн-заявку от его имени и заказала обратный звонок. В компании – тысячи сотрудников; определить, кто звонил, фактически невозможно. В любом случае Росс не знает, как зовут моего друга, и, кроме него, вообще никому не известно, что мы знакомы. У меня есть второй телефон с повременным тарифом, с которого я звоню друзьям в обход Росса. Я заставила Вика поклясться, что в полицию он не пойдет ни при каких обстоятельствах. Когда Россу перезвонят из страховой, он повесит трубку прежде, чем дослушает до конца первое предложение: он терпеть не может «холодные звонки». Так он останется без алиби. Муж, разговаривающий со страховой компанией за день до исчезновения жены в море, вызовет не сочувствие, а сильные подозрения.

Пару недель назад я купила сливную пробку, точь-в-точь такую же, как старая, и расплатилась наличными. Еще я приобрела две кольцевых пилы. Одной я насверлила дырок в каюте (надеюсь, их никто не заметит), чтобы на ней остались следы, которые обнаружит экспертиза. Я спрятала пилу и новую пробку в комнате Синей Бороды, а в сарай подложила свой каяк; надеюсь, что в конце концов полиция наткнется на эти улики.

Когда настанет время, я выну пробку и выброшу в залив. Вряд ли ее найдут, потому что без нее судно будет тонуть долго. Зайду в фарватер, сниму мачту, отключу АРБ и GPS. С пилой могут возникнуть сложности: лодка с дырами идет на дно очень быстро. Я швырну инструмент за борт и буду надеяться, что «Побег» отнесет течением подальше и ее не найдут никогда.

Второй этап. У Росса есть одно большое достоинство: он весьма предсказуем. За пару недель до того, как появился замысел первого этапа, я нашла открытку, которую он написал мне много лет назад, чтобы я застучала вас двоих в Роузмаунте. Представляешь, она

просто лежала у него в бумажнике! Наверное, он все-таки любит хранить трофеи. Настоящий подарок для меня! Ведь я не могла быть уверена в том, что в моей смерти обвинят именно мужа, что его вообще станут подозревать. Насчет тебя я знала: ты обязательно вернешься. Он свяжется с тобой, затем попытается тебя удержать. Значит, я должна его опередить и раскрыть тебе глаза. Мы обе должны спастись – такова суть сделки, которую я заключила сама с собой. В этом и есть смысл ПЛАНА номер два.

Вот уже несколько недель я веду себя как женщина, которая подвергается домашнему насилию, – то есть я перестала это скрывать. Удивительное ощущение! Вдобавок очень приятно узнать, что у меня хорошие друзья, готовые прийти на помощь. (Кстати, если вы встретитесь, то я хочу извиниться за Анну – ее преданность не знает границ! Но если понадобится, то она будет на твоей стороне.)

Я знаю, как действует Росс. Я знаю, что, когда и как он тебе скажет и сделает. Я оставила Вику расписание для отправки подсказок, которые он пошлет по электронной почте от имени Мышки. Поверь, если можно было бы обойтись без этого, я обошлась бы, но другого пути нет. И я уверена, что ты разгадаешь их все, как и задумано. Я уверена, что ты перестанешь верить лжи и поверишь мне. Полиция к тебе наверняка прислушается. Сначала его признаешь виновным ты, вслед за тобой – все остальные. Я думаю, ты отомстишь за меня, невзирая ни на что. В этом и заключается мой план. Больше мне надеяться не на что.

Сегодня я умру. Страх почти ушел, мысли о смерти уже не так пугают. Наверное, я больше похожа на Реда, чем на Энди: слишком привыкла к своей тюрьме и жить без нее не смогу. Впрочем, утопиться мне не хватает храбрости. Конечно, для обвинения Росса в убийстве без тела не обойтись, но всякий раз, когда думаю об этом, я вижу дегустатора ядов, давящегося жгучей черной жемчужиной, и знаю, что не смогу. Я потихоньку откладываю свои антидепрессанты, потом добавлю к ним таблетки из тумбочки Росса. Надеюсь, их хватит. Надеюсь, на этот раз план сработает, и мы обе спасемся. Возможно, ты считаешь, что самоубийство – паршивый способ спасения, однако мне он вполне подходит. В прошлый раз ведь сработало – ты спаслась! Все, чего я хочу, перефразируя Стивена Кинга, – чтобы ты занялась жизнью, в то время как я займусь

смертью. Или, если для тебя это звучит слишком легкомысленно, вспомни вот о чем: снежный день в кладовке, мама сидит на подоконнике и читает последние слова Сидни Картона перед тем, как его отвели на эшафот: «Это самое лучшее из всего, что я совершил в жизни». Так оно и есть! Я счастлива. Впервые за много лет я обрела покой.

Правда, кое-что меня тревожит. Планируя все это, я не дала тебе выбор. У нас с тобой его никогда особо и не было. Нам просто не позволяли выбирать. Так вот, это письмо – твой выбор. Оно доказывает, что я задумала и что сделала. Можешь показать его полиции или адвокату Росса, потому что он наверняка так просто не сдастся и будет подавать апелляцию за апелляцией.

Возможно, ты до сих пор не доверяешь мне и не веришь ни единому моему слову. Впрочем, надеюсь, ты вспомнила правду. Надеюсь, дом, подсказки, охота за сокровищами, дневник сработали и заставили тебя осознать, что случилось в последнюю ночь нашей первой жизни, и теперь ты знаешь, что человек, который лгал тебе, – ты сама. Я хочу, чтобы ты сама выбрала, как будут развиваться события. Черная метка у тебя есть, вот и решай, что с ней делать. Не думай обо мне!

И никогда не думай, что сделанный тобой выбор – неправильный!

Наверное, я не так уж и сильно отличаюсь от мамы. Однажды она сказала мне, что невинная ложь – это просто ложь, которая еще не утратила невинность. Наверное, так и есть – я растеряла всю свою невинность. Ну и бог с ней! По-настоящему важно только одно: когда-то ты спасла мне жизнь, и теперь я спасаю твою.

Прошу, не переставай в меня верить!

С любовью,

Эл

Глава 32

Я беру Эл с собой на кладбище Локэнд, чтобы навестить маму, и ставлю рядом с могильным камнем. Урна с прахом – массивная, уродливая керамическая штука со строгими завитушками и коричневыми цветами. Я теперь с ней не расстаюсь; таскаю за собой повсюду, как ребенок любимую игрушку.

Вместо увядших белых роз я ставлю свежие красные; оглядываю траву, надгробие, вычурные золотые буквы. «Ушли, но не забыты». Хотя в последнее время я очень стараюсь не забывать ничего, на этот раз делаю исключение и не смотрю на его имя, не вспоминаю его лицо, не думаю о том, что он лежит рядом с мамой в темноте, и так будет до тех пор, пока их прах не станет землей.

Раньше я считала, что Эл любит «Повесть о двух городах» из-за трагизма, жестокости, неумолимой мадам Дефарж с ее вязанием. Я помню, как стояла в залитом солнцем саду и думала: сестра украла мою жизнь! Вместо благодарности я испытывала гнев и ужас. Нет, я не заслуживаю ни маминой жертвы, ни жертвы Эл. Пока обе они страдали, я лишь жалела себя и делала вид, что ни о чем не догадываюсь. Я была отражением в зеркале, тенью на земле – темной, плоской и недолговечной.

* * *

Я заказываю поминальную службу. Даю объявление в газете, сажаю в честь Эл дерево в парке рядом с заливом Грантон и Ферт-оф-Форт. Запинаясь и заикаясь, произношу никудышную речь перед почти незнакомыми людьми, и они награждают меня жидкими аплодисментами. Вдалеке маячит Мари, но близко не подходит.

Некоторые заглядывают на поминки в паб, но вскоре расходятся. Спустя пару часов остаются лишь Вик с Анной. Мы сидим и вспоминаем Эл, избегая неудобных тем вроде ее соглашения с Виком, разговоров о Россее или о суде. Я потягиваю диетическую колу, отчаянно мечтая о водке. Когда распахивается дверь и входят Рэфик с Логаном, я достаточно спокойна, чтобы обрадоваться им.

– Отличная речь, Кэт, – замечает Рэфик.

– Вы тоже там были?

Рэфик улыбается.

– На подобных мероприятиях полиция всегда маячит на заднем плане.

– Как обычно, двойной скотч, шеф? – бормочет Логан, и я с нелепым сожалением отмечаю, что он постригся наголо.

– Нет уж, – бросает Рэфик, смерив его презрительным взглядом. – Двойной односолодовый виски! – Смотрит на нас. – Что-нибудь хотите? Сегодня платит он.

Логан бредет к бару, а Рэфик облачивается о спинку свободного стула за нашим столиком.

– Мы только по одной – и уйдем, – заверяет она. – Вы не против?

– Я всегда вам рада!

Как ни странно, так оно и есть. Я скучала по Рэфик и теперь думаю о ней не как об инспекторе полиции, а о женщине, которая сидела на полу морга, обнимала меня и гладила по спине, пока я оплакивала свою мертвую сестру; о женщине, не верившей ни Россу, ни мне и не сдавшейся, пока не нашла ответы на главные вопросы и не довела дело до конца. Конечно, она знает, что это не вся правда или только полуправда, однако верит, что все закончилось так, как нужно.

Я иду к барной стойке помочь Логану, и его заразительная улыбка согревает меня лучше, чем водка.

– Привет!

– Привет.

– А куда делась модная стрижка?

Улыбка становится застенчивой.

– Шеф сказала, что с ней я смотрелся как центрфорвард «Челси», вот и пришлось... – Он машинально потирает шею.

– Так даже лучше.

– Правда? – В награду за комплимент я любуюсь ослепительной улыбкой и ямочками на щеках. – Итак, что дальше? Обратно в Америку?

Я перевожу взгляд на серый дождливый день за окном, блестящие булыжные мостовые, готические шпили и дома из песчаника.

– Пока не знаю.

Логан пристально смотрит в точку между моей шеей и плечом. Я чувствую, как приливает кровь к щекам, и тут нас спасает Анна, с грохотом ставя напитки на поднос.

– Ну вот, – говорит она, подталкивая поднос к Логану, – так вы сможете унести все зараз.

В итоге мы впятером засиживаемся до самой темноты, пока паб не начинает наполняться посетителями и не становится шумно. Рэфик с Логаном уходят первыми. Инспектор крепко жмет мне руку.

– Берегите себя, Кэт!

– Обязательно. Спасибо вам за все!

Она меряет меня долгим взглядом и направляется к двери.

– Логан, я жду в машине. Особо тут не прохлаждайся.

Он улыбается.

– С ней не забалуешь.

Проходящий мимо посетитель невольно подталкивает нас друг к другу, и я обнимаю детектива за шею.

– Всего хорошего, Логан!

Он прижимает меня к себе.

– Лучше Крейг.

– Мне больше нравится Логан, – говорю я, – у меня слабость к супергероям.

Он отстраняется и кивает с серьезным видом.

– Понимаю.

– Огромное спасибо за все...

– Можете не благодарить – мы просто делали свою работу.

Я улыбаюсь и целую его в щеку.

– Все равно я очень благодарна.

Логан смотрит мне в глаза так долго, что я жалею о своей сдержанности.

– Мой номер у вас есть, Кэт. Вы знаете, где меня найти.

И он тоже уходит, оставив меня в приподнятом настроении. Я и в самом деле знаю, где его искать.

Прощаться с Анной и Виком почему-то проще. Анна порывисто обнимает меня, целует в обе щеки и приказным тоном велит: «Берегите себя!» Вик грустно улыбается, вокруг глаз проступают морщинки.

– Простите меня...

– Вик, это уже не имеет значения. – Я его обнимаю, жму руку.

– Я так любил ее, – признается он.

– Знаю, Вик. Думаю, Эл тоже знала.

Он моргает и отворачивается. Пожалуй, нам не стоит больше встречаться, ведь во мне он видит Эл.

Из паба я ухожу одна, но ничуть не пугаюсь, когда из тени выступает знакомая фигура и загораживает проход. Наверное, мне уже нечего бояться.

– Здравствуйте, Мари.

Проезжающая мимо машина бросает золотистые отблески на ее кожу, на глаза.

– Как вы, Кэтриона?

– Могли бы заглянуть в паб, посидеть с нами...

– Я не знала, будете ли вы мне рады. – Улыбка у нее невеселая, и она правильно сделала, что не зашла, но зачем говорить ей это сейчас?

– Эл было бы приятно.

Она нервно стискивает затянутые в перчатки руки.

– Я не смогла помочь ей, зато помогла вам. – Щурится от света фар. – Я вас спасла, так ведь?

Я смотрю на красивый шарфик, на кожаные перчатки, на безупречный макияж, которые прячут ужасные шрамы. Подхожу ближе, беру ее за руки и киваю. Как ни странно, Мари действительно меня спасла. Ей удалось растормошить меня и напомнить, что такое страх и насилие.

Улыбка Мари ослепительная, пальцы крепко вцепляются в мои.

– Будьте счастливы, *chérie*. *Vis ta vie*^[16]. Ради нее!

Она резко отворачивается, обдав меня облачком «Шанели», и уходит.

* * *

Я отправляюсь в дом одна. Мне не хочется оставлять Эл на съемной квартире, но возвращения сюда она заслуживает еще меньше.

Вытоптанные лужайки на Уэстерик-роуд усыпаны окурками, пустыми бутылками и пакетами. Я поднимаюсь по каменным ступеням к большой красной двери. Уже несколько месяцев дом стоит закрытый. Когда поверенный вручил мне увесистую связку, я долго сидела,

перебирая ключи, и вспоминала окрик: «Беги!», темноту и грохот, ночной засов, который я никак не могу открыть... Теперь я недрогнувшей рукой выбираю нужный ключ, с тяжелым лязгом проворачиваю его в замочной скважине, толкаю дверь и вхожу. Прежний запах старого дерева и старых вещей стал слабее – его перебивает дух запустения, покинутости, и я чувствую облегчение. На коврике лежит конверт, адресованный мне, – письмо из Национального архива Шотландии. Поднимаю, кладу в карман.

На паркете, перилах и дедушкиных часах играют зеленые и золотистые лучи, но я не смотрю на витражное стекло и не иду вверх. Поверенный предложил составить опись, до которой мне нет дела. Я велела продать дом вместе со всем содержимым как можно скорее. Росс наверняка меня поддержал бы. В конце концов, кому нужна тюрьма без узников?

Я пришла ради себя, ради всего, что оставляю позади. Мне никак не удастся забыть о случившемся и жить дальше. Я до сих пор не стою жертв Эл и мамы, не могу примириться сама с собой. Надо стряхнуть это горестное уныние, эту чертову неблагодарность – ведь, пока барахтаюсь в них, я подвожу Эл еще больше. И все же меня не покидает ощущение неправильности, незавершенности происходящего.

Вхожу в тень под лестницей, отдергиваю черную штору. Чихаю от пыли, зажмуриваюсь и дохожу до конца кладовой. Открываю шкаф, включаю фонарик и спускаюсь в Зеркальную страну в последний раз.

Сквозь щели в крыше пробиваются солнечные лучи. Я вдыхаю запахи сырого дерева и затхлого воздуха, чувствую, как бегут мурашки и встают дыбом волосы, слышу эхо нашего шепота, смеха, криков. Внизу поворачиваю влево, не глядя вправо, и иду до самой прачечной. Кровь Росса смыли, у «Сатисфакции» больше нет ни оружейной палубы, ни припасов рома. Я иду на главную палубу и сажусь, скрестив ноги, смотрю на зеленый океан и белые гребни волн, на синее небо и пышные кучевые облака, на Веселого Роджера с нарисованным черепом и перекрещенными костями, на уродливый призрак корабля Черной Бороды над пустым крюком для кормового фонаря.

Не знаю, сколько я тут просидела. Достаточно долго, судя по меркнувшему свету, который сочится в окно прачечной. Я не знаю, о ком или о чем думала, но по возвращении чувствую решимость, печаль и облегчение.

Встаю, растираю затекшие ноги и руки, снимаю Веселого Роджера и аккуратно складываю. Провожу пальцами по меловым линиям, по каменным стенам. У подножия лестницы в последний раз оглядываю Зеркальную страну: ее территории и границы, ее кирпичи и дерево, ее паутину и тени. Взбираюсь по ступеням, закрываю дверь и запираю на засов.

Разжигаю плиту, держу руки над пламенем и чувствую, как по телу разливается тепло. Достаяю из конверта заказанные несколько месяцев назад свидетельства о рождении – мамино и еще четыре, на Дженнифер, Мэри, двух Маргарет. В метрике Мэри Финли отцом указан Роберт Джон Финли, рыбак. Дата ее рождения – третье марта тысяча девятьсот шестьдесят второго года, четырнадцать часов тридцать две минуты. Смотрю на мамино свидетельство. Нэнси Финли родилась третьего марта шестьдесят второго, в четырнадцать пятьдесят четыре.

Сажусь за кухонный стол. Близнецы! Мама и Ведьма были близнецами. Не зеркальными, как мы с Эл, и даже не идентичными. Мама – светловолосая и миниатюрная, Ведьма – темноволосая и рослая. И все же они двойняшки. Вспоминаю ненависть в глазах Ведьмы – ненависть к родной сестре, – и очередная волна стыда угрожает смести хрупкую умиротворенность, которую мне принесло прощание с Зеркальной страной...

Я смотрю на доску с колокольчиками, затем в окно. Стену сада заливают яркий солнечный свет, кроваво-красных букв нет и в помине. Я никогда не узнаю, на самом ли деле они звонили и было ли написано на стене «Он знает» в нашу последнюю ночь с Россом. Я никогда не узнаю, шепнула ли Эл: «Беги!» – прямо мне на ухо. Впрочем, неважно. Зеркальная страна существовала потому, что мы в нее верили. Для нас она была настоящей, это нас и спасло.

Встаю, подхожу к плите, бросаю в огонь свидетельства о рождении, в том числе и ведьмино. Без имени отца Мышку не найти. Остается лишь надеяться, что в один прекрасный день Мышка придет и ко мне, как когда-то пришла к Эл.

Смотрю на мамино свидетельство, трогаю пальцем ее имя. Впервые вернувшись в этот дом, я чувствовала, что жизнь в Венис-Бич, такая надежная и безопасная, закончилась, стала похожа на гляцевую фотографию места, которое я посетила давным-давно. Она никогда не

казалась мне настоящей — даже набережная с клоунами, предсказателями и художниками виделась как во сне. Я никогда в нее не верила, поэтому меня она не спасла.

Кладу мамино свидетельство в огонь и смотрю, как желтеют и обугливаются уголки, как оно исчезает. И думаю: «Теперь ты можешь уйти». Мама еще здесь, ведь за минувшие годы никто из нас так и не смог убежать из этого дома. Мы застыли в момент катастрофы, как тела, погребенные под вулканическим пеплом.

Достаю из кармана письмо Эл, перечитываю еще раз и бросаю в огонь вместе с Веселым Роджером. Они занимаются, и я вскрикиваю как ребенок — одновременно радостно и испуганно. В последний раз смотрю на голую стену в саду и надеюсь, что он знает: здесь больше не будет ни меня, ни Эл. Мы не вернемся никогда-никогда! Сердцем этого дома был вовсе не его Машинный отсек, а наша Зеркальная страна. Теперь ее больше нет.

Я тушу огонь, закрываю решетку, словно отключаю от жизнеобеспечения пациента, который давно умер. Дом погружается в могильную тишину. Я оставляю его с миром. Выйдя наружу, бросаю последний взгляд в полумрак — красный и золотой, черный и белый, — перед тем, как захлопнуть массивную красную дверь навсегда.

И пока она закрывается, мне чудится приглушенное возмущение колокольчиков, нетерпеливое содрогание проводов и жил внутри полых стен, шепот миров за дверями, в комодах, в шкафах, под неподвижными синими небесами и бирюзовыми водами океана.

Мне все равно.

И тогда я понимаю, почему вернулась, зачем пришла попрощаться. Чтобы я больше не боялась летать!

Глава 33

Я покупаю два билета на самолет – себе и Эл. Пожалуй, это излишняя роскошь, которая вызовет косые взгляды, но какое мне до них дело! Билеты на поздний рейс в канун Рождества обходятся не слишком дорого, да и сестра умудрилась заработать на продаже своих картин гораздо больше, чем думали окружающие. Мы наконец отправляемся на Остров, и я не хочу, чтобы Эл летела в грузовом отсеке или на багажной полке, потому что во время перелета через океан ее место – рядом со мной, и больше нигде.

Мне пришлось пересыпать прах из громоздкой урны в картонную коробку с розовыми цветами и смотровым окошком. Я страшусь момента, когда придется расстаться с сестрой окончательно, хотя еще больше пугает то, что будет после. Носить ее с собой повсюду стало для меня так же естественно, как в свое время чувствовать ее боль.

Посреди Атлантики я наконец засыпаю. Мне снится Остров – Санта-Каталина капитана Генри, ее пляжи, лагуны и пальмы, написанные размашистыми мазками Эл. Мне снится капитан Генри, стоящий у штурвала «Сатисфакции», мы с Эл – у бушприта, и бирюзовые волны Карибского моря несут нас к берегам Острова. Я просыпаюсь в тревоге, выглядываю в иллюминатор, за которым разливается черная, как деготь, ночь, и вижу свое отражение: бледное лицо расчерчено тенями, запавшие глаза смотрят прямо в душу.

– Бывалый моряк не покинет порт в пятницу, – шепчу я.

И звонкий, словно колокольчик, голос Эл напоминает: «Сегодня же суббота, балда!»

Я смотрю на часы и вижу, что она права. Наступило Рождество.

Снова выглядываю в иллюминатор и думаю о розовом рассвете. Эл сжимает мою руку, мы стоим у моря и ждем.

Я с улыбкой касаюсь крышки коробки.

– Наконец-то мы отправились туда, Эл!

После десятичасового ожидания в Боготе и двухчасового перелета до Сан-Андрес, а потом до и Провиденсии, мой энтузиазм несколько тает. Аэропорт в Эль-Эмбрухо я покидаю уже поздним вечером. Дребезжащее такси несется по пустынным улицам, освещенным лишь огнями коттеджей и редких отелей. Моря не видно, зато я чувствую его запах – гораздо более яркий и чистый, чем в Лейте. Водитель пытается вести дружескую беседу, но я не в состоянии ее поддерживать. Наконец он резко останавливается, взвизгнув тормозами, и я так рада окончанию поездки, что готова его расцеловать. Водитель вытаскивает из багажника чемодан, и тут я обнаруживаю, что он высадил меня посреди пустынной дороги.

– Где же отель?

Таксист усмехается, радостно сверкая щербатым ртом.

– На Санта-Каталине.

– Я знаю!

– Санта-Каталина – это другой остров, а мы на Провиденсии.

– Это я тоже знаю, – говорю я, стараясь не паниковать. – Но они вроде бы должны сообщаться!

– Так и есть, – заверяет таксист, указывая мне за плечо.

Я оборачиваюсь и наконец понимаю, что приняла за тротуар со скамейками и яркими фонарями пешеходный мост, причем очень длинный мост.

Сжалившись, таксист ласково хлопает меня по плечу.

– Все хорошо, не волнуйтесь! Всего сотня ярдов, и вы на Санта-Каталине. Отель совсем рядом, за крепостью.

Мост весьма живописен. Он раскрашен в синий, зеленый, желтый и оранжевый цвета и покачивается на плавучих опорах. В детстве мы с сестрой даже представить не могли, что нам когда-нибудь повезет идти на наш Остров пешком в свете подпрыгивающих на волнах фонарей. При мысли об этом я невольно улыбаюсь.

Добравшись до берега, подхожу к столбу с деревянными указателями и с замирающим сердцем читаю: «Крепость Моргана», «Голова Моргана». Я иду вдоль кромки воды к единственным огням на берегу. Шумит море, на волнах покачиваются яхты. Свет становится ярче, из зелени выступает отель. Перед тем как сойти с дорожки, я вижу еще один деревянный знак – выгоревший на солнце, потемневший от времени. На нем значится: «Добро пожаловать на Санта-Каталину!

Пиратов тут ждет виселица, а протестантов – костер». И я снова улыбаюсь – на этот раз так широко, что больно губам.

* * *

Отель – простой, чистый, замечательный. Пройдя в свой номер, я с удивлением обнаруживаю, что усталости нет и в помине. Спать не хочется – к чему рисковать, вдруг мне приснится другое место, другое время... Я хочу жить здесь и сейчас!

Оставляю Эл на прикроватном столике и возвращаюсь на пешеходную дорожку. Вдалеке светятся огни бара под названием «Генри Морган». На стене висит картинка из энциклопедии, так похожая на портрет Эл: наш король пиратов, с бородой и длинными усами, ни тени улыбки. Иду по ступенчатым настилам мимо пальм, увешанных цветными гирляндами, спускаюсь на нижний ярус и сажусь поближе к воде. Посетителей нет; пахнет водорослями, дымом, жареной рыбой. От соседнего зала мой столик отделяет занавес из золотистых лампочек.

Из бара с улыбкой выходит официантка в футболке с портретом Генри Моргана и вручает мне список коктейлей. Она очень юная, почти подросток, черные волосы заплетены в мелкие косички, на лице макияж с блестками. Наверное, я после дороги выгляжу так, словно меня протащили сквозь живую изгородь задом наперед.

– Я думала, тут будет битком...

Девушка трясет головой.

– Рождество люди проводят в кругу семьи, – улыбается она то ли с сочувствием, то ли с неодобрением.

– Я видела на мосту указатель – Голова Моргана. Идти далеко?

– Не очень, – отвечает официантка. – Там так красиво!

Я улыбаюсь и смотрю в меню.

– Мне, пожалуйста, ваш фирменный ромовый пунш.

Она уходит, и в бар вваливается веселая гурьба туристов. Вторая официантка ведет их в другую, более темную часть бара, чему я рада. Мое хорошее настроение еще слишком хрупко, словно его поддерживает лишь магия этого места, где всем заправляет капитан Генри Морган.

Поворачиваюсь лицом к ветру, вдыхаю запах Карибского моря. Завтра утром я проснусь среди синевы и зелени, совсем как на картине Эл. Насколько тут лучше, чем на продуваемом всеми ветрами кладбище или в мрачной тюрьме воображаемой страны! И здесь я наконец смогу ее отпустить...

* * *

К столику идет официант с огромным высоким бокалом размером с добрый кувшин, с серебристыми соломинками, зонтиками и, хуже всего, зажженными бенгальскими огнями. Какой кошмар, это же мой фирменный ромовый пунш... Туристы приветствуют приближение коктейля громкими возгласами и умолкают, увидев его одинокую обладательницу.

Официант с усмешкой водружает бокал передо мной, от стола отскакивают горящие искры.

– Спасибо, – бормочу я смущенно. – Даже не ожидала...

– Наш фирменный коктейль, – поясняет он с извиняющимся смешком.

Наконец бенгальские огни шипят и гаснут, и я моргаю, снова привыкая к темноте. Официант почему-то не уходит. Ждет чаевых? Я судорожно роюсь в кармане джинсов в поисках мелочи.

– Извините, у меня нет...

Он снова улыбается. Замечаю, насколько этот парень хорош собой, – в его присутствии я нервничаю, теряю контроль. У него ослепительно белые зубы, и я гадаю, не застряли ли в моих зубах остатки самолетной еды.

– Вы очень красивая.

Я вспыхиваю, смущенно смеюсь и делаю большой глоток ромового пунша. Он такой крепкий, что на глаза наворачиваются слезы.

– Спасибо.

– Вы к нам на отдых? – Я киваю. – Пять лет назад я прилетел сюда из Камеруна отдохнуть, – сообщает он с очередной улыбкой. – Так и остался!

Я никогда не бывала в Африке и вообще мало что видела. А теперь, если захочу, могу хоть в Джунгли Какаду слетать.

– Я из Эдинбурга, – улыбаюсь я в ответ. – И вряд ли задержусь дольше недели.

– Очень рад вас видеть, добро пожаловать!

Официант уходит в другую, более шумную часть зала. Я с улыбкой смотрю ему вслед; по телу разливается приятное тепло от рома, ноги словно покалывает мелкими иголочками. Парень обращается к компании туристов, хлопает их по спине, громко хохочет. Я наблюдаю за второй официанткой: черные дреды раскачиваются, пока она собирает пустые стаканы, напарник обнимает ее за талию, и я позволяю себе последний взгляд в прошлое, последнюю фантазию. «Если б я могла, то заняла бы твое место, Эл, а ты – мое. Или ее. Ты могла бы иметь все, о чем даже не мечтала...»

Вдруг официантка замирает, рука на ее талии сжимается. Приятное ромовое опьянение мигом слетает с меня, непонятная тревога гасит вспыхнувшую было надежду. Я вглядываюсь в темноту, но не вижу выражения лиц – только напряженную спину и плечи девушки. Видимо, боится и хочет убежать... И тут она оборачивается, и в свете золотистых фонариков вспыхивает ее широкая, ослепительная улыбка.

Я встаю. Голова идет кругом, я совершенно не в себе. Порывисто шагаю по скрипучим, неверным доскам бара, словно по палубе, словно мы в открытом океане посреди атлантического шторма. Кричу навстречу ветру: «К повороту! Лечь в дрейф! Свистать всех наверх!» Хотя на самом деле с моих губ не срывается ни звука...

Ноги подгибаются, но девушка даже не пытается меня удержать. Она бросается ко мне, обхватывает обеими руками, мы падаем вместе и расшибаем колени о деревянный пол. Ее объятия такие крепкие, что я вскрикиваю от боли. Да что там, я рыдаю навзрыд так судорожно, что себя не помню. Она целует меня, гладит по голове, шепчет ласковые слова словно ребенку, которому приснился кошмар.

Раньше я терпеть не могла смотреть в свои глаза, видеть свою улыбку, нахмуренное лицо, любые недостатки. Это все равно что глядеться в зеркало, которое с тобой всегда. Мне не хотелось быть лишь отражением, половинкой целого... Теперь же я касаюсь лица сестры дрожащими пальцами, наши глаза туманят слезы радости.

– Я знала, что ты найдешь меня, – говорит Эл.

Глава 34

Я сплю как убитая.

Просыпаюсь от яркого света и пения птиц. Несмотря на похмелье, смену часовых поясов и эмоциональное потрясение, я сразу понимаю, где нахожусь, и помню, что случилось. Я – в комнате Эл. Потолочный вентилятор медленно крутится и жужжит, сестры рядом нет. Прошлой ночью мы спали вместе, как в детстве в Джунглях Какаду, лежа на боку и держась за руки.

Я одеваюсь и выхожу в узкий коридор. Квартирка простая, светлая, маленькая и ничуть не напоминает дом тридцать шесть по Уэстерик-роуд. Эл хлопочет в крохотной кухоньке, собрав черные дреды в небрежный пучок.

– Сэмюэл купил нам еды, – говорит она. – Кокосовый хлеб и манго.

– Парень из бара? – Мои слова звучат неправильно, задиристо. Прошлой ночью мы с Эл не могли наглядеться друг на друга, то плакали, то смеялись – словно дети, для которых радость от встречи с потерянным близким затмила все на свете. Сегодня я даже не представляю, как себя вести.

– Он – мой друг. Знаешь, Кэт, хороших мужчин больше, чем плохих... – Эл устало улыбается. – Теперь я это понимаю.

Как ни странно, я не могу смотреть ей в глаза. Эл трогает меня за плечо, я вздрагиваю, и она вздыхает.

– Идем-ка на балкон. Я принесу кофе, и ты задашь мне любые вопросы.

На маленьком балконе стоит пластиковый стол и стулья. Я сажусь, смотрю на синеву и зелень. Никаких прибрежных скал тут нет, зато есть длинная песчаная бухта и пирс, окруженный деревянными рыбацкими лодками. Раздается бряцание швартовых колец, скрип натягиваемых канатов, и мой взгляд падает на красно-синюю лодочку, покачивающуюся на волнах.

Когда Эл приносит кофе, я на нее не смотрю. Так странно и непривычно находиться с ней рядом, знать, что она здесь... Мы не виделись очень давно – гораздо дольше, чем несколько месяцев после ее исчезновения. Долгие годы, целую жизнь.

Сестра садится, вздыхает.

– Мне было нужно, чтобы Росс поверил в мою смерть, а ты поверила, что он меня убил. Чтобы он отпустил тебя, а ты – его. – Долгая пауза. – Поэтому пришлось солгать.

– Почему ты не сказала мне правду? Неужели ты мне не доверяешь?! – Это ранит меня больше всего.

– Господи, да я не доверяла ему, а не тебе! – Эл берет меня за руки. – Конечно, я хотела все рассказать... В детстве ты меня спасла; значит, теперь настала моя очередь спасти тебя. Увы, ты бы мне не поверила, просто не смогла!

Верить – больно. Никто не лгал и не утаивал от меня правду лучше, чем я сама.

– Почему ты не связалась со мной после суда? Почему не подала весточку, что жива? Ты думала, я выдам тебя полиции или захочу остаться с Россом?

– Я боялась, что ты его простишь. Ты ведь всех прощаешь! – Эл смотрит на море и моргает, пытаясь скрыть выступившие слезы. – Именно на это я и рассчитываю.

– Ты потратила лучшие годы жизни на нездоровые отношения с мужчиной, который тебя мучил! Эл, неужели ты терпела столько лет из-за того, что наш сумасшедший папочка решил задушить первой тебя, а не меня? Ведь я поверила, что ты погибла!

– Кэт, я старшая, – заявляет она с таким видом, словно это самое логичное объяснение. – Я должна о тебе заботиться!

– Господи Иисусе! – Внезапно вспоминается мама: злобное, нахмуренное лицо, вечные щипки, холодный пристальный взгляд, резкий голос... И я понимаю: в глубине души я всегда ее ненавидела, даже зная, что она сделала ради нас. – Мне нужно знать, почему и как.

Эл улыбается своей фирменной улыбкой: вызывающей и немного печальной.

– Спрашивай, я отвечу.

– Как ты попала сюда?

– После того, как я утопила яхту... В общем, добралась на каяке до Фишерроу. Это старая гавань в Массельбурге, сейчас почти заброшенная. Меня никто не заметил.

– Значит, это тебя видели в куртке с капюшоном в тот день? Ты вышла из прохода между домами.

Эл снова кивает.

– Каяк я бросила в сарае, достала из-под кровати в кафе «Клоун» «тревожный комплект» с деньгами и одеждой, пролежавший там несколько месяцев. Помнишь, как мы делали в детстве? Одна соседка – точнее, подруга, с которой мы вместе занимались благотворительностью, – помогла сделать фальшивый паспорт и прочие документы. Это было еще до того, как я поняла, что не смогу убежать...

– Ее зовут Мари, – говорю я.

– Ты ее знаешь? – Лицо Эл светлеет.

– Открытки с угрозами тебе, а потом и мне подбрасывал вовсе не Росс, – сообщаю я, – а Мари.

– О господи! – Эл никнет. – Бедная Мари...

Я снова злюсь, сама не зная почему. Эл расправляет плечи.

– Потом я добралась экспрессом до аэропорта в Хитроу. Мне было так страшно, Кэт!.. Я не знала, что делать, куда бежать. В итоге купила билет до Мексики – ближайший рейс на другой континент. Я боялась, что Росс меня найдет, ждала, что он появится в аэропорту в любую минуту и увидит меня! – Она издает то ли смешок, то ли всхлип. – Единственное, что помогло мне хоть как-то сохранить рассудок, – мысль о том, что Энди Дюфрейн тоже ужасно боялся, когда полз по тоннелю, по канализации, пробирался через дерьмо целых пять сотен ярдов и был так близок к свободе после стольких недель, месяцев, лет заключения...

Мой гнев улетучивается, мешаясь с облегчением и радостью; ведь теперь сестра рядом со мной! Злиться на нее – слишком большая роскошь.

– Сюда я приехала через месяц после прибытия в Мексику. Сначала отправилась на юг, в Коста-Рику, потому что никак не могла остановиться, и вдруг увидела на стене какого-то бара карту Санта-Каталины. – По губам Эл скользит улыбка. – И подумала: не зря я купила билет в Мексику! Хватит убежать, хватит скитаться.

Я опускаю веки. Прекрасно понимаю, что именно так я и делаю всегда: обвожу боль вокруг пальца, притворяюсь, что ее не существует. И Эл делает то же, что и всегда: позволяет мне это. Вспоминаю о розовой картонной коробке в отеле, и сердце бьется так сильно и тяжело, что я не могу его игнорировать. Делаю глубокий вдох, выдох, смотрю на красно-синюю лодочку.

– Расскажи мне, что случилось, Эл.

Она молчит и ждет, пока я не взгляну ей в глаза.

– Все, что я писала тебе про мою жизнь с Россом, – правда. Я не могла от него уйти. Я не могла его убить. Конечно, я об этом думала... Но если был хоть малейший шанс, что я замешкаюсь или не справлюсь, то что он сделал бы со мной, с тобой? – Сестра пожимает плечами. – И я сдалась. Мне стало все равно.

– Что же изменилось?

Эл набирает в грудь побольше воздуха.

– Мышка.

– При чем здесь Мышка?

– Помнишь, какой навязчивой и обидчивой она была в детстве? – Эл закрывает глаза.

– Все из-за Ведьмы, – говорю я, вспоминая, как та стояла перед домом на Уэстерик-роуд, высокая и холодная, словно восковая фигура. – Маминой сестры-близнеца.

Эл с удивлением кивает.

– Мышка вернулась в мою жизнь за полгода до Плана. Сначала я ее даже не узнала. Ведьма умерла, Мышка обрела свободу и хотела вернуться... Не знаю, следила ли бедняга за мной и проведала, где я живу, или просто заявила наудачу. Если думаешь, что наше детство было трудным, то представь, каково пришлось Мышке! Ведьма ее била, морила голодом, держала взаперти. Мне казалось, я знаю об унижениях все, пока за меня не взялся Росс... Мы с тобой, несмотря на все издевательства и оторванность от внешнего мира, были вместе. Мама нас любила, мы никогда не оставались в одиночестве. Я почувствовала себя очень виноватой. Помнишь, как паршиво мы с ней обращались?

Вспоминаю... Ведьма тащит Мышку по коридору. «Нет, нет! Я не хочу уходить!» Звонкие, лишенные эха пощечины. Мы разжимаем руки, и Ведьма торжествующе улыбается. Мышка стоит в потоке света на пороге, опустив голову и дрожа, как собачонка.

– Росс ее на дух не переносил, – говорит Эл. – Он ненавидел любого, кто мог забрать у него хотя бы часть меня. Поэтому я сделала вид, что тоже не хочу видеть Мышку, но продолжала звонить ей со второго телефона. Мне удавалось улизнуть из дома на часок, пока Росс был на работе, и мы рассказывали друг другу о своих горестях. Увы, это не помогало. Нам уже ничего не могло помочь. В конце концов все

стало неважно. – Сестра закрывает глаза. – Я поняла, что с меня довольно.

– Ты ведь не собиралась бежать? Последнее письмо не было ложью. Ты решила покончить с собой, как мама. В этом и заключался твой План?

– Кэт, я так устала, – с задумчивой улыбкой признается Эл. – Мне было так грустно...

– Рассказывай! – Я снова перевожу взгляд на лодку, на пирс, на море.

– Третьего апреля выдалось прекрасное утро. – Голос сестры смягчается, становится мечтательным. – В Форте свой, особый микроклимат. В тот день залив был похож на коридор света между черными тучами, собравшимися над сушей. Меня провожали тюлени; вокруг парусов и мачты кружились олуши, приняв мою яхту за рыбацкое судно. Я не видела ничего, кроме расстилавшейся впереди глади Северного моря. Я была готова. – Эл умолкает, к уголку ее губ скатывается слеза. – Но потом все пошло наперекосяк.

– Что случилось?

Она сглатывает и страдальчески улыбается.

– Мышка.

В животе шевелится знакомый страх.

– Как...

– Извини, я на минутку, – говорит Эл, вскакивает и уходит с балкона.

Возвращается она гораздо быстрее; в одной руке у нее две стопки, в другой – пластиковая бутылка с красно-золотистой жидкостью.

– Местный ром, – поясняет Эл, наливая дрожащей рукой две щедрые порции. – Убойная штука.

Я отпиваю, и по телу разливается огонь.

– Мышка позвонила, когда я уже отчалила, и спросила, где я. – Эл говорит так тихо, что мне приходится прислушиваться изо всех сил. – Я пыталась вести себя как ни в чем не бывало, но она что-то заподозрила. Пригрозила, что если я с ней не встречусь, то она отправится прямо ко мне домой и найдет Росса. Я и так уже рассказала ей слишком многое... О том, какой он на самом деле. О том, что он себе позволял. Зря, конечно, – ведь я знала, как это опасно. Порой Мышка вела себя чересчур импульсивно; к тому же помнишь, какая она была навязчивая?

Вспоминаю контору шерифа. Мышка стоит, положив руки на бедра, и улыбается. Зубы сверкают, как у Чеширского кота в «Алисе в Стране чудес». «Хочешь, чтобы я помогла?»

– Мышка думала, что я собираюсь сбежать, как мы сделали в детстве. Она ужасно разозлилась. – Эл качает головой. – Ведьма была не единственной причиной, по которой Мышка много лет с нами не общалась. Она обиделась.

«Не хочу уходить! Хочу в Зеркальную страну!» Мышка тянет к нам руки, а Ведьма тащит ее по коридору к двери. Я прижимаю пальцы к векам.

– Мы лишили ее Зеркальной страны.

– И бросили одну. – Эл вздыхает, качая головой. – Я знала, что Росс вернется из Лондона. Даже не представляю, что случилось бы, встретиться они у нас дома без меня! Я всего час как отчалила, может, чуть меньше... – Она делает большой глоток рома прямо из бутылки. – Не могла же я предать ее снова! – Поднимает взгляд. – И я взяла ее с собой в Фишерроу.

Ужасная уверенность сдавливает мне грудь, и я не могу сказать ни слова.

Эл берет меня за руки и грустно улыбается.

– Я рассказала ей все: про план, про таблетки, про яхту. Не знаю, зачем я это сделала. Наверное, в глубине души мне хотелось, чтобы меня остановили. И я радовалась, что она позвонила. Стоило взять трубку, и вся моя решимость улетучилась. – Улыбка Эл ужасна. – Я отступила.

Не дождавшись ответа, Эл сжимает мои руки сильнее.

– После того, как я ей рассказала, меня всю трясло. Похоже, из-за адреналина с кортизолом или что там вырабатывает организм, когда ты собираешься наложить на себя руки... – Она вздрагивает. – Я пообещала Мышке, что ничего с собой не сделаю и вернусь к Россу. Я разговаривала с ней так, словно она – наша прислуга, пороховая мартышка, любимая игрушка... Словно она не человек. А ведь Мышка была живым человеком и очень страдала! Ей хотелось чувствовать себя нужной, хотелось помочь мне... – Эл снова вздрагивает. – Я высказала все, что у меня накопилось, я забрала все ее сочувствие до капли и оставила одну в каюте. Затем поднялась наверх и управляла яхтой, пока не поняла, что готова вернуться в гавань. – Она закрывает глаза. – Я

испытала облегчение. Вот тебе ужасная правда обо мне, Кэт! Я испытала огромное облегчение. Побег не удался, можно возвращаться домой.

Когда я спустилась через час, в каюте было слишком тихо. Я сразу поняла: что-то случилось. Мышка лежала на сиденье и... она стала ужасно серая! И тогда я все поняла – еще до того, как увидела на полу пакет из-под чертовых таблеток Росса! Диазепам и флуоксетин, мой суицидальный набор. Я пыталась ее спасти, но она уже начала остывать. – Эл качает головой, потом поднимает взгляд; в ее глазах и печаль, и вызов. – Я поняла, что это мой шанс! Я могла бы вернуться в Грантон, встретиться с Россом лицом к лицу, ответить на все вопросы об обстоятельствах смерти Мышки, о моем звонке с яхты, когда я умоляла его приехать, – или же я могла спастись...

Вспоминаю тело на каталке, белую кожу, черные швы у ключиц, жуткое лицо... Пальцы Эл дрожат в моих руках, она тяжело сглатывает.

– И я решила заменить себя Мышкой.

– Не понимаю, – бормочу я, хотя это ложь. Я готова броситься бежать, только Эл не отпускает.

– Без тела ничего не получилось бы, – говорит сестра с нажимом, словно знает: стоит ей ослабить хватку, и я удеру. – Если б не нашли никого, Росс не сдался бы, он искал бы меня вечно. И, вероятно, привлечь за убийство его не удалось бы. Поэтому я и решила себя убить. Но как только поняла, что умирать не обязательно, то сразу передумала. Я могла вернуться домой, заменить сливную пробку и кольцевую пилу в комнате Синей Бороды настоящими, чтобы экспертиза подтвердила их подлинность. Я могла забрать свой «тревожный комплект» и спастись, на самом деле спастись. – Она пронзительно смотрит на меня. – Кэт, я вовсе не хотела, чтобы это произошло именно так! Я не хотела, чтобы она погибла...

– Не понимаю, – повторяю я, пытаюсь выкрутиться из цепких рук Эл. Раздается громкий хруст, мы обе морщимся. Сестра не выпускает, лишь придвигается ближе, и я поневоле встречаюсь с ней взглядом.

– Все ты понимаешь, Кэт! Ты должна узнать правду и принять ее. – Эл отпускает мои руки. – Тебе придется сказать это самой.

Делаю глубокий вдох, выдох. Снова вспоминаю тело на каталке, тест ДНК на телефоне инспектора Рэфик...

– Она – наша сестра. – Я смотрю на лиловые отметины в форме полумесяцев на моих руках. – Мышка – наша идентичная сестра-близнец.

Эл берет мое лицо в ладони, проводит пальцами по лбу, по вискам. Хотя в ее глазах стоят слезы, она улыбается и кивает.

– Помнишь, какими мы были особенными? Такие, как мы, рождаются лишь у одной матери из ста тысяч.

Я киваю, закрыв глаза.

– Вероятность рождения зеркальных близнецов составляет примерно один на тысячу двести родов. Для разнояйцевого близнеца, как наша мама, вероятность вырастает – один случай из семидесяти. – Эл глубоко вздыхает. – Не такая уж и редкость.

Я вспоминаю Мышку, свернувшуюся в комок за бочонком на палубе «Сатисфакции», ее набеленное лицо, залитое слезами. И свою эгоистичную, глупую веру в то, что зависть в ее глазах поднимала мне настроение, давала мне почувствовать, что я хоть чего-нибудь стою. Даже если это всего лишь воображаемый персонаж наших детских игр... «Вот бы я была как ты!»

– Только перед смертью Ведьма рассказала Мышке, что мы – идентичные тройняшки, что дедушка – ее отец, а наша мама...

– Как же так? – перебиваю я, вспоминая бледную кожу Мышки, стриженные черные волосы, костлявую миниатюрную фигурку. Я все еще не в силах поверить. – Она совсем на нас не похожа!

– Ведьма стригла ее коротко, красила в черный цвет волосы, морила голодом. Вспомни, как часто Мышка пользовалась нашим клоунским гримом! Она хотела походить на нас, на Беллу – лишь бы не быть собой. – Заплаканная Эл смотрит на меня почти гневно. – Мы этого не замечали; мы верили в то, во что нам велели верить! Но мама хотела, чтобы мы знали: мы гораздо более особенные, чем думаем, чем она говорила нам, и поэтому смешала правду с вымыслом. Ведь она всегда так делала!

– Вероятность того, что родятся идентичные тройняшки, – шепчу я, – один к ста тысячам.

Эл кивает.

– Может, чуть меньше, – тихо добавляет она с легкой улыбкой. – Если в семье уже были близнецы, и твой дедушка – твой отец...

– Но почему? Почему мама позволила Ведьме ее забрать? Зачем Ведьме вообще понадобилось...

– Мышка рассказала, что Ведьма ходила во сне, ей снились кошмары. Мышка просыпалась и обнаруживала ее на коленях в темноте; она плакала и умоляла впустить ее обратно. Никто и никогда не любил Ведьму, не захотел на ней жениться. Ни мужа, ни семьи, ни родителей. После бабушкиной смерти дедушка вышвырнул ее из дома. Он позволял ей иногда приходить в гости в обмен на молчание. Мышка думала, что Ведьма забрала ее себе потому, что хотела взять что-нибудь на память о маме, о дедушке. Ведьме хотелось показать кому-нибудь, каково это – жить нелюбимым и одиноким...

Длинный палец указывает на дрожащую, склонившую голову Мышку. «Вот что значит быть хорошей дочерью!» В ее руке болтается золотой медальон, блестя на солнце. Мамина улыбка холодна, как лед. «Ты всегда заришься на то, что не твое». Ведьма сует цепочку в карман длинного черного платья. «Иногда я это получаю!»

Эл смотрит на меня.

– Думаю, Мышка ошибалась. Ведьма заплатила за надгробие и похоронила их вместе. – Ее глаза вспыхивают. – Всю свою жизнь ей хотелось, чтобы другие страдали еще больше, чем она сама.

Вспоминаю их свидетельства о рождении: 3 марта 1962-го, 14:32 и 14:54...

– Ведьма – старшая, – шепчу я, дрожа мелкой дрожью. – Дегустатором ядов должна была стать она!

Меня поражает чудовищность того, что произошло с моей матерью. И я понимаю, почему каждый год в день смерти бабушки она запиралась в своей спальне и не выходила до следующего утра. Столько ужаса, столько страданий, да еще несправедливость со стороны сестры... Наверное, она лгала себе. Интересно, под конец помнила ли она вообще, что Мышка когда-то принадлежала ей?

– Мама просто хотела, чтобы мы были в безопасности, – говорит Эл. – Может, она убедила себя в том, что Мышке ничего не угрожает и так лучше для нее...

Ложь! Мама никогда не учила Мышку выживать. Не учила ее прятаться, убегать. Не учила радоваться темноте и не бояться грозы. Нет, не могу об этом даже думать! Мышка осталась совсем одна, а я не верила, что она настоящая...

– Росс знал?

Эл качает головой.

– Он всегда считал Мышку подругой семьи или кузиной. Она была совсем не похожа на нас – ни в детстве, ни сейчас. Я и сама не знала до последнего. Мышка призналась, что она – наша сестра, услышав мой план привлечь Росса за убийство. – Вымученная улыбка. – Ты – мне, я – тебе.

– О боже! – Я встаю, пошатываясь. В лицо дует теплый ветер, я опускаю веки и вспоминаю, как бежала по тротуару к конторе шерифа с черной меткой в руке. Мышкины глаза – большие, круглые, обведенные черной краской. «Не бойся! Я помогу, Кэт. Я тебя спасу». Счастливая надежда в широкой улыбке, старое мешковатое платье с намалеванными цветами, как на наших с Эл сарафанах. «Ты можешь стать мной, а я – тобой». – Неужели она сделала это вместо тебя? Мышка приняла твои таблетки, чтобы тебе не пришлось возвращаться к Россу?

– Сначала я не поверила, что Мышка – наша сестра. – Эл закрывает лицо руками и надрывно всхлипывает. – Льнет ко мне, улыбается, говорит, что хочет помочь... Лишь бы я доверяла ей, любила как сестру. Ты ведь помнишь, какой она была навязчивой, как хотела нам угодить, как требовала внимания... И я не поверила ей, не смогла...

На щеках и на подбородке Эл сочатся кровью глубокие царапины, как и у меня на запястьях. Я опускаюсь перед ней на колени, хватаю за руки, чтобы она не поранила себя еще больше.

– Мышка оставила записку, – шепчет Эл, дрожа всем телом. – Написала лишь свое имя, которое ей дала мама. И тогда я поняла, что она сказала правду.

– Как ее звали?

Эл издает сдавленный смешок.

– Иона.

Прекрасная принцесса, которую злая ведьма украла у матери, отрезала ей крылья и заключила в высокую-превысокую башню...

Всхлипы Эл становятся громче, судорожнее.

– И я оставила ее одну! Она меня слушала, а я ее – нет. Уходя на палубу, я сказала: «Оставь меня в покое!» Вот они, мои последние слова ей...

– Эл! Эл! – Я склоняюсь к ней. – Ты ведь не знала!

Она отталкивает меня и, шатаясь, встает.

– А если знала? А если я поверила ей? А если я рассказала ей все и потом оставила внизу, где лежали мои таблетки, зная...

Я тоже встаю.

– Ты ей не поверила. Помнишь, ты вернулась на палубу и вздохнула с облегчением? Ты думала, что все кончено. Не вини себя!

Сестра продолжает трясти головой; я хватаю ее за плечи и заставляю посмотреть мне в глаза.

– Ты ни в чем не виновата! Мама всегда твердила нам, что старшая в ответе за младшую, – но она была не права. Из-за того, что сестра никогда ее не защищала, тебе пришлось пожертвовать жизнью ради меня!

– Тоже мне жертва... – По губам Эл блуждает безумная улыбка, глаза смотрят в никуда. – Я любила Росса. Я всегда хотела быть с ним, с самого начала. Считала его таким хорошим, таким храбрым... Увы, лгать, манипулировать и плести интриги для меня теперь как дышать. Наверное, я плохая. Наверное, со мной что-то не так. Это я во всем виновата! Умереть должна была я, а не Мышка...

– А я – пьяница, эгоистка, предательница, трусиха, всю жизнь бежавшая от правды. Я хотела Росса, и плевать на твои чувства! Я тебя ненавидела и даже не подозревала, что ты не испытываешь ненависти ко мне. И в ту ночь – в ту проклятую ночь! – я ушла бы без тебя. Если бы Росс не загородил наш лаз, я оставила бы тебя с бабушкой, как в свое время Ведьма оставила маму, и даже не оглянулась бы!

Эл хватается меня за руку.

– Чушь собачья! Ты совсем другая, ты ни в чем не виновата... – Взгляд ее становится пристальным, хватка ослабевает, и Эл сдавленно хихикает. – Думаешь, это ужасно умно?

– Ты не виновата, Эл. – Я тоже улыбаюсь, хотя мне совсем не весело.

Придвигаю стул ближе, сажусь напротив сестры, и мы смотрим друг на друга, словно в зеркало. Глаза у нее красные, кожа бледная. Вспоминаю, как она лежала на больничной кровати. Вспоминаю все мамины сказки, все ее уроки. «Шоушенк», «Повесть о двух городах», «Граф Монте-Кристо», «Мотылек», «Человек в Железной маске», «Шпион, который вернулся с холода», романы Агаты Кристи... Для меня это были лишь истории побегов, а Эл училась по ним проявлять

смекалку, развивала в себе способность подражать и изыскивать любые возможности, жертвовать собой ради других, приходить на выручку. Она прекрасно усвоила, что невинная ложь – это просто ложь, которая еще не утратила невинность.

И она обязательно вернулась бы за мной. Если б я не смогла спастись от Росса, она пожертвовала бы своей свободой и новой жизнью. Это я знаю наверняка.

Вспоминаю про племя индейцев в глубине Южной Америки. Они вставали в круг и загоняли внутрь соплеменника, которого не хотели терять. Я сжимаю руки Эл, заставляю взглянуть мне в глаза и начинаю напоминать ей обо всем хорошем, что она сделала, и о том, что она хороший человек. Я повторяю это без остановки, и наконец сестра начинает видеть и слышать меня, начинает мне верить.

* * *

И только потом я плачу по Ионе. Я оплакиваю сестру, которую у нас не было шанса ни полюбить, ни спасти. Вспоминаю тот случай, когда она сидела рядом со мной в вигваме вождя Красное Облако, и в ее голубых глазах светилось неподдельное сочувствие.

«Все будет хорошо, Кэт! Я люблю тебя».

Я плачу по тому расплывшемуся, неузнаваемому существу на металлической каталке, над которым потрудились стихия и мелкие морские хищники.

А больше всего я плачу по Мышке – худенькой улыбчивой девочке с набеленным лицом и ярко-красными губами, которая однажды сказала мне: «Если ты маленький, тихий, перепуганный мышонок, затаившийся в темноте, то тебя не найдут никогда». Так оно и вышло.

Эпилог

На второй день после Рождества мы встаем перед самым рассветом и молча идем по дорожке. Ветер слабый, море спокойное. Огни домов и яхт медленно исчезают, лишь редкие фонари бросают на воду золотые отблески. Мы долго пробираемся по мангровым зарослям, следуя деревянным указателям, и наконец выходим на простор. Солнце встает: на горизонте появляется тонкая яркая линия, море поблескивает серебром. Вдалеке поет петух – раз, другой. Пахнет цветами; запах сладкий, немного напоминает сирень.

Мы идем по дорожке, петляющей между скалистыми выступами и стволами деревьев. Сворачиваем, и вдруг порыв ветра отбрасывает волосы с моего лица и остужает разгоряченную кожу.

– Вот это да!

Эл улыбается, переводит взгляд на огромную скалу над водой у самого берега.

– Голова Моргана.

Я иду вслед за сестрой по тропинке среди папоротников и кустов с яркими красными и желтыми цветами, хватаясь за стволы пальм, потому что спуск становится все круче.

– Вот и лагуна, – указывает Эл, подходя к самой «макушке» знаменитой скалы.

Я борюсь с нелепым желанием сказать «привет» и касаюсь камня ладонями.

Эл снова улыбается.

– В первый раз я тоже так сделала.

А потом я вижу лагуну. Она прекрасна: неглубокая бирюзовая вода, чуть темнее у скал и рифов возле устья, вокруг нее – высокие каменные утесы, заросшие густой растительностью. Мы ступаем в прохладную воду, под ногами – мягкий песок.

– Какая красота, Эл!

– Я прихожу сюда каждый день, – говорит сестра. – Именно так я себе все это и представляла!

Мы молча стоим в море и смотрим, как серебристо-серый горизонт становится золотым. Здесь невероятно тихо и мирно. Я достаю из рюкзака на плечах Эл картонную коробку с нарисованными розовыми

цветами. Мы глядим на нее, потом друг на друга. Впервые со времен детства мы вместе.

– Хотела бы я... – голос меня подводит.

– И я. – Эл кивает и кладет ладони поверх моих рук.

Мы берем по пригоршне праха и бросаем в чистую голубую воду. Ветерок подхватывает его, кружит и рассеивает по волнам. Постепенно коробка пустеет, небо становится совсем светлым, воздух прогревается.

– Прощай, Иона, – говорит Эл.

И я знаю, что она слышит мое «прости», которое звучит одновременно с ее возгласом.

Мы долго молчим, наконец Эл убирает коробку в рюкзак и откашливается.

– Куда ты теперь?

Я не отвечаю. Понимаю, что она хочет знать. Я думаю о синем просторе неба и океана на Венис-Бич, о готических шпилях и булыжных мостовых Эдинбурга. Ветерок играет моими волосами, и они щекочут мне шею и голые плечи.

– Знаешь, птички под названием великолепный золотистый куррэ не существует. – Эл переводит взгляд на горизонт.

Так и слышу мамин голос, которым она нам читала, – низкий, ровный, обнадеживающий. «Куррэ расправляет крылышки и улетает далеко-далеко, садится на новом месте и начинает новую жизнь, словно прежде ничего и не было».

– На латыни *curre* означает «бежать»!

Сестра стоит, сжав губы, и пытается не расспрашивать меня о том, куда я собираюсь податься, что буду делать.

– «Анна из Зеленых мезонинов» никогда не была моей любимой книгой, – признаюсь я. – Больше всего мне нравился «Мотылек».

– Почему?

– Неважно, сколько раз его ловили и отправляли на каторгу, в сумасшедший дом, в тюрьму или на дальние острова, – он все равно пытался сбежать. Кстати, и на парусном судне с пиратами тоже!

– Я скучаю по своей яхте, – нерешительно признается Эл, не зная, как я отреагирую.

Четыре минуты! Нас всегда разделяли четыре минуты и бог знает сколько боли, лжи и страданий. И все же она понимает меня лучше всех на свете. Вовсе не потому, что однажды мы чуть не сплывались

воедино, как песок и известняк, – этого не произошло, – а потому, что наша духовная связь гораздо крепче.

Волшебная Зеркальная страна научила нас бороться, прятаться, мечтать. Она научила нас спасаться бегством задолго до того, как мы вырвались за пределы ее стен. Я снова смотрю на море – туда, где солнце поднимается над горизонтом, окрашивая небо и море в кроваво-красный цвет. Место на карте помечено крестиком. Скалы и пляжи, леса и равнины. Тропический рай вместо снежной страны чудес. Вот и окончилась охота за сокровищами Зеркальной страны!

Я поворачиваюсь к Эл, беру ее за руку.

– Мы купим другую яхту, – обещаю, – и поплывем по Карибскому морю вместе.

Она всхлипывает. Я закрываю глаза и в последний раз вспоминаю скрип палубы под ногами, океанскую качку, двадцатиузловый южный ветер в лицо, радостные возгласы наших матросов и крики умирающих врагов, треск дерева, рев пушек и мушкетеров. Мы чувствовали себя в полной безопасности в разгар самой кровавой битвы. Неважно, насколько громко выл шкальный ветер. Неважно, кто смотрел на нас из зеркала.

Мы не покинем друг друга никогда-никогда, думаю я. До тех пор, пока живы.

Я сжимаю руку Эл крепче, слышу давнее эхо ее стучащих зубов, когда мы смотрели на залив и кроваво-красный рассвет. Вот бы видела нас мама! Вот бы знала она, что все было не зря! Все страдания, весь ужас, все темное, удивительное и волшебное. Вот бы знала она, что мы добрались до Острова, и теперь все вместе, причем все трое. Навсегда.

И хотя вслух я не говорю ничего, Эл смотрит на меня и широко улыбается. В лучах восходящего солнца ее лицо кажется золотистым.

– Она знает.

* * *

В тот день и началась наша третья жизнь.

Благодарности

В создании книги участвует очень много людей. Вряд ли я узнаю, насколько много, но я безмерно благодарна всем участникам этого процесса!

В первую очередь, большое спасибо Карле Джозефсон из «Боро пресс» за то, что рискнула связаться и со мной, и с романом; за ее поддержку и энтузиазм с самого первого дня и наконец за то, что она – замечательный редактор.

Огромное спасибо и остальным членам команды «Харпер Коллинз»: Сьюзи Дорс, Оре Агбаджу-Уильямсу, Энн Бассел и Джейми Уиткомб. Спасибо Клэр Уорд и Холли Макдональд за их потрясающую работу и бесконечное терпение; благодаря усилиям Иззи Коберн, Рэйчел Куинн и Кэти Блотт с книгой ознакомилось максимально возможное число читателей. И наконец, спасибо замечательным редакторам и корректорам за то, что нашли все мои ошибки! Мне очень понравилось с вами работать.

Самая большая благодарность по праву принадлежит Хелли Огден, моему гениальному агенту. Без ее таланта, неутомимого энтузиазма и поддержки – редакторской, практической, эмоциональной – этот роман вряд ли был бы написан. За последние несколько лет моя жизнь полностью изменилась так, как я и представить себе не могла, и я до сих пор вспоминаю тот момент, когда Хелли позвонила и предложила стать моим агентом.

Я благодарна всем сотрудникам Лондонского филиала «Джэнклоуэнд-Несбитт», особенно Зои Нельсан, Эллис Хейзелгроув и Майами Сулейман в отделе иностранных прав. Спасибо Клэр Конрад за советы и поддержку, а Кирсти Гордон и Кейт Лонгман – за финансовые и практические советы.

Я многим обязана детективу-констеблю Робби Уэсту, а также Стеф Миллер и Дуги Маклауду за бесценные советы по шотландскому уголовному праву, по специфике работы судебных приставов, Верховного суда и полиции. Особая благодарность полагается Джеймсу Лузмору. Я очень ценю ваше бесконечное терпение, мудрые советы и внимание к деталям. Любые неточности в книге – целиком и полностью на моей совести.

Спасибо судебному биологу Стеф Фокс за советы по судебно-медицинской экспертизе и работе экспертов на месте преступления.

Доктор Борис Цирульник – французский психиатр и этолог, который много лет изучал детские травмы. При написании романа в качестве увлекательного и опять же бесценного ресурса я использовала его книгу «Стойкость».

Большое спасибо Ричарду Лиску за то, что научил меня основам парусного спорта и строению парусных яхт. Мне оченьгодились способы, которые он предложил для затопления яхты Эл.

Спасибо двум талантливым писателям, Нине Аллан и Прие Шарме, чья огромная поддержка и дружба на протяжении многих лет (и, конечно же, ранняя вычитка!) значат для меня больше, чем они могут себе представить.

И спасибо Стивену Кингу, которого я никогда не встречала, но он навсегда останется моей первой писательской любовью! Его невероятные мемуары «О писательстве» стали тем толчком, благодаря которому мой первый рассказ увидел свет еще в середине двухтысячных годов, и одной из причин, по которой я продолжала писать, даже когда это казалось невозможным; когда отказов было так много, что я могла бы набить ими целую комнату. Его книги научили меня, что история может привести тебя куда угодно. И что художественный вымысел – лучшее спасение из всех возможных вариантов.

Спасибо моей крестной Сьюзен Макьюэн за то, что всегда верила в меня, даже когда я теряла веру в себя.

Спасибо маме и папе за многое – всего и не перечислишь! В основном за то, что привили мне усидчивость и самодисциплину, столь необходимые для того, чтобы продолжать идти вперед, каким бы тяжелым или безнадежным ни казался твой путь. (Услышав это, я-подросток в гробу перевернулась бы!)

Спасибо моему мужу Иэну за любовь, поддержку и терпение, необходимые для того, чтобы выносить такую жену, как я. Ты никогда не отказывался от участия в самых безумных моих приключениях!

Спасибо моей сестре Лорне, которой я посвятила эту книгу. Ты ни разу не закатила глаза, когда я приходила на очередной семейный праздник с очередной кипой страниц формата А4. Спасибо, что всегда

читаешь мои творения! И самое большое спасибо за то, что ты – мой самый верный и лучший друг!

И последнее, но не менее важное: спасибо каждому читателю и этой истории, и всех других историй. Без вас эта книга никогда не увидела бы свет!

notes

Примечания

1

Погонное орудие – пушка, которая может стрелять только по ходу (по носу) корабля. – *Здесь и далее прим. пер.*

О, слава богу! Я в это не верила... (*фр.*).

3

Да ($\phi p.$).

4

Понятно. Простите (*фр.*).

Одного из лидеров шотландской рок-группы «Проклеймерс» звали Крейг Рейд.

Сестры-близнецы (*φρ.*).

Мне жаль. Это ужасно. Мне очень жаль (*фр.*).

8

Ты понимаешь? (*φρ.*)

9

Смотрите ($\phi p.$).

10

Пожалуйста! (*φρ.*)

Джон Доу, Джейн Доу – так в англоязычных странах называют тех людей (живых и мертвых), чья личность до сих пор не установлена.

Названия песен, ставших знаменитыми в исполнении Элвиса Пресли.

Хорошо (*φρ.*).

«Справедливость, мир, труд» (*фр.*).

Что вы имеете... (в виду) (*φp.*).

Зд.: Живите счастливо (*фр.*).

Table of Contents

[Кэрол Джонстон Зеркальная страна](#)

[Пролог](#)

[ЧАСТЬ I](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[ЧАСТЬ II](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Глава 34](#)

[Эпилог](#)

[Благодарности](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

